

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Подвойский Корней Васильевич

**ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЖИ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЯ**

Специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Центров Евгений Емельянович

Москва — 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1 Тактико-психологическая характеристика лжи	17
§ 1. Понятие лжи в криминалистике.....	17
§ 2. Ложь в структуре криминалистического познания	33
§ 3. Криминалистическая классификация лжи	50
§ 4. Причины криминалистически релевантной лжи	69
§ 5. Механизм совершения лжи	83
Глава 2 Криминалистические методы выявления лжи.....	98
§ 1. Теоретические основы криминалистического выявления лжи	98
§ 2. Требования к криминалистическому методу выявления лжи.....	109
§ 3. Виды криминалистических методов выявления лжи	129
§ 4. Особенности криминалистических методов выявления лжи по видимым признакам.....	147
§ 5. Особенности криминалистических методов выявления лжи по невидимым признакам	169
Заключение.....	186
Список использованных источников.....	192
Приложения	225

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В последнее время в России ежегодно регистрируются около 2 млн преступлений, причем структура криминальной деятельности постоянно меняется в качественном и количественном отношении. Однако одно остается неизменным — стремление преступников воспрепятствовать деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Противодействие со стороны заинтересованных лиц является закономерностью, присущей криминалистическому познанию имманентно. Именно оно обуславливает существование криминалистической тактики как самостоятельного раздела науки¹, который к тому же должен находиться в непрерывном развитии ввиду совершенствования преступных методов и средств, профессионализации криминальной среды, ее проникновения в государственные органы².

Главным средством воспрепятствования установлению истины о расследуемом событии всегда была ложь, что объясняется ее доступностью и относительной простотой, а также той непревзойденной ролью, которую показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подозреваемых играют в доказывании по уголовным делам. В свое время еще Г. Гросс писал, что большая часть работы следователя — это не что иное, как борьба против лжи³. И эта фраза не потеряла своей значимости за прошедшую сотню лет.

В реалиях российского уголовного судопроизводства ложь стала и вовсе повальным явлением, без которого не обходится ни одно расследование. Согласно

¹ См. об этом: *Баев О. Я., Комаров И. М.* Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики : научно-практическое издание. М., 2016. С. 9–10.

² См.: *Центров Е. Е.* Тактико-криминалистические аспекты ситуационного подхода // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград, 2012. С. 143–148.

³ *Gross H.* Criminal psychology: a manual for judges, practitioners and students. Boston, 1918. P. 474.

проведенному опросу 74 % следователей отмечают, что сталкиваются с ложью в каждом деле (однажды или даже чаще), притом что 68 % следователей признают, что испытывают сложности в распознавании лжи. Предусмотренные в законодательстве меры ответственности за заведомо ложные показания нерезультативны, и не слишком обширная практика применения ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации («Заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»), относящейся лишь к некоторым участникам процесса, не отражает действительного масштаба проблемы.

Но не только это делает ложь объектом научного и практического криминалистического интереса. Злоумышленники используют ее в качестве средства криминальной деятельности, элемента подготовки, совершения или сокрытия преступлений. Многие уголовно наказуемые деяния были бы невозможны, если бы не дезориентирующее воздействие, которое скрытно, завуалированным образом направляет действия потерпевших, вынуждая их принимать решения и совершать действия, служащие целям преступников.

Нельзя также упускать из виду, что ложь (будем реалистами) используется субъектами уголовно-процессуальной, а также оперативно-розыскной деятельности, превращаясь в средство решения ими своих задач, которые могут как соответствовать, так и противоречить закону. Это добавляет еще один блок криминалистических проблем, связанных с оценкой допустимости и познавательного потенциала подобных действий.

В этом свете изучение лжи открывает путь к пониманию преступной деятельности и механизма противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, а также отдельных возможностей практического следственного познания, что необходимо для решения основной задачи криминалистики — совершенствования деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Что такое ложь, хорошо известно. Человек обучается лгать и выявлять ложь в процессе обычного жизненного опыта, в общении с окружающими. Однако

закрепленные длительной практикой неотчетливые представления, формируемые на бытовом уровне, страдают бессистемностью, неполнотой и неточностью. Без корректировки интуитивного знания на результаты научного познания невозможно выявлять ложь достаточно эффективно, точно так же как нельзя не допускать ошибок человеку, который обучался иностранному языку стихийно, не овладев грамматикой и орфографией.

Дело усложняется тем, что современный мир — это эпоха информации, которая стала наивысшей ценностью и мерилем других ценностей. Во времена постправды⁴, к каковым может быть отнесен настоящий период, информационный поток настолько велик, что истину от лжи отделить сложнее, чем прежде. Старые методы и приемы верификации утрачивают действенность. Все социальные институты так или иначе сталкиваются с проблемами диагностики лжи и проверки достоверности сведений, которые становятся обязательными спутниками общественного развития. В уголовном процессе эти вопросы стоят наиболее остро. Криминалистика испытывает потребность в углублении имеющихся знаний о лжи, в формировании на системном уровне ее тактико-психологической характеристики, а также в разработке научно обоснованных тактических приемов и методов противодействия ей.

Изучение такого сложного феномена, как ложь, не может не носить комплексного характера, оно объединяет многие сферы знания на разных теоретических уровнях. Сложность этого процесса в том, что криминалистике приходится заимствовать и встраивать в собственную теоретическую базу данные иных наук, отделяя обоснованные суждения от непроверенных гипотез.

⁴ Постправда — термин, который обозначает информационный поток, намеренно конструируемый средствами массовой информации, чтобы создать реальность, отличную от действительности, с целью манипуляции общественным сознанием. Помимо данного термина, используются и другие, например «шоу-цивилизация», под которой понимается «современная система информационных связей в мире, которая характеризуется противоречивыми отношениями между той реальностью, которую видит зритель на экране, и эмпирической действительностью, которая его окружает» (см.: *Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? : монография. СПб., 2014. С. 27).*

Сказанным объясняется, почему ложь и ее выявление, методы и тактика этих противостоящих направлений деятельности являют собой актуальную теоретико-прикладную криминалистическую проблему.

Степень разработанности темы исследования. Исследование лжи занимало криминалистику с самого начала. Г. Гросс в своем фундаментальном труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898) несколько глав посвятил рассмотрению лжи свидетелей и обвиняемых. Отдельные вопросы, связанные с методами выявления лжи в следственной практике, изучались Э. Анушатов («Искусство раскрытия преступлений и законы логики», 1927), И. Н. Якимовым и П. П. Михеевым («Искусство допроса: практическое пособие для допрашивающих», 1928), а также другими пионерами этой науки.

Однако, пожалуй, впервые ложь выступила полноправным объектом криминалистического исследования в трудах А. Р. Ратинова и представителей его научной школы (Ю. П. Адамов, Н. И. Гаврилова, Т. А. Скотникова)⁵. Начиная с 1960-х гг. этот незаурядный ученый более 40 лет формировал научные основы криминалистического подхода ко лжи, глубоко проник в ее логико-психологическую структуру, разработал базовые положения тактики ее выявления и преодоления, а также поставил многие вопросы, задав вектор дальнейшим исследованиям.

На монографическом уровне тактика выявления и преодоления лжи в уголовном процессе также исследовалась А. А. Закатовым («Ложь и борьба с нею», 1984) и А. Н. Порубовым («Ложь и борьба с ней на предварительном следствии», 2002), которыми с опорой на изучение истории взглядов обобщены и разработаны методы разоблачения лжесвидетельства. Труды В. А. Образцова в

⁵ См., например: *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001 (первое издание в 1967 г.); *Ратинов А. Р., Скотникова Т. А.* Самооговор. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний. М., 1973; *Ратинов А. Р., Адамов Ю. П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). М., 1976. 135 с.; *Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1982. Вып. 37. С. 44–57; *Ратинов А. Р.* Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд // Юридическая психология: сборник научных трудов. М., 1998. С. 95–105.

соавторстве с В. Д. Кормой, Л. В. Бертовским, С. Н. Богомоловой и иными учеными, посвященные криминалистической психологии, а также формированию концепций уголовно-релевантных дезинформирования, инсценировок и фикций, углубили знания об отдельных видах возникающей в уголовном процессе лжи и о ее распознавании, выступив при этом одними из первых самостоятельных исследований применения лжи следователем⁶.

Среди диссертационных исследований можно выделить кандидатские работы А. А. Шмидта («Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование)», 1973), М. В. Лифановой («Выявление и разоблачение ложных показаний», 1997), А. С. Андреева («Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения», 2001), С. В. Шепелевой («Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний», 2001), О. М. Ушакова («Теоретические и практические проблемы допроса лица, склонного к даче ложных показаний», 2004), О. А. Карпенко («Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими», 2018), в которых рассмотрены частные вопросы криминалистического исследования лжи.

Помимо перечисленных работ большое значение для данной темы имеют труды О. Я. Баева, Р. С. Белкина, Ю. П. Гармаева, А. Ю. Головина, О. П. Грибунова, Г. Г. Доспулова, С. В. Дубровина, Е. П. Ищенко, Л. М. Карнеевой, Н. Н. Китаева, В. Е. Коноваловой, В. Я. Колдина, И. М. Комарова, Я. В. Комиссаровой, Ю. Г. Корухова, Н. В. Кручининой, А. М. Ларина, М. А. Лушечкиной, М. Ш. Махтаева, О. В. Полстовалова, Н. И. Порубова, А. Б. Соловьева, Ю. И. Холодного, Е. Е. Центрова, А. А. Эйсмана, Н. П. Яблокова и других. Важны для криминалистического исследования и публикации представителей наук психологического цикла: Ю. И. Александрова, С. П. Бочаровой, Ж. Дюпра,

⁶ См., например: *Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология.* М., 2002 ; *Образцов В. А. Криминалистика: парные категории.* М., 2007 ; *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике.* М., 2010 ; *Они же. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике.* М., 2012 ; *Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий : монография.* М., 2014.

В. Ф. Енгальчева, В. В. Знакова, С. Н. Ильченко, С. А. Исайчева, А. А. Леонтьева, О. Липманна, А. Р. Лурии, С. В. Поповичева, В. В. Романова, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Тарасова, О. Фрая, В. П. Шейнова, П. Экмана и других.

Несмотря на большой объем литературы, предел исследованиям лжи в криминалистике вряд ли достигим. В имеющихся публикациях эта проблема все еще не получила комплексной разработки, в основном освещаясь как бы «попутно» в ходе решения более общих исследовательских задач. Необходимостью остается углубление знаний о лжи, системное, всестороннее ее изучение как самостоятельного тактико-психологического феномена, имеющего колоссальное значение для установления истины в уголовном судопроизводстве. Этому и посвящена настоящая работа.

Целью исследования является совершенствование с опорой на анализ тактико-психологических особенностей лжи методов ее выявления при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Для достижения данной цели определен комплекс **задач**:

- разработка и обоснование понятия лжи, применимого в криминалистическом исследовании;
- выделение совокупности типов лжи, значимых для уголовного судопроизводства (криминалистически релевантной лжи);
- классификация криминалистически релевантной лжи;
- исследование причин криминалистически релевантной лжи;
- исследование механизма подготовки и совершения лжи;
- разработка теоретических основ криминалистического выявления лжи;
- уточнение требований, предъявляемых к методам выявления лжи;
- классификация криминалистических методов выявления лжи;
- исследование особенностей криминалистических методов органолептической диагностики лжи;
- исследование особенностей криминалистических методов инструментальной диагностики лжи.

Объектом исследования является криминалистически релевантная ложь как совокупность типов лжи, находящихся в отношениях и связях со сферой уголовного судопроизводства.

Предметом исследования выступают тактико-психологические закономерности подготовки и совершения криминалистически релевантной лжи, а также методов ее выявления в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Методологическая основа. В ходе диссертационного исследования с опорой на фундаментальные положения диалектического материализма, рассматривающего явления объективного мира в их развитии и взаимосвязи, взаимозависимости и единстве, применены базовые положения теории познания, а также формально-логические (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, гипотеза) и общенаучные методы (систематизация, абстрагирование, наблюдение, описание, сравнение, моделирование).

Системный, системно-деятельностный, системно-структурный подходы позволили комплексно и всесторонне рассмотреть исследуемую проблематику, в том числе получили применение при разработке понятия лжи, определении места лжи в структуре криминалистического познания, исследовании ее механизма, а также при осмыслении теоретических основ ее криминалистического выявления. Большое значение при выделении и рассмотрении видов криминалистически релевантной лжи, а также методов ее выявления имел метод классификации.

К примененным специальным методам исследования относятся юридико-догматический и сравнительно-правовой методы, анализ и обобщение следственной и судебной практики, ситуационный подход, а также статистические и конкретно-социологические методы. Значимую роль в исследовании сыграл метод интроспекции, позволивший глубже понять психологию лжи и ее выявления.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации; общепризнанные принципы и нормы международного права; Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации, иные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации, касающиеся исследуемой темы.

Теоретическую основу составили положения, отраженные в известных работах отечественных и зарубежных исследователей в области криминалистики и правовых наук, а также логики, философии, наук психологического цикла и некоторых иных направлений, в том числе Ю. П. Адамова, Ю. И. Александрова, П. К. Анохина, Э. Анушата, Р. Л. Ахмедшина, И. Е. Быховского, А. М. Багмета, О. Я. Баева, Р. С. Белкина, Л. В. Бертовского, В. Е. Богинского, С. П. Бочаровой, А. Н. Васильева, П. Г. Великородного, Ю. П. Гармаева, А. Ю. Головина, О. П. Грибунова, Г. Гросса, Г. Г. Доспулова, С. В. Дубровина, Д. И. Дубровского, Ж. Дюпра, Н. Н. Егорова, В. Ф. Енгальчева, М. И. Еникеева, А. А. Закатова, В. В. Знакова, В. В. Зыкова, М. Е. Игнатьева, Е. П. Ищенко, Н. Н. Китаева, В. Я. Колдина, И. М. Комарова, Я. В. Комиссаровой, В. Д. Кормы, Ю. Г. Корухова, Н. В. Кручининой, А. М. Ларина, А. Р. Лурии, М. А. Лушечкиной, М. Ш. Махтаева, В. А. Образцова, О. В. Полстовалова, А. Н. Порубова, Т. А. Скотниковой, А. Р. Ратинова, В. В. Романова, С. Л. Рубинштейна, А. Б. Соловьева, О. Фрая, Ю. И. Холодного, Е. Е. Центрова, А. А. Эйсмана, П. Экмана, Э. Г. Юдина, Н. П. Яблокова, И. Н. Якимова и других.

Эмпирическая основа. В ходе исследования проведено анкетирование 259 следователей Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Изучено 117 криминальных событий по материалам архивных уголовных дел и приговорам, относящимся к разным периодам времени и разным регионам страны.

Помимо этого, диссертация опирается на опубликованные примеры из криминалистической практики, а также личный опыт работы автора в сфере уголовного судопроизводства.

Научная новизна выражается в том, что диссертация является одним из первых системного характера исследований лжи в криминалистике, основанным на комплексном подходе к данному феномену и непосредственно сфокусированным на нем.

В ходе исследования с опорой на собранные эмпирические данные разработано и обосновано авторское понятие лжи, из которого впервые выделено понятие криминалистически релевантной лжи; проведена классификация видов лжи; рассмотрены причины и механизм совершения лжи в сравнении с правдивой коммуникацией, что в совокупности составило тактико-психологическую характеристику лжи, отталкиваясь от которой проанализированы теоретическая база, задачи и структура криминалистической диагностики лжи, исследованы требования к применяемым методам, выдвинуты предложения по совершенствованию отдельных методов. При этом материал представлен в виде системы, в частности показаны связи между свойствами лжи и методами ее выявления.

В числе прочего обоснована необходимость при оценке показаний учитывать возможное сходство проявлений лжи и стресса, сопровождающего правдивую коммуникацию, что требует тщательной проверки содержания сообщения, а также разработки специальных диагностических методов и тактических приемов. Подтверждена значимость для выявления ложных оговора и самоговора проверки показаний на месте, при этом приведены доводы о необходимости усиления контроля за данным следственным действием, предложены конкретные шаги по совершенствованию законодательства и следственной практики. Аргументировано значение в динамике расследования криминалистической диагностики лжи, сущность которой в выполнении ориентирующей, а не доказательственной функции. С позиций законности, этичности и познавательного потенциала для установления истины о расследуемом событии с опорой на историю взглядов в доктрине криминалистики рассмотрен вопрос применения лжи следователем, обоснована авторская позиция о границах допустимости этого метода воздействия. Раскрыты и проанализированы методологические недостатки теста контрольных вопросов, применяемого в инструментальной диагностике лжи. Разработана концепция прибора для бесконтактной оценки психофизиологического состояния человека в ходе процессуальных действий.

Положения, выносимые на защиту, являются новыми или имеют элементы научной новизны:

1. Обосновано, что с учетом необходимости разграничивать достоверность сведений и намерения лица при их сообщении под ложью в криминалистике целесообразно понимать акт передачи информации, совершаемый в целях введения другого человека в заблуждение, независимо от истинности содержания.

Выделены свойства лжи, к которым отнесены: сознательный и волевой характер действий субъекта, его информированность о предмете (верная или неверная), отношение к сообщению как к неполному или искаженному, фактологический характер содержания, отсутствие предупреждения о намерении ввести в заблуждение.

2. Разработана категория криминалистически релевантной лжи, объединяющая типы лжи, значимые для уголовного судопроизводства: а) ложь — объект познания как элемент расследуемого события; б) ложь — объект познания и тактического воздействия как способ противодействия установлению истины о расследуемом событии; в) ложь — способ познания, применяемый в целях установления истины о расследуемом событии; г) ложь — способ или результат деятельности следователя, преследующего противоправные цели.

3. Проведена классификация криминалистически релевантной лжи по основаниям, имеющим теоретико-прикладное значение: а) по соответствию передаваемой информации действительности; б) по способу преобразования информации; в) по процессуально-правовому положению лжеца в уголовном судопроизводстве; г) по числу субъектов лжи; д) по мотивам лжеца; е) по использованным средствам общения, а также некоторым другим.

4. Выделены и содержательно раскрыты факторы, продуцирующие криминалистически релевантную ложь, среди которых ключевое диагностическое значение имеет мотивация субъекта, находящая отражение в ее содержании и структуре. Обосновано, что к числу детерминант лжи в уголовном судопроизводстве могут быть отнесены отдельные правовые институты (в том числе ст. 61, 62, 64, 73, 75, 307, 308 Уголовного кодекса Российской Федерации,

разд. X Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), что должно учитываться при разработке и применении криминалистических методов.

5. Показано, что ложь не имеет универсальных диагностических признаков, а сопутствующие ей вербальные, невербальные и физиологические проявления характеризуются непрогнозируемыми межиндивидуальными различиями. В то же время отдельный человек может проявлять устойчивые черты поведения, связанного с ложью, что объясняется интеллектуальной и эмоциональной спецификой ее механизма в сравнении с правдивой коммуникацией. Однако криминалистической проблемой остается отсутствие однозначной связи конкретных психофизиологических процессов с ложью или искренностью, притом что их внешние признаки многозначны.

6. Определено, что криминалистическая диагностика лжи — это опирающееся на систему теоретических положений, включающих тактико-психологическую характеристику лжи и иные научные данные, тесно связанное с проверкой информации направление следственного познания в целях выявления того, является некое сообщение правдой или ложью. Раскрыта динамическая структура этой деятельности, которая состоит в движении от обнаружения диагностических признаков к их сопоставлению с диагностирующими данными и последующему выдвигению и проверке диагностических версий.

7. Обосновано, что познавательный потенциал лжи в рамках отдельных тактических задач при отсутствии законодательных ограничений создает предпосылки для чрезмерного использования ее в правоприменительной практике, что порождает необходимость нормативно-правового регулирования проблемы. Неприемлемым должно признаваться искажение следователем фактов при ограниченной допустимости умолчания, если оно соответствует цели установления истины по делу и имеет избирательный характер.

8. Определено, что система методов криминалистического выявления лжи представляет собой опирающуюся на методологию философского и общенаучного уровней при ведущей роли наблюдения и эксперимента совокупность разработанных в криминалистике и иных науках приемов и операций решения

диагностической задачи в различных ситуациях расследования. Выделены и содержательно раскрыты принципы криминалистических методов выявления лжи, к которым отнесены: индивидуальный подход, психологический контакт, рефлексивное управление и рациональное использование информации.

9. Показано, что наиболее надежным признаком лжи являются внешние противоречия, выявляемые при помощи проверки диагностируемого сообщения следственным путем. К вспомогательным признакам относятся внутренние противоречия, а также изменения в вербальных характеристиках сообщения, отдельных невербальных сигналах и наблюдаемых физиологических процессах.

Обосновано, что проверка показаний на месте имеет особое значение для выявления ложных оговора и самоговора, поскольку место происшествия относится к числу наиболее сильных психологических реагентов. Однако, являясь обоюдоострым правового характера инструментом, данное следственное действие может как способствовать выявлению подлинной, а не лишь декларируемой осведомленности лица о расследуемом событии, так и использоваться для фальсификации доказательств, что требует усиления контроля за его производством посредством внесения поправок в законодательство, а также соблюдения ряда криминалистических правил.

10. С опорой на раскрытую взаимосвязь памяти, эмоций и психофизиологических состояний обследуемого в процессе инструментального выявления лжи обосновано, что диагностические методы должны позволять отличать реакции, связанные с функционированием памяти, от реакций, вызванных подозрением во лжи, а также иными факторами.

Показано, что перспективным направлением криминалистических исследований является разработка технических устройств, регистрирующих психофизиологические реакции и невербальные сигналы бесконтактным способом, поскольку их внедрение в следственную практику может способствовать более эффективному выявлению лжи и решению иных познавательных задач, а также выступить дополнительной гарантией прав участников процесса.

Теоретическая и практическая значимость исследования в том, что сформулированные в нем выводы и предложения могут быть полезны для последующих научных изысканий, связанных с выявлением, профилактикой и преодолением лжи в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, в том числе для совершенствования криминалистических методов и средств, а также отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования могут быть использованы следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками, прокурорами, судьями, экспертами, специалистами и адвокатами в правоприменительной практике.

Положения диссертации также могут найти применение в процессе преподавания дисциплины «Криминалистика» в рамках образовательных программ бакалавриата, магистратуры, дополнительного образования по повышению квалификации и переподготовки кадров.

Достоверность и обоснованность выводов диссертационного исследования обеспечивается комплексным подходом к рассматриваемой проблематике, корректной постановкой исследовательской цели и задач, использованием обширной эмпирической и теоретической базы криминалистики, правовых, социальных, психологических и иных наук, а также научной осторожностью при формулировании выводов и непротиворечивостью полученных результатов.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где проходило ее обсуждение и рецензирование.

Основные положения исследования нашли отражение в 12 публикациях, в том числе в 7 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, из которых 6 рекомендованы Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова.

Выводы диссертационного исследования излагались в ходе выступлений автора на научно-практических конференциях и круглых столах: Международном

научно-практическом форуме — круглом столе, посвященном памяти профессора кафедры криминалистики Колдина Валентина Яковлевича (Москва, 2021 г.), Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021 г.), Научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности» (Москва, 2019 г.), Первой заочной молодежной международной конференции «Актуальные вопросы борьбы с преступностью» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), Втором круглом столе «Тенденции развития криминалистики глазами молодых ученых» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018 г.), Первом круглом столе «Тенденции развития криминалистики глазами молодых ученых» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018 г.).

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих по пять параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений. Последовательность изложения определена логикой исследования и поставленными задачами.

Глава 1

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЖИ

§ 1. Понятие лжи в криминалистике

Имманентно присущая практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений проблематика изучения лжи входит в орбиту самых разнообразных исследований в сфере криминалистики и являет собой один из тех узловых вопросов, интерес к которым связывает разделы этой науки между собой и со смежными отраслями знания. В определенных аспектах ложь изучается криминалистической техникой, тактикой и методикой, отдельными частными криминалистическими теориями (криминалистической диагностикой, криминалистическим учением о версии), судебной экспертологией, теорией оперативно-розыскной деятельности, юридической психологией. Но всё же особую роль в этом перечне научных направлений играют два: психологическое и тактическое. Исследования психологии лжи являются главным источником знания о том, как и почему она совершается, закладывают фундамент, на котором затем разрабатывается тактика распознавания и преодоления лжи.

Терминологическое обозначение явления, которое в настоящей работе будет определено как ложь, в различных источниках зачастую отличается, либо, напротив, одно слово (словосочетание) используется в разных, подчас взаимоисключающих значениях. Русский язык воистину богат способами, с помощью которых можно описать введение в заблуждение. Ложь, заведомая ложь, обман, утаивание, неправда, дезинформация, нечестность, манипуляция информацией, фикция, имитация, неискренность, блеф, вранье — вот лишь некоторые из них.

Однако в обыденном употреблении рассматриваемые понятия имеют недостаточную четкость. В толковых словарях ложь определяется как

«намеренное искажение истины, неправда, обман»⁷. Лгать — «врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине»⁸. Врать — «лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду»⁹. Блеф — «выдумка с целью внушить другому преувеличенное представление о себе, пустить пыль в глаза, запугать»¹⁰, «обман, рассчитанный на создание ложного впечатления, действие, вводящее в заблуждение»¹¹. Обман — «ложное представление о чем-либо, заблуждение»¹². Дезинформация — «ложная информация», дезинформировать — «ввести (вводить) в заблуждение ложной информацией»¹³. Фикция — «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности, а также вообще подделка»¹⁴. Утаить — «скрыть от кого-нибудь, сохранить в тайне»¹⁵. Имитация — «подделка подо что-нибудь»¹⁶. Сходно значение слова «фейк», под которым понимаются недостоверные или непроверенные данные в Интернете или средствах массовой информации¹⁷.

Применение столь размытых определений, несущих многие оттенки смыслов, в научном исследовании может привести к логическим ошибкам¹⁸, нечеткости и парадоксальности суждений¹⁹, путанице и сложностям в сопоставлении выводов разных авторов, а потому неприемлемо. Первым шагом в

⁷ См.: Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова // URL: ozhegov.com/words/14770.shtml (дата обращения: 12.01.2021); Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова // URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=27819 (дата обращения: 12.01.2021).

⁸ Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 494.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Ушакова. М., 1996. С. 154.

¹¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 51.

¹² Там же. С. 431.

¹³ Там же. С. 157.

¹⁴ Там же. С. 852.

¹⁵ Там же. С. 842.

¹⁶ Там же. С. 245.

¹⁷ Кроме того, понятием фейка охватывается также поддельная продукция, поддельные произведения. См.: Головкин Д. Б., Зыбин Д. Г. «Фейк» как правовое понятие // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 132–138.

¹⁸ См.: Минто В. Индуктивная и дедуктивная логика. М., 2010. С. 60–62.

¹⁹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1 : Общая теория криминалистики. С. 262–272.

системном изучении лжи должно быть начертание системы координат, в которой ведется рассуждение, то есть точное определение применяемых терминов²⁰, а также соотношения между ними.

Феномен лжи занимает междисциплинарное положение в системе научного знания; под различными углами зрения его изучают философия, логика, психология, этика, право, лингвистика, психофизиология, нейронауки и так далее. Каждая из наук использует свой подход, отвечающий специфическим отраслевым задачам, и наполняет это понятие особым содержанием, подходящим для их решения. Собственное понятие должно быть разработано и в рамках криминалистики, так как принятые в других дисциплинах подходы не предназначены для решения своеобразных задач, возникающих в ходе расследования по уголовному делу.

Например, философия рассматривает ложь как «искаженное отражение действительности, такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей»²¹, а в логике под ложью понимается суждение, в противоположность истине не имеющее под собой достаточного основания²². Суть подобного понимания лжи сформулирована А. А. Эйсманом: «С логической стороны сообщение о факте представляет суждение, то есть мысль, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь»²³. Подход, основанный на противопоставлении лжи и истины, может быть назван логическим.

²⁰ Нельзя не согласиться с Н. А. Селивановым, который отмечал, что понятия составляют первооснову любой науки, находясь в тесной взаимосвязи между собой и образуя целостную систему, отражающую явление, на которое направлено познание, осуществляемое в рамках данной науки. См.: *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 3.

²¹ *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 295.

²² См.: *Кириллов В. И., Старченко А. А.* Логика : учебник для юридических вузов. М., 2012. С. 20.

Стоит отметить, что диалектическое понимание данного подхода, исходящее из недостижимости окончательно правильного знания, несколько размывает грань между ложью и истиной, которая может быть полной (полное соответствие действительности) или частичной (неполное соответствие действительности). См.: *Корнфорт М.* Диалектический материализм. М., 1956. С. 414–415, 426–427.

²³ *Эйсман А. А.* Логика доказывания. М., 1971. С. 13.

Перенос в область криминалистики понимания термина «ложь» в качестве свойства информации вряд ли обоснован, хотя и встречается в литературе. В условиях дефицита сведений, присущего уголовному судопроизводству, чаще всего невозможно разрешить вопрос о соответствии действительности тех или иных данных сразу после их получения следователем²⁴; окончательно это можно сделать лишь по итогам расследования. Ключевое значение в динамике познания имеет не только и не столько вопрос об объективной истинности показаний, сколько вопрос о том, стремится ли допрашиваемый ввести следователя в заблуждение или добросовестно сотрудничает с ним. От этого зависит выдвижение версий и планирование следственных действий, тактика их проведения и в конце концов результаты расследования²⁵.

Конечно, недостоверные, фиктивные, фейковые сведения могут поступить к следователю и от добросовестного, и от недобросовестного участника расследования. Но в свете того, что данные ситуации порождают принципиально разные тактические задачи, нет необходимости объединять их одним и тем же понятием. Напротив, из примеров работ авторов, сделавших такое объединение, видно, что оно тут же потребовало введения дополнительных субкатегорий, таких как заведомая ложь и непреднамеренная ложь, которыми только и может оперировать содержательное исследование в рамках криминалистической тактики. Можно заключить, что логический подход к рассматриваемому понятию порождает громоздкость и избыточность терминологического аппарата, ввиду чего видится неоптимальным.

Более предпочтительным является представление лжи как характеристики не информации, а деятельности по ее передаче. В данном случае системой координат, в которой существует понятие лжи и смежные с ним, является

²⁴ Здесь и далее термин «следователь» используется в собирательном смысле как любой субъект уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях судопроизводства.

²⁵ Как справедливо отмечает О. П. Грибунов, своевременное выявление лжи и способность своевременно выявлять сложные следственные ситуации, в которых проводится допрос, мотивационно переориентировать допрашиваемое лицо на дачу правдивых показаний — залог успешной работы следователя. См.: *Грибунов О. П.* Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля // *Российский следователь.* 2016. № 5. С. 3–7.

общение — «сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека»²⁶. К тому же такой подход более соответствует представлениям практиков предварительного расследования. Большинство опрошенных следователей (73 %) считают подходящим для решения прикладных криминалистических задач определение лжи в качестве только намеренного искажения действительности в целях введения в заблуждение в противоположность определению лжи как любого не соответствующего действительности высказывания²⁷. Данный подход можно назвать психологическим или коммуникативным.

Субъекты общения в криминалистической литературе именуется различным образом (коммуникаторы, контактеры, контрагенты и так далее). В настоящей работе будет использована следующая терминология: адресант — человек, который передает информацию; реципиент — человек, которому эта информация предназначена²⁸; верификатор²⁹ — тот, кто оценивает и (или) проверяет сообщение³⁰.

В рамках психологического подхода обстоятельная классификация актов передачи информации произведена В. В. Знаковым, который исходил из трех критериев: соответствия передаваемой информации действительности,

²⁶ См.: *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). М., 2016. С. 16–17.

²⁷ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 2).

²⁸ См.: *Большой психологический словарь* / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., СПб., 2008.

²⁹ Верификация (от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю) — проверка, эмпирическое подтверждение теоретических положений науки путем сопоставления их с наблюдаемыми объектами, чувственными данными, экспериментом. См.: *Большой Российский энциклопедический словарь*. М., 2009. С. 246.

³⁰ Использование такой терминологии целесообразно с точки зрения более рационального изложения материала, поскольку позволяет избежать перечисления процессуальных статусов участников общения в уголовном судопроизводстве. Так, в случае с допросом адресантом может быть потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый, реципиентом — следователь, а верификатор может как совпадать с реципиентом в одном лице, так и быть отдельной фигурой (верификатором можно назвать судью, оценивающего достоверность показаний по видеозаписи допроса). Возможно и рассмотрение противоположной ситуации, когда адресантом будет следователь, сообщая сведения или предъявляющий доказательства допрашиваемому, а реципиентом и верификатором — допрашиваемый или его адвокат.

соответствия знания адресанта действительности и наличия у него цели введения реципиента в заблуждение³¹. Получившаяся в результате система понятий принимает следующий вид³² (табл. 1).

Таблица 1

Классификация высказываний по В. В. Знакову

Соответствие высказывания действительности	Высказывание соответствует действительности		Высказывание не соответствует действительности		
	Адресант полагает, что высказывание истинно	Адресант полагает, что высказывание неистинно	Адресант полагает, что высказывание истинно	Адресант полагает, что высказывание неистинно	
Наличие или отсутствие намерения ввести в заблуждение реципиента					
Адресант не имеет намерения ввести реципиента в заблуждение	<i>1. Правда</i>	<i>2. Случайная правда</i>	<i>3. Неправда или заблуждение</i>	<i>4. Неправда</i>	<i>5. Вранье</i>
Адресант имеет намерение ввести реципиента в заблуждение	<i>6. Обман</i>	<i>7. «Мнимая ложь»</i>	<i>8. Самообман</i>	<i>9. Ложь</i>	

Исходя из указанных критериев, ложь определяется как передача заведомо для адресанта не соответствующих действительности сведений, сделанная в целях введения реципиента в заблуждение³³. Данный подход, в отличие от логико-философских воззрений, позволяет разграничивать ложь и добросовестное заблуждение, а кроме того, выделять и другие категории. Как видно из таблицы, ложь, с одной стороны, отграничена от высказываний, не соответствующих действительности, но сделанных без цели введения реципиента в заблуждение

³¹ Аналогичные критерии были впервые использованы русским философом и психологом В. В. Зеньковским. См.: *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 35.

³² Привод. по: *Козулева А. А.* Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики // *Сибирский юридический вестник.* 2009. № 3 (46). С. 67; *Поповичев С. В.* Легко солгать тяжело. Инструментальная детекция лжи: от идеологии к технологии. М., 2011. С. 14.

³³ См., например: *Знаков В. В.* Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // *Психологический журнал.* 1994. Т. 15. № 6. С. 51–52.

(п. 3, 4, 5: заблуждение, неправда, вранье), а с другой — от высказываний, преследующих эту цель, но формально действительности не противоречащих (п. 6, 7: обман³⁴, «мнимая ложь»), а также от ситуации, когда адресант стремится ввести реципиента в заблуждение, не сообщая неистинной информации, но при этом сам заблуждается относительно имевших место событий (п. 8). Последняя категория получила в обсуждаемой таблице название «самообман», однако, поскольку речь идет об общении нескольких лиц, такое наименование представляется неудачным. Более подходящим было бы название «мнимый обман» (по аналогии с термином «мнимая ложь» в п. 7).

Похожее понимание лжи имеет распространение и в криминалистической литературе³⁵, а также в уголовно-правовых источниках. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указывается, что «обман <...> может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение <...> лица в заблуждение»³⁶. Здесь обман (этот термин в данном случае охватывает и ложь, и собственно обман по классификации В. В. Знакова) также характеризуется одновременно и с объективных (несоответствие содержания сообщения действительности), и с субъективных (заведомость) позиций.

Несмотря на весьма серьезную теоретическую проработанность данного похода, всё же представляется, что вопросы о том, соответствует ли передаваемая информация действительности, соответствует ли знание адресанта действительности и стремится ли он ввести реципиента в заблуждение (то есть

³⁴ Именно на разграничении лжи и обмана автор делает особый акцент и критикует подходы, смешивающие данные категории, указывая, что обман, как и ложь, основан на сознательном стремлении создать у реципиента ложное представление о предмете обсуждения, однако обманщик, в отличие от лжеца, не искажает факты. См.: *Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы. М., 2005. С. 304–308.

³⁵ См.: *Козулева А. А.* Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики. С. 68; *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 36.

³⁶ Такое же разъяснение содержалось и в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

соответствует ли передаваемая информация знанию), касаются сразу двух актов отражения: отражения обсуждаемого предмета в психике адресанта и отражения информации о нем в сообщении.

Разграничение исследуемых обстоятельств и их отображений является одной из методологических основ криминалистического анализа³⁷, поэтому применяемый понятийный аппарат должен допускать абстрагирование и отдельное их рассмотрение. В данном случае каждый используемый в качестве критерия классификации высказываний элемент информационного процесса с точки зрения криминалистики имеет самостоятельное познавательное значение.

Смещение этих критериев при выделении видов высказываний делает классификацию излишне подробной, а получившиеся в результате такого дробления понятия имеют чересчур узкий объем. В частности, разграничиваемые в данной терминологической системе ложь, обман, мнимая ложь и мнимый обман (или «самообман») — это всё действия, имеющие целью введение в заблуждение, которые в криминалистическом отношении представляют собой не разные явления, а скорее разные виды одного и того же явления. С практической точки зрения такая подробность понятийного аппарата, усложняющая оперирование входящими в него терминами, также едва ли будет востребована, поскольку средства тактико-криминалистического воздействия на лиц, противодействующих расследованию, не делают существенных различий между данными видами психологического манипулирования.

Более удачным представляется подход к системе рассматриваемых понятий, предложенный А. Р. Ратиновым. Этим подходом ложь, противопоставляемая правде, отграничена от ошибки, противопоставляемой истине³⁸. Ошибка и истина в данном случае являются характеристиками содержания высказывания, указывающими на его объективное соответствие либо несоответствие действительности, а ложь и правда — характеристиками деятельности по

³⁷ Обоснование правового решения. Фактологический анализ: учебно-практическое пособие / В. Я. Колдин, А. В. Колдин, О. А. Крестовников. М., 2014. С. 302.

³⁸ Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 97.

передаче информации. Инструментальный смысл данной терминологической системы, ее значение для практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений состоит в возможности разделить выводы о лжи допрашиваемого и о недостоверности его показаний, а равно выводы о правдивости показаний и об истинности их содержания. Соотношение между ложью/правдой и ошибкой/истиной продемонстрировано А. Р. Ратиновым в табличном виде³⁹ (табл. 2).

Таблица 2

Матрица истинности и правдивости показаний по А. Р. Ратинову

№	Существование факта в действительности	Соответствие знания действительности	Соответствие показания знанию	Оценка истинности показания	Оценка правдивости показания
	Существует (+) Не существует (-)	Соответствует (+) Не соответствует (-)	Соответствует (+) Не соответствует (-)	Истина (+) Ошибка (-)	Правда (+) Ложь (-)
1	+	+	+	+	+
2	+	+	-	-	-
3	+	-	+	-	+
4	+	-	-	+	-
5	-	+	+	+	+
6	-	+	-	-	-
7	-	-	+	-	+
8	-	-	-	+	-

Как видно из таблицы, правдой называется сообщение, адресант которого передает сведения, оцениваемые им самим как истинные, в целях создания у реципиента полного и адекватного представления об объективной действительности⁴⁰. Правдивое сообщение включает в себя информацию о факте, ограниченную объемом восприятия данного факта адресантом⁴¹, и может являться как истинным, так и ошибочным. Ложью, в противоположность этому, является сообщение, содержащее искаженную (по мнению адресанта) информацию и

³⁹ См.: Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях. С. 55 ; Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 100.

⁴⁰ О понятии правды см. также: Поповичев С. В. Легко солгать тяжело. С. 16.

⁴¹ Закатов А. А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. Волгоград, 1976. С. 20.

сделанное в целях введения реципиента в заблуждение. При таком подходе акцент в понимании лжи смещается с объективных характеристик на субъективные, то есть ложь может иметь место независимо от того, противоречит ли сообщаемая информация действительности и верно ли сам адресант осведомлен о предмете обсуждения. Следовательно, содержанием лжи может быть как ошибочная, так и объективно истинная информация.

В рамках криминалистического познания самостоятельному исследованию и оценке подлежит, с одной стороны, истинность полученных сведений, а с другой — правдивость адресанта⁴², то есть рассматриваемый подход как нельзя лучше применим к теории и практике раскрытия и расследования преступлений. Но, несмотря на концептуальную и методологическую удачность, приведенная матрица нуждается в некоторой корректировке, поскольку в строках 4 и 8 содержится ошибка, а первый столбец является лишним.

Ошибка в строках 4 и 8 в том, что из несоответствия показания знания, которое, в свою очередь, не соответствует действительности, в общем случае нельзя сделать вывод об истинности сообщенной информации. Такой вывод допустим исключительно в ситуациях, когда у адресанта имеются всего два взаимоисключающих варианта ответа. Именно этот частный случай и приводится автором в обоснование: «Предположим, что хозяин квартиры советует преступнику спрятаться у соседа, однако тот, без ведома хозяина, остается у него. <...> Действительным фактом является пребывание преступника в его доме, чего хозяин не знает. Однако на вопрос следователя он отвечает утвердительно, рассчитывая подать сигнал соседям, чтобы преследуемый сбежал, пока следователь будет искать его в доме. Не желая того, он сказал правду, но был неискренен»⁴³.

Однако, как еще в XVI в. тонко подметил М. Монтень, «если бы ложь, подобно истине, была одноликою, наше положение было бы значительно легче.

⁴² Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 99.

⁴³ Ратинов А. Р., Скотникова Т. А. Самооговор. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний. С. 63–64.

Мы считали бы в таком случае достоверным противоположное тому, что говорит лжец. Но противоположность истине обладает сотней тысяч обличий и не имеет пределов»⁴⁴. И действительно, уже следующий возможный (и вполне резонный) вопрос следователя о том, в какой комнате находится преступник, разрушая бинарность (появляется более двух вариантов на выбор), разрушает и данную логическую конструкцию, поскольку хозяин, как и прежде, заблуждаясь относительно действительного места пребывания преступника и желая ввести следователя в заблуждение (например, называя чердак как самое дальнее место), не обязательно говорит истину (на самом деле преступник мог спрятаться в гостиной). Конечно, хозяин дома может и угадать, но такое попадание в данном случае будет случайным, а не необходимым, ведь перечень исключаящих явлений, как правило, не исчерпывается двумя, а содержит большее их число⁴⁵.

Сказанное означает, что ложь относительно событий, о которых человек заблуждается, в общем случае не ведет к тому, что сообщенная информация соответствует действительности. По общему правилу сделать однозначный вывод о том, является ли истинным высказывание заблуждающегося лжеца, не представляется возможным.

Первый же столбец матрицы (существование факта в действительности) является лишним, поскольку для вывода об истинности или ошибочности показаний достаточно второго (соответствие знания действительности) и третьего (соответствие показаний знанию) столбцов, а отнесение высказывания ко лжи

⁴⁴ *Монтень М.* Опыты. Полное издание в одном томе. М., 2009. С. 33–38.

⁴⁵ *Эйсман А. А.* Логика доказывания. С. 52.

Интересно, что в более позднем труде А. Р. Ратинов использовал другой пример с происшествием на дороге, в котором участвовали два автомобиля: «Свидетель видел, как автомобиль «Москвич» произвел обгон «Жигулей», резко затормозил там, где затем оказался сбитый пешеход. Находясь на значительном расстоянии, свидетель неверно воспринял событие и посчитал, что наезд на пешехода совершил «Москвич», водитель которого был другом свидетеля. Чтобы выгородить приятеля, свидетель заявил, что наезд на пешехода якобы совершил автомобиль «Жигули». <...> Несмотря на истинность показаний, они неискренни, не соответствуют знанию свидетеля о преступлении, то есть ложны». В данном примере заблуждение лжеца относительно предмета лжи действительно означает, что содержание сообщения будет соответствовать истине. Однако так снова происходит лишь потому, что выбор свидетелем того, какие показания дать, вновь не просто ограничен, но сведен лишь к двум альтернативам: «Жигули» или «Москвич». Если бы на дороге находилось не два, а больше автомобилей или если бы свидетель решил не выбирать из двух увиденных им автомобилей, а выдумать, что пешехода сбила некая третья машина, которой в действительности не было на месте события, то сообщение им истины было бы возможно только в результате случайного попадания. См.: *Ратинов А. Р.* Феноменология лжи. С. 100–101.

либо к правде зависит не от достоверности информации, а только от намерений адресанта. С учетом сделанных уточнений матрица истинности и правдивости принимает следующий вид (табл. 3).

Таблица 3

Уточненная матрица истинности и правдивости

№	1	2	3	4
	Соответствие знания действительности	Соответствие показания знанию	Оценка истинности показания	Оценка искренности показания
	Соответствует (+) Не соответствует (-)	Соответствует (+) Не соответствует (-)	Истина (+) Ошибка (-)	Правда (+) Ложь (-)
1	+	+	+	+
2	+	-	-	-
3	-	+	-	+
4	-	-	вывод невозможен	-

Итак, в криминалистике под ложью целесообразно понимать акт передачи информации, совершаемый в целях введения другого человека в заблуждение, независимо от истинности или ошибочности содержания сообщения⁴⁶. Интересно отметить, насколько близко к этому пониманию лжи была наука век назад. Ж. Дюпра в работе «Ложь» понимал ее как «психосоциологический, словесный или нет, акт внушения, при помощи которого стараются более или менее умышленно посеять в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине»⁴⁷.

Продолжая характеристику лжи как криминалистического понятия, сто́ит более подробно рассмотреть ее свойства. Ложь имеет место только тогда, когда совокупность фактов, переданных реципиенту, отличается (в бóльшую или меньшую сторону) от совокупности фактов, наличествующих в сознании лжеца (несоответствие показания знанию)⁴⁸. При этом искаженность передаваемой информации может заключаться как в сообщении фактов, противоречащих тому,

⁴⁶ Похожий терминологический подход в психологической литературе см.: Эжман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб., 2010. С. 12.

⁴⁷ Дюпра Ж. Ложь. Саратов, 1905. С. 16.

⁴⁸ Липманн О. Психология лжи // Ложь в праве / О. Липманн, Л. Адам. Харьков, 1929. С. 10.

что известно лжецу, так и в несообщении известных ему фактов, то есть такое понимание лжи с точки зрения классификации В. В. Знакова охватывает мнимый обман, обман, мнимую ложь и ложь.

Очевидно также, что ложь возможна только в отношении обстоятельств, об осведомленности в которых человек убежден: лжец по определению осознает, что обладает некой информацией, относящейся к предмету высказывания⁴⁹, и оценивает эту информацию как истинную, в то время как передаваемая реципиенту информация расценивается им как ошибочная (искаженная или неполная)⁵⁰. Вместе с тем именно адекватное отражение действительности в сознании лжеца не является необходимым: лгать можно, и заблуждаясь относительно имевших место событий. Если же человек не обладает информацией о некоем предмете (например, хозяин дома из вышеприведенного примера не имеет представления о том, где находится преступник), то любое его высказывание о нем не может называться ложью. Другое дело — это попытка ввести собеседника в заблуждение о своем обладании некой информацией, что вполне соответствует понятию лжи.

Предметом лжи могут быть любые сведения, однако они должны соответствовать эмпирическому уровню познания — иметь фактологический характер. Концептуальная, гипотетическая, методическая, инструктивная, эстетическая информация⁵¹ остаются за рамками понятия лжи в криминалистике, поскольку интерес для познания здесь представляют лишь факты, которые исследуются в рамках уголовного судопроизводства.

Сложности в разграничении лжи и правды могут возникнуть, когда знания адресанта имеют не строго определенный, а вероятностный характер. Например,

⁴⁹ Невозможно солгать о том, чего не знаешь: о будущем, о том, в чем нет уверенности и так далее. См.: Поповичев С. В. Легко солгать тяжело. М., 2011. С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 14–16.

⁵¹ С точки зрения функционально-смысловых типов речи выделяются следующие виды информации: фактологическая, соответствующая эмпирическому уровню познания; концептуальная и гипотетическая, соответствующая теоретическому уровню познания; методическая, заключающая в себе описание способов и приемов усвоения данных; эстетическая, связанная с категориями оценочного, эмоционального, нравственно-этического плана; инструктивная, содержащая ориентацию на определенные действия. См.: Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 46–59.

свидетель, считая некое знание лишь маловероятным (но не точно неверным), передает его следователю как абсолютно истинное, из чего проистекает вопрос, считать ли такие действия ложью или нет⁵². На основании заявленного понятия данный вопрос должен быть разрешен положительно. Такое сообщение не может быть названо правдой, ведь свидетель стремится придать ему вид мнимой достоверности, дезориентировать следователя.

Следующим свойством рассматриваемого понятия является то, что ложью называется лишь хорошо осознанная и целенаправленная деятельность⁵³, устремленная к конкретному результату⁵⁴ — введению своего оппонента в заблуждение. Лжец всегда имеет выбор — солгать или сказать правду⁵⁵. Конфабуляции («ложные воспоминания» о событиях, которых не было)⁵⁶, а также осознаваемая, но не контролируемая человеком неискренность («патологическая ложь»)⁵⁷ не включается в понятие лжи. Субъективная сторона лжи состоит в намеренном сообщении реципиенту искаженной информации под видом истинной с целью скрытно (то есть без ведома последнего)⁵⁸ создать у того ошибочное представление о неких фактах.

Между двумя крайностями: стремлением ввести реципиента в заблуждение и стремлением проинформировать его наиболее полно — существует «пограничная зона» разнообразных ситуаций. Нельзя назвать ложью, например, показания свидетеля, который, видя, что следователь неправильно понял его слова, не переубеждает его и не уточняет свои показания, желая поскорее закончить допрос. Цель введения в заблуждение отсутствует и в случае предварительной просьбы реципиента не раскрывать истины или уведомления

⁵² См.: *Мартыненко Р. Г.* Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 85–86.

⁵³ *Фелинская Н., Станишевская Н.* Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7. С. 6.

⁵⁴ *Липманн О.* Психология лжи. С. 7.

⁵⁵ Эта особенность лжи подчеркивается различными исследователями-психологами. См.: *Экман П.* Психология лжи. С. 11 ; *Алексеев Л. Г.* Психофизиология детекции лжи: методология. М., 2011. С. 26.

⁵⁶ Судебная психиатрия : учебник для вузов / Н. М. Жариков., В. П. Котов, Г. В. Морозов, Д. Ф. Хритинин. М., 2014. С. 125.

⁵⁷ О лжи как о «патоформенном» явлении упоминал еще Г. Гросс. См.: *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 137–139.

⁵⁸ *Поповичев С. В.* Легко солгать тяжело. С. 15.

адресанта о намерении солгать⁵⁹, а также когда, сообщая искаженную информацию, адресант не рассчитывает на то, что она будет воспринята всерьез (по классификации В. В. Знакова — вранье). Не является лжецом и человек, забывший сообщить что-либо⁶⁰.

Завершая характеристику понятия «ложь», необходимо рассмотреть его соотношение с понятием «заблуждение», под которым понимается осознание ошибочного знания как истинного и наоборот⁶¹.

Данные явления могут быть как независимы, так и могут находиться в причинно-следственной связи. Заблуждение реципиента является целью лжеца, и в случае успеха последнего ложь приводит к такому результату. В случае же неудачи состояние заблуждения у реципиента не возникает либо возникает в виде, отличном от нужного лжецу.

Вместе с тем возникновение у получателя сообщения состояния заблуждения еще не означает, что сообщение является ложью. Возможно, адресант, чье сообщение ввело реципиента в заблуждение, и сам добросовестно заблуждается об обсуждаемом предмете. Такое сообщение, как и ложь, может содержать искаженную, не соответствующую действительности информацию, однако данные виды высказываний имеют различную природу. Высказывания заблуждающегося человека являются разновидностью правдивых сообщений, содержащих информацию, субъективно оцениваемую адресантом как истинную. Искажение информации не связано с конфликтом интересов, а является результатом неадекватного отражения действительности в сознании человека⁶².

Причинами добросовестного заблуждения могут быть недостоверные сведения, полученные от третьих лиц или иных источников, а также «естественные помехи»⁶³ — объективные и субъективные факторы, влияние

⁵⁹ Эжман П. Психология лжи. С. 12.

⁶⁰ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи. СПб., 2006. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 80.

⁶² Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 98.

⁶³ См.: Криминалистика: информационные технологии доказывания : учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М., 2007. С. 434–447.

которых на процессы восприятия, запоминания и воспроизведения информации иногда приводит к ее искажению. К объективным факторам относятся, к примеру, давность события и условия его восприятия, а к субъективным — физические дефекты, болезненные состояния, а также такие своеобразные феномены, как предубежденность, определенные установки, симпатии или антипатии человека по отношению к происходящим событиям⁶⁴.

Отличие добросовестного заблуждения от лжи лежит не в объективной, а в субъективной плоскости. Дело не в том, что при добросовестном заблуждении ошибочное принимается адресантом за истинное⁶⁵ (лжец также может ошибаться), а в том, что ложное сообщение — это намеренно созданный для введения реципиента в заблуждение продукт мыслительной деятельности человека, тогда как добросовестное заблуждение связано с ретрансляцией того, что было воспринято адресантом⁶⁶. Следовательно, принципиальные различия между ложью и добросовестным заблуждением лежат в области психологии их формирования.

В то же время ложь и заблуждение не являются полярными категориями. Возможна передача информации, включающей одновременно и намеренные искажения, и непроизвольные ошибки⁶⁷. Иногда грань между ложью и ошибкой бывает трудноуловима не только для верификатора, но и для самого адресанта. Случается, что человек сообщает почти правду и лишь в малой степени отступает от нее, подчас и сам того не замечая⁶⁸.

Важное методологическое и практическое значение четкого разграничения лжи и добросовестного заблуждения обусловлено тем, что ложь следовательно представляет собой одну из форм конфликта в ходе расследования, тогда как в случае добросовестного заблуждения участника производства по уголовному делу

⁶⁴ См., например: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 2005. С. 491–492.

⁶⁵ Подобный подход см.: *Шепелева С. В.* Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 66–76.

⁶⁶ *Романов В. В.* Юридическая психология : учебник. М., 2000. С. 263.

⁶⁷ *Полстовалов О. В.* Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 203–204.

⁶⁸ *Рашинов А. Р., Скотникова Т. А.* Самооговор. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний. С. 53.

конфликта нет. Для преодоления данных проблемных ситуаций должны применяться различные средства криминалистической тактики⁶⁹. А значит, уже само знание о том, правдив ли его собеседник, дает следователю тактическое преимущество⁷⁰.

§ 2. Ложь в структуре криминалистического познания

Ложь присутствует во многих сферах человеческой практики, особенности каждой из которых, безусловно, оставляют свой отпечаток на свойствах данного явления. Ложь внутри профессионального коллектива отличается от лжи в кругу семьи, и обе они отличаются от лжи средств массовой информации. Криминалистику же интересует не любая возможная в социуме ложь, а только та, которая связана с ее предметом. Необходимым элементом тактико-психологической характеристики лжи выступает ограничение объема исследуемого понятия, то есть выделение более узкого явления *криминалистически релевантной лжи* — системы из множества типов лжи, находящихся в отношениях и связях со сферой уголовного судопроизводства, являющейся для них внешней средой⁷¹. Данная задача может быть решена посредством рассмотрения места лжи в структуре криминалистического познания⁷².

Само понятие криминалистического познания многозначно, в литературе можно встретить большое число вариаций в его понимании. Здесь представляется целесообразным, оставив за скобками исследование терминологии как таковой,

⁶⁹ Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. М., 1986. С. 39–40.

⁷⁰ Рашинов А. Р., Скотникова Т. А. Самооговор. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний. С. 62.

⁷¹ Под внешней средой системы понимается набор существующих в пространстве и во времени объектов любой природы, которые, как предполагается, действуют на систему или находятся под ее воздействием. См.: Зыков В. В. Системный анализ : учебное пособие. Тюмень, 2008. С. 80–81.

⁷² Сложно не согласиться с В. Д. Кормой, который пишет: «Научный анализ частей целого только тогда может быть эффективным, когда он опирается на базовые положения более высокого уровня, когда исследователь в состоянии представить и учесть всю систему целого, имеет возможность видеть в ней место данного целого, осуществлять сравнительный анализ полученных знаний с результатами исследований других частей, определять их сходство и различие». См.: Корма В. Д. Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы : монография. М., 2020. С. 84.

наделить эту категорию как можно более широким содержанием, чтобы, не увязая в частностях, иметь возможность в абстрактном виде рассмотреть связи между ней и ложью. Познанием вообще называется получение знаний, постижение закономерностей объективного мира⁷³, а под криминалистическим познанием в настоящей работе будет пониматься постижение события прошлого по его отображениям, осуществляемое в рамках досудебного производства по уголовному делу. Другими словами, криминалистическое познание — это ключевая часть деятельности уполномоченных государством лиц, осуществляющих производство на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования по уголовному делу⁷⁴.

С позиций системно-деятельностного подхода можно выделить следующие элементы криминалистического познания как вида деятельности⁷⁵: субъект; цели (и лежащие в их основе мотивы, побуждения и потребности субъекта); объект⁷⁶; способ; результат и обстановка (условия, в которых осуществляется деятельность, включая как материальную среду, так и компоненты правового, информационного, психологического, организационного характера). При этом цель, способ и результат являются внутренними компонентами криминалистического познания, которое само выступает в качестве элемента системы более высокого уровня:

⁷³ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 922–923.

⁷⁴ Понятие криминалистического познания здесь не охватывает деятельности суда, защитника, а также иных лиц, хотя такой подход и встречается в литературе. Это связано с тем, что деятельность названных субъектов имеет значительные содержательные отличия. При этом криминалистическое познание не сводится только лишь к процессу доказывания, регламентированному нормами уголовно-процессуального законодательства, а включает в себя и непроцессуальное познание, результатом которого являются не доказательства, а сведения ориентирующего характера. См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 287–290; Колесникова Н. С. Понятие и виды криминалистической информации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 212–215.

⁷⁵ См. подробнее о системно-деятельностном подходе в криминалистике: Центров Е. Е. Системно-деятельностный подход и основные элементы криминалистики // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики. М., 2010. Т. 1. С. 275–281.

⁷⁶ Нужно оговориться, что такое познание не всегда ретроспективно, оно вполне может быть обращено к настоящему или будущему (например, при выдвижении версии о местонахождении подозреваемого, при составлении плана следственных действий, при принятии мер к предупреждению преступлений в рамках криминалистической профилактики), но, как правило, именно прошлое — некое уголовно-релевантное событие — составляет его главную цель. О временной направленности криминалистического познания см., например: Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 284.; Махтаев М. Ш., Яблоков Н. П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы : монография. М., 2016. С. 212.

«окружающая среда — субъект — деятельность (то есть собственно криминалистическое познание) — объект»⁷⁷. Так как же ложь оказывается вплетена в криминалистическое познание?

Ложь как объект криминалистического познания. Чаще всего в прицеле криминалистических исследований оказываются ситуации, когда ложь является объектом познания. Объект познания — это фрагмент реальности, изучение которого необходимо для решения некоей проблемы. Значит, при определении лжи как объекта познания нужно отталкиваться от возникающих в процессе расследования задач⁷⁸. Но для этого следует сначала рассмотреть динамическую структуру данной познавательной деятельности.

Криминалистическое познание представляет собой продукт вторичного отражения познаваемого объекта⁷⁹, коим является расследуемое событие. Оно однажды было отражено⁸⁰ в окружающей среде в виде совокупности сведений о его отдельных составляющих, запечатленных на неких информационных носителях, которые спустя время изучаются субъектом познания, отражаясь в его сознании.

Структуру криминалистического познания можно представить в виде трех элементов: системы, от которой исходит информация, носителя информации, и системы, получающей информацию. В этом процессе взаимодействие носителей информации имеет взаимный характер, каждый из них выступает одновременно и как отображающий, и как отображаемый объект⁸¹. Системой, от которой исходит

⁷⁷ См.: *Николов Л.* Структуры человеческой деятельности. М., 1984. С. 46–52.

⁷⁸ О тесной связи категорий «объект исследования» и «задача исследования» см.: *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1977. С. 74–75.

⁷⁹ *Соловьев А. Б.* Использование полученных доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России (уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы): монография. М., 2019. С. 10.

⁸⁰ В самом общем виде отражение можно определить как категорию, обозначающую процесс и один из результатов действия одной материальной системы (отображаемой) на другую (отображающую), представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы во второй системе. Это определение применимо ко всем формам отражения, начиная с простейших в неживой природе и кончая высшей — сознанием. См.: *Украинцев Б. С., Платонов Г. В.* Проблемы отражения в свете современной науки // Ленинская теория отражения и современная наука: материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. 7–9 апреля 1965 г. М., 1966. С. 197.

⁸¹ Иногда в криминалистической литературе процесс отражения неоправданно описывается только как односторонний процесс. Об этом см.: *Крюкова Е. С., Центров Е. Е.* Научные основы теоретических представлений

информация, является само расследуемое событие (действия участников события и природных сил), а также связанные с ним обстоятельства. Оно отражается на носителях информации, то есть на различных предметах или в сознании человека. Наконец, последним звеном описываемой структуры является сознание лица, ведущего производство по делу⁸².

Процесс движения информации по данной структуре включает не менее двух актов отражения. Сначала информация о расследуемом событии отображается на каком-либо носителе информации, откуда она может неограниченное число раз передаваться на иные носители. В дальнейшем (в ходе второго или более позднего акта отражения) информация поступает к следователю, изучившему обнаруженный им носитель.

Конечно, приведенное описание является лишь умозрительной моделью, огрубляющей и редуцирующей действительное положение вещей. В реальности траектория движения информации о расследуемом событии сложнее. Важное, а иногда и ключевое для конечного результата значение имеют когнитивные⁸³ процессы следователя, который является не только «механическим отражателем», но и конструктором познаваемого им события. На его восприятие влияют неудовлетворенные потребности, предшествующее знание, имеющиеся установки, гипотезы и мнения: человек в определенной степени всегда ищет именно то, что ему нужно, неосознанно отменяя или не замечая фактов, которые не соответствуют его представлению о том, что он должен найти⁸⁴. Такие дефекты

об изучаемых криминалистикой закономерностях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2019. № 2. С. 50–53.

⁸² Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1965. С. 11, 32.

⁸³ Когниция (от лат. *cognitio* и *cogitation*) — относящийся к познанию, к функциям мозга; понятие, обозначающее познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов: восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и прочих, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку. См.: Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006 ; Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // Метод : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2014. Вып. 4. С. 439–442.

⁸⁴ См.: Шмидт А. А. Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 56–57 ; Линде Н. Д. О теории отражения // Психология в вузе. 2005. № 1. С. 125 ; Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 2011. С. 39.

в расследовании могут быть отчасти предупреждены повышением уровня профессиональной подготовки следователей, обращением к помощи специалистов и иными мерами. Однако полное устранение искажений восприятия вряд ли достижимо⁸⁵.

Информация о расследуемом событии не просто передается с одного носителя на другой, но преобразуется, причем часть сведений может быть утрачена, а иные, напротив, могут быть привнесены. Свои особенности имеют сигнальная и знаковая формы отражения. В первом случае речь идет об информации, возникающей в результате взаимодействия вещей на основании объективных природных законов (например, следы рук человека). Такую информацию иногда называют «вещественной» или «материальной»⁸⁶. Здесь большую роль играют так называемые естественные помехи, к которым относятся фактор времени, окружающая обстановка, свойства самого носителя информации и другие.

Знаковая же информация является продуктом деятельности человека⁸⁷, что ставит ее содержание в зависимость не только от природных законов, но и от личности ее автора (таковы, например, показания свидетеля или документ, составленный в ходе хозяйственной деятельности организации). Данная информация, как и информация сигнальная, может изменяться под воздействием объективных факторов, но, помимо этого, ее содержание определяется волей человека, который сам принимает решение, что именно, в какой форме и в каком объеме сообщить (иногда такую информацию называют «личной»). Тут необходимо проверять не только то, насколько адекватно человек воспринял и сохранил сведения об отражаемом объекте, но и то, не стремится ли он исказить факты.

В свете сказанного производный характер информации о расследуемом событии, поступающей следователю, предопределяет необходимость решения

⁸⁵ О практических и теоретических заблуждениях в криминалистике см., например: *Центров Е. Е.* Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования. М., 2018. С. 170–181.

⁸⁶ Обоснование правового решения. Фактологический анализ. С. 126–144.

⁸⁷ Там же.

сразу нескольких задач для установления истины по делу. Помимо анализа самой информации о расследуемом событии необходимо изучать свойства ее носителя, включая обстоятельства следообразования, а также сопоставлять полученную информацию с другими имеющимися данными и отыскивать дополнительные источники сведений о тех же событиях. Следующее из этого разграничение исследуемых обстоятельств и производной информации о них (их образов, отображений) является одной из методологических основ криминалистического анализа, которая делает возможным адекватное познание событий прошлого⁸⁸.

Теперь рассмотрим, какое место в описанной динамической структуре криминалистического познания в качестве его объекта занимает ложь. Ее своеобразие состоит в двойственной роли, поскольку ложь может представлять перед следователем и в роли самого исследуемого обстоятельства, и в роли производной информации о нем, его фиктивного образа.

В первой ипостаси ложь возникает тогда, когда она является частью расследуемого события. Такова ложь мошенника, выявление всех обстоятельств совершения которой является важнейшей задачей расследования данного преступления. Многие другие преступления также основаны на введении одним человеком другого в заблуждение (например, ст. 110.1, 141, 150, 151.2, 165, 173.2, 176, 230.1, 283.1, 339 УК РФ). Причем ложь не только может быть элементом объективной стороны уголовно наказуемого деяния, но и может выступать в качестве способа его подготовки или сокрытия⁸⁹. В деле о подобном преступлении следователь должен собрать следы лжи, найти и исследовать ее отображения на различных носителях информации, которые, к слову, могут иметь не только знаковую (например, показания свидетеля или потерпевшего о том, что именно злоумышленник обещал сделать, но не сделал), но и сигнальную природу (например, аудио- или видеозапись разговора, в котором это обещание прозвучало). В этих ситуациях ложь относится к первому из трех элементов

⁸⁸ Там же. С. 302.

⁸⁹ То, что ложь присуща ряду составов уголовно наказуемых деяний, дает основания для объединения их в отдельную группу «преступлений дезинформационного характера». См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 67.

структуры криминалистического познания — к системе, от которой исходит информация.

Вторая возможная роль лжи в качестве объекта криминалистического познания — это ложь, совершенная, чтобы ввести следователя в заблуждение относительно расследуемого события или его отдельных обстоятельств. Данная ложь может возникнуть в ходе расследования любого преступного события, вне зависимости от того, что предусмотрено диспозицией уголовно-правовой нормы. К этой разновидности лжи относятся, например, ложные показания свидетеля; поддельные документы, подтверждающие ложное алиби преступника; заявление, содержащее заведомо ложный донос, и тому подобные источники информации. Если в первой ипостаси (в качестве исследуемого обстоятельства) ложь совершается независимо от производства по уголовному делу, то вторая категория лжи, напротив, непосредственно связана с расследованием и направлена на то, чтобы пустить его по определенному следу. Задачами следователя становятся не просто познание, но активное выявление и преодоление такой лжи при помощи разрабатываемых криминалистической тактикой правил, рекомендаций, приемов, предписаний, технологий⁹⁰.

Ложь участников уголовного дела следует отличать от других форм противодействия расследованию с их стороны, в частности от заперательства. Под последним следует понимать отказ отвечать на вопросы следователя без сообщения сведений по существу заданного вопроса⁹¹. Различия заперательства и лжи влекут разные тактические подходы к ним.

Ложь как способ криминалистического познания. Криминалистическое познание — сложный процесс, который по своей природе предполагает необходимость взаимного информационного обмена и психологического

⁹⁰ О соотношении этих понятий см.: *Центров Е. Е.* Общие научные положения криминалистической тактики // *Криминалистика : учебник для магистратуры / под общ. ред. И. В. Александрова.* М., 2014. С. 182–186.

⁹¹ В литературе существует и иное понимание термина «заперательство», в частности как утверждение «я ничего не знаю» со стороны лица, которое в действительности осведомлено об обсуждаемом вопросе. Однако в этом случае правильнее говорить о лжи, совершаемой путем отрицания. Пример данного подхода см.: *Закатов А. А.* Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних : учебное пособие. Волгоград, 1979. С. 12–13.

взаимодействия между следователем и другими людьми. Общение не бывает исключительно односторонним, причем следователь должен побудить участников уголовного процесса к сотрудничеству, сообщив им необходимые для этого информационные основания. Так как ложь является одним из теоретически доступных приемов такого побуждения, необходимо исследовать возможности ее применения в качестве способа криминалистического познания.

Долгое время в научном сообществе ведется дискуссия о законности и об этичности использования лжи в процессе расследования. Однако, отвлекаясь от нормативной (правовой и этической) оценки подобного рода лжи (эта оценка будет дана далее⁹²), нужно констатировать, что на практике в следственный арсенал она входит и широко применяется в процессе расследований по уголовным делам. Так, лишь 29 % опрошенных следователей считают такую ложь недопустимой, тогда как 71 % указали на правомерность введения в заблуждение участников уголовного судопроизводства, из которых 7 % и вовсе полагают приемлемой любую ложь, независимо от ее содержания и способа введения в заблуждение⁹³. Это само по себе должно притягивать взгляд криминалистической науки, ведь практика расследования является объектом изучения и одним из источников формирования криминалистической тактики⁹⁴. Стало быть, ложь следователя как одно из проявлений его практической деятельности должна

⁹² В вопросе о лжи как о способе криминалистического познания можно выделить две плоскости анализа: исследование ее познавательного потенциала и исследование границ ее допустимости. Настоящий раздел посвящен исследованию первого из названных аспектов. Вопросы допустимости подобной лжи рассматриваются в параграфе 2 главы 2.

⁹³ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 25).

Примечательно, как данные результаты соответствуют проведенному более 20 лет назад Р. С. Белкиным исследованию: «Опрос 210 следователей органов прокуратуры и внутренних дел свидетельствует, что 75 % респондентов считают обман допустимым, хотя и прибегают к нему в своей практике редко или вообще не прибегают; 10 % считают обман аморальным и недопустимым в следственной практике, указывая в то же время, что рекомендуемые в литературе «хитрости» и «ловушки» они не считают основанными на обмане; 15 % респондентов в той или иной форме уклонились от прямого ответа. К этому следует добавить, что некоторые из тех следователей, которые отрицают правомерность обмана, в личной беседе приводили подчас такие примеры, которые свидетельствовали об их нечетком представлении об обмане или слишком узком толковании этого понятия» (цит. по: *Баев О. Я., Комаров И. М.* Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики. С. 53).

⁹⁴ *Центров Е. Е.* Общие научные положения криминалистической тактики. С. 181.

отражаться криминалистикой вне зависимости от того, оценивается ли она как допустимая.

Однако не всякая ложь следователя может быть названа способом криминалистического познания, а только такая, цели которой подчинены целям этой деятельности. Системное толкование закона дает основания утверждать, что целью криминалистического познания, хотя и не закрепленной напрямую, остается установление истины о расследуемом событии⁹⁵. Значит, чтобы называться способом криминалистического познания, ложь должна быть направлена на содействие получению объективной информации о расследуемом событии. Стоит подчеркнуть, что само по себе соответствие целям криминалистического познания еще не делает ложь допустимой. Она может быть как законной, так и незаконной, как этически оправданной, так и неприемлемой.

Без сомнения, можно представить ситуации, когда ложь следователя преследует совершенно иные цели, не связанные с установлением истины (скорейшее завершение работы по делу, вымогательство взятки, склонение к ложному оговору или самоговору и тому подобное). Однако в этих случаях она не может быть названа способом криминалистического познания, поскольку утрачивает свою «криминалистическую специфику», превращаясь в способ совершения должностного проступка или преступления, а потому ее характеристика выходит за рамки настоящей работы.

Исходя из цели установления истины о расследуемом событии, можно выделить две группы частных задач, для решения которых следователь может вводить участников уголовного процесса в заблуждение. Задачи первой группы направлены на проверку версии о причастности лица к каким-либо событиям или

⁹⁵ Например, ст. 297 УПК РФ предъявляет к приговору требование обоснованности, ст. 152 и 154 упоминают о необходимости полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования, а ст. 73 устанавливает столь широкий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, что, по сути, предопределяет необходимость установления всей картины расследуемого события. Данная позиция разделяется и высшей судебной инстанцией. В частности, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняется, что суды должны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, а в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» отмечается необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Можно привести и другие примеры.

же осведомленности о них. В данном случае следователь вводит проверяемого человека в заблуждение, чтобы увидеть его реакцию на некие недостоверные сведения, которая может расцениваться как характерная для того, кто осведомлен или не осведомлен о расследуемом событии и его деталях, противодействует или не противодействует расследованию и так далее⁹⁶. Ложь, решающая подобные задачи, условно может быть названа «диагностической».

В качестве примера можно привести ситуацию, когда перед допросом лица, заподозренного в совершении серии краж, следователь привносит в обстановку допроса предметы, внешне похожие на похищенные (предположим, мобильные телефоны тех же моделей и расцветок, что были украдены), причем реальные предметы хищения еще не найдены, но о них известно со слов потерпевшего. Ясно, что человек, который ничего не знает о преступлении, не проявит и специфической реакции, в то время как у лица, осведомленного о деталях случившегося, при виде данных предметов неминуемо возникнет мысль о том, что все похищенное обнаружено и изъято. Сама эта мысль может породить такие своеобразные перемены в поведении, отметив которые следователь укрепит в мысли об информированности проверяемого лица. Следующий вопрос, на который нужно будет ответить следователю, состоит в том, что стало источником информированности: личное участие в преступлении или же сведения от третьих лиц, из новостей, слухов и тому подобное.

⁹⁶ Именно исходя из задач такого рода, В. А. Образцов, Л. В. Бертовский и Н. Л. Бертовская определили понятие «криминалистическая фикция», которое является в их терминологии родовым понятием по отношению к «криминалистической лжи». Так, криминалистическая фикция реализуется в расчете на введение заподозренного в совершении преступления лица в заблуждение, «проявление им в условиях свободного выбора варианта своего поведения ответной психофизической реакции, характерной для виновного либо невиновного поведения». См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 262–286.*

В целом соглашаясь с данным подходом, можно сделать несколько уточнений. Во-первых, отчасти некорректно говорить о том, что виновное или невиновное поведение имеет некую характерную психофизическую реакцию, поскольку виновность является юридической категорией. Более правильно будет вести речь о реакциях, выдающих скрываемую информированность лица, которая может быть следствием причастности проверяемого лица к расследуемому событию или может возникать в результате иных причин. Во-вторых, кажется необоснованным ограничение возможности применения «криминалистической фикции» только в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления. Данные приемы применимы в отношении и других категорий участников уголовного процесса. Наконец, в-третьих, ложь как способ криминалистического познания не исчерпывается диагностической задачей, о чем будет сказано далее.

Рассмотренный случай может служить образцом того, насколько тонкими бывают различия между ложью и заблуждением, возникающим у человека без чьей-либо помощи. Воздействие следователя могло привести к введению в заблуждение только тогда, когда подозреваемому известны детали расследуемого события, в противном случае никакого состояния заблуждения не возникнет, ведь следователь не сообщал недостоверных сведений (не утверждал, что размещенные на видном месте предметы связаны с допросом), что дает основания не называть подобные действия ложью. Действительно, следователь создал ситуацию, в рамках которой только лицо, обладающее искомой информацией, могло проявить некие характерные реакции, то есть можно говорить о том, что не следователь обманывает допрашиваемого, а допрашиваемый сам обманывается в силу своей осведомленности⁹⁷.

Другой пример. В следственные органы обратился гражданин, заявив о том, что его знакомый «заказал» ему убийство некоего гражданина в счет погашения долга. Для проверки данной информации предполагаемому заказчику при поддержке следственных органов из нескольких источников сообщаются ложные сведения о якобы свершившемся убийстве. После этого сотрудничающий со следствием «должник» получает у введенного в заблуждение «кредитора» расписку о погашении долга, которая и становится главной уликой против последнего⁹⁸. В этом случае действия, организованные следствием, в отличие от предыдущего примера, уже в полной мере отвечают понятию диагностической лжи. По справедливому суждению следователя, лишь действительно осведомленный о планируемом преступлении человек мог в качестве реакции на новость об убийстве оформить подобную «имущественную сделку».

⁹⁷ Именно такой позиции, в частности, придерживается Е. Е. Центров в своих лекциях, ограничивая правомерный тактический прием следователя от неправомерной лжи. В противоположность введению допрашиваемого в заблуждение, которое недопустимо, правомерный прием может создавать на основе осведомленности следователя ситуации, которая может быть воспринята только информированным лицом.

⁹⁸ За основу для данного смоделированного примера взят случай из практики, описанный в средствах массовой информации. См.: Житель Ногинска заказал убийство пасынка в счет погашения несуществующего долга // URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/04/01/zhitel-noginska-zakazal-ubiystvo-pasynka-v-schet-pogasheniya-nesushhestvuyushhego-dolga.html> (дата обращения: 26.04.2021).

Второй разновидностью задач, для решения которых следователь может применять ложь, является стимулирование сотрудничества с участниками расследования. В отличие от диагностической лжи, главной целью которой не является побуждение человека к каким-либо определенным действиям (хотя возможен и такой результат), данная ложь нацелена на нейтрализацию противодействия расследованию, подталкивание участника уголовного дела к даче подробных показаний о своем участии в преступлении или об участии в нем иных лиц либо к другим действиям. Условно она может быть названа «побудительной ложью».

Например, задачу установления кооперации может решать ложное заявление, адресованное не идущему на сотрудничество импульсивному допрашиваемому в расчете на эмоциональное опровержение сказанного со стороны последнего, что создаст почву для установления психологического контакта или получения ценных сведений⁹⁹. Однако такая ложь может быть крайне опасна. Даже мимоходом брошенное обвиняемому, отрицающему вину, замечание о том, что другие лица уже начали «давать на него показания», может привести к ложному оговору или самоговору, направлению следствия по неверному пути. Отличие этого примера лжи как способа криминалистического познания от предыдущих в том, что воздействие следователя не является избирательным (в терминологии А. Р. Ратинова), то есть таким, которое дает эффект только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлению истины, и является нейтральным в отношении иных лиц¹⁰⁰. В результате этой лжи не только виновный, но и невиновный человек может дать признательные показания либо оговорить другое лицо. А это значит, что с криминалистической точки зрения (то есть с точки зрения целесообразности,

⁹⁹ См.: *Корма В. Д.* Тактико-криминалистические особенности использования оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений : учебное пособие. М., 2021. С. 126.

¹⁰⁰ Необходимо подчеркнуть, что сегодня данный термин все чаще используется в значении, отличном от значения, предложенного А. Р. Ратиновым, как право следователя самостоятельно выбирать те или иные методы познания. В настоящей работе этот термин употребляется в оригинальном значении. См. об этом: *Центров Е. Е.* Общие научные положения криминалистической тактики. С. 186 ; *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 166–168.

эффективности и рациональности используемых приемов) неизбирательная ложь лишена познавательного смысла и не должна применяться следователем.

Образцом побудительной лжи, которая не имеет данного недостатка, может выступать сообщение лицу, избравшему тактику запирательства, о том, что допрашивающему «и так все известно», хотя в действительности имеет место ситуация информационного дефицита. Принципиальным с точки зрения познавательной ценности приема является отсутствие в ложном сообщении информации, которая может навести допрашиваемого на некую конкретную линию поведения, ожидаемую следователем в связи с его якобы осведомленностью (в том числе нельзя лгать о том, что установлена причастность к преступлению конкретного лица).

Способы лжи следователя включают в себя как вербальные (устно-речевые и письменно-речевые), так и невербальные действия (притворное поведение) в различном сочетании. Поскольку выше уже приводились примеры лжи следователя в устной речи и в виде притворного поведения, стоит остановиться на возможностях использования письменной формы. Вполне иллюстративен следующий пример. Следователь, расследующий уголовное дело о преступлении, совершенном несколько лет назад, предположил, что человек, которому он собирается предъявить обвинение, будет использовать для своей защиты ложное алиби, для чего могут быть привлечены лжесвидетели. В качестве контрмеры следователь намеренно допустил ошибку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого: вместо реальной даты совершения преступления указал следующий день. Спустя какое-то время после предъявления обвинения стороной защиты действительно была представлена версия о том, что обвиняемый «в день преступления», указанный в постановлении, якобы находился в другом месте, что подтверждалось подробными и согласованными показаниями друзей обвиняемого. В ходе допросов следователь спрашивал у свидетелей, как им спустя столько времени удалось практически поминутно восстановить в памяти конкретный день, помнят ли они так же хорошо другие дни. На это все допрашиваемые заявили, что именно день, указанный в постановлении о

привлечении в качестве обвиняемого, врезался им в память, поскольку именно тогда имело место некое субъективно значимое для них всех событие, события же предыдущего и последующего дней они уже не помнят, о местонахождении подозреваемого в эти дни ничего пояснить не могут. Когда впоследствии следователь исправил «ошибку» в дате, он получил серьезное тактическое преимущество, поскольку заготовленное ложное алиби обвиняемого больше не могло им применяться. Конечно, все допрошенные лица могут отказаться от своих первоначальных показаний, заявив (как и следователь) о том, что просто перепутали даты. Однако им будет крайне трудно сконструировать новое убедительное ложное алиби, поскольку одновременная одинаковая ошибка в дате со стороны сразу нескольких лиц маловероятна и указывает на их сговор в целях противодействия расследованию.

Хотя описанные действия следователя в принципе не противоречат цели установления истины по делу, эти действия не основаны на законе, и в них, по всей видимости, могут усматриваться признаки служебного подлога — преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Однако тактическое преимущество, которое следователь получает в результате их совершения, а также высокая латентность подобных деяний создают условия для применения подобных же «способов расследования» в практике уголовного судопроизводства. Примеры такой лжи, методы ее выявления и доказывания должны тщательно исследоваться в криминалистике.

С содержательной стороны ложь следователя может быть связана с обстоятельствами его информированности о расследуемом событии, проведенными следственными действиями и их результатами, наличием или отсутствием определенных доказательств. Создание преувеличенного представления об осведомленности следствия и допущение легенды, являющиеся одними из наиболее распространенных тактических приемов, характерных для вербальных следственных действий, имеют большой потенциал для применения лжи. Ложь следователя может касаться также имеющихся у него версий и планов по проведению следственных и процессуальных действий. Вместе с тем научное

исследование этого, судя по данным опроса следователей, весьма распространенного явления, затруднено, поскольку, как показали результаты изучения следственно-судебной практики, ложь следователя чаще всего не находит отражения в материалах уголовного дела¹⁰¹, принимая внепроцессуальные формы выражения.

Ложь как результат криминалистического познания. Результатом криминалистического познания можно назвать сконструированную следователем модель прошлого — его видение обстоятельств расследуемого события. Данное знание облачается в форму процессуального документа, имеющего итоговый характер для досудебной стадии уголовного судопроизводства, к примеру обвинительного заключения или постановления о прекращении уголовного дела. Поскольку данная умозрительная модель является продуктом человеческой деятельности, к ней в полной мере применимы все положения об источниках знаковой информации. Она может адекватно отражать реальность, а может исказить ее по заблуждению или умыслу автора. Стало быть, возможно соотнесение данной модели и лжи в том ее широком понимании, которое используется в настоящей работе.

Однако, если следователь умышленно искажает известные ему факты в процессуальном документе, очевидно, что он отклоняется от цели установления истины о расследуемом событии, а значит, нельзя говорить о криминалистическом познании. Тем не менее криминалистика должна изучать подобные случаи, ведь история знает немало примеров осуждения невиновных лиц, причем как по причине ошибки следователя, так и по причине его личной заинтересованности в этом¹⁰². Внимание к практике нарушений прав человека в ходе предварительного расследования необходимо¹⁰³, а недостаток такого внимания может рассматриваться как упущение теоретического и практического

¹⁰¹ См.: приложение 2 «Результаты изучения уголовных дел и приговоров» (вопросы 3, 16).

¹⁰² См.: *Центров Е. Е.* Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самоговора и оговора // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2020. № 1. С. 29–34.

¹⁰³ О некоторых противоправных методах следователя см., например: *Баев О. Я.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний : научно-практическое пособие. М., 2014. С. 62–64.

характера¹⁰⁴. Нужно, следовательно, учитывать, что ложь может быть и итогом расследования по уголовному делу.

Реципиентами такой лжи являются субъекты правоприменения, которые уполномочены проверять принятое следователем итоговое решение (прокурор, суд). Она может преследовать цели сокрытия истинной картины преступления (например, вынесение заведомо незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела), привлечения к уголовной ответственности невиновного человека или непривлечения виновного, а также искажения различных частных обстоятельств дела: завышения или занижения размера ущерба и тому подобное; полный список противоправных устремлений такого рода составить вряд ли удастся. Эти цели противоречат служебным обязанностям лица, ведущего предварительное расследование, и являются элементом субъективной стороны ряда должностных преступлений: злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ), привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей (ст. 301 УК РФ), принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ), фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) и других.

Интерес для криминалистики представляют прежде всего способы такой деятельности лица, ведущего производство по уголовному делу. Недобросовестные следователи, преследуя указанные цели, могут склонять лиц к даче ложных показаний или подписанию сфальсифицированных протоколов допроса, оказывая физическое или психическое воздействие на участников уголовного судопроизводства, составлять заведомо подложные протоколы следственных действий, вносить в процессуальные документы сведения, не

¹⁰⁴ См.: Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. Краснодар, 2017. С. 32.

вытекающие из обстоятельств дела или прямо противоречащие им, фальсифицировать следы преступления, не выполнять обусловленные ситуацией расследования следственные действия (или выполнять их ненадлежащим образом) и так далее¹⁰⁵.

Пристальному изучению подлежат методы подделки различных видов доказательств и склонения участников расследования к даче заведомо ложных показаний, лингвистические особенности описания фабулы дела в процессуальных документах, содержащих заведомо ложные данные, а также другие особенности механизма лжи со стороны лица, ведущего производство по уголовному делу, что, безусловно, требует дальнейшей теоретической проработки в рамках отдельного криминалистического исследования.

Итак, криминалистически релевантная ложь объединяет в одну категорию следующие весьма неоднородные типы лжи, в отношении каждого из которых возникают различные задачи криминалистического познания, начиная от установления обстоятельств выявления лжи и заканчивая использованием знаний о ней в собственных целях (табл. 4).

Таблица 4

Типы криминалистически релевантной лжи

№	Тип	Функция лжи	Задача криминалистики
1	Ложь как объект познания	Элемент механизма расследуемого события	Установление и доказывание лжи по следам-отображениям
		Способ противодействия расследованию	Выявление, преодоление и предупреждение лжи
2	Ложь как способ познания	Введение участника расследования в заблуждение в целях установления истины о расследуемом событии («диагностическая» и «побудительная» ложь)	Исследование познавательного потенциала и границ допустимости лжи
		Введение участника расследования в заблуждение в иных целях	Разработка криминалистической характеристики и методики раскрытия, расследования и предупреждения подобных деяний
3	Ложь как результат познания	Введение в заблуждение суда и надзорных органов	

¹⁰⁵ Тотиков Т. М. Выявление и расследование незаконных методов ведения следствия (дознания) в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 40–54.

Хотя каждая из данных групп лжи обладает качественным своеобразием и исследуется «под разными углами», все они значимы с точки зрения построения в криминалистике тактико-психологической характеристики лжи в раскрытии и расследовании преступлений, имеющей многоаспектный, комплексный, системный характер.

§ 3. Криминалистическая классификация лжи

Рассмотренное в предыдущих параграфах понятие лжи объединяет множество проявлений активности человека, охватывая одним термином мыслительные операции и действия, значительно различающиеся (а иногда и весьма далекие друг от друга) по способу совершения, цели, сложности и другим параметрам. Подобная широта, «многоликость» лжи влечет необходимость тщательного упорядочения, систематизации знаний о ней, под чем понимается исследовательская деятельность, направленная на обнаружение в объекте существенных элементов, структур и связей. Настоящий параграф посвящен частному вопросу систематизации лжи — ее классификации, то есть делению этого понятия, результатом которого является создание системы соподчиненных понятий¹⁰⁶.

Теоретическое значение криминалистической классификации лжи состоит в том, что она позволяет выделить значимые для данного объекта свойства и связи между ними, а также более полно описать объем этого понятия. С практической стороны классификационное исследование может быть положено в основу криминалистических рекомендаций по предупреждению, выявлению и преодолению отдельных видов лжи¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Классификация (от лат. *classis* — разряд, класс) — система соподчиненных понятий (классов, объектов), какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов. См.: Большой Российский энциклопедический словарь. С. 688 ; *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. С. 36–40.

¹⁰⁷ Сложно не согласиться с А. Н. Васильевым, который писал: «Подход к предмету с точки зрения системно-структурного анализа предполагает использование классификации. Всякая классификация представляет собой упорядочение знаний о каком-либо предмете с тем, чтобы путем распределения его по различным

Первоначальным этапом любой классификации является построение ее пространства, или ограничение множества объектов, которые будут классифицироваться. Это и было сделано ранее: в работе ложь определена как передача сведений в целях введения другого человека в заблуждение независимо от объективной истинности содержания сообщения; а также выделена криминалистически релевантная ложь, которая и является объектом классификации. Принимая за основу эти данные, следует иметь в виду, что бывают и другие терминологические подходы. Иногда под ложью понимается сообщение недостоверных сведений как с целью ввести другого человека в заблуждение, так и по ошибке¹⁰⁸. Это понятие не совпадает по объему с понятием лжи, принятым в настоящей работе (их объемы пересекаются). Следовательно, классификационные пространства данных понятий различны, а результаты деления в отношении них могут не совпадать даже с учетом того, что отличий в наименовании образованных видов и подвидов лжи может не быть. Применительно же к выбранному определению лжи можно рассмотреть следующие классификации.

По соответствию информации действительности. По определению передача информации называется ложью независимо от достоверности ее содержания (значение имеет лишь цель действий адресанта). Исходя из этого, можно по принципу дихотомии выделить два вида лжи: ложь с сообщением неистинной информации и ложь с сообщением истинной информации.

Сообщение неистинных сведений является очевидным примером и не нуждается в пояснениях. Сообщение же достоверных сведений для введения в заблуждение возможно по крайней мере в трех случаях. Во-первых, если лжец предвидит, что оппонент ожидает обмана и не поверит его словам, то он может

основаниям на виды, подвиды и так далее определить объем и уровень знаний об этом предмете и найти путь к более глубокому исследованию и познанию, а также к более эффективному использованию наших знаний о нем на практике». См.: *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2002. С. 28.

¹⁰⁸ См., например: *Шмидт А. А.* Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование); *Карпенко О. А.* Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018; *Ушаков О. М.* Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.

сообщить ему именно истинные сведения, надеясь таким образом увести внимание соперника от озвученных обстоятельств. Этот специфический способ манипулирования может быть назван сообщением правды под видом лжи. Ввиду особого формализма криминалистического познания (большинство сообщений фиксируется письменно или иным образом), а также того, что следователь обязан проверять показания участников расследования, этот трюк не слишком пригоден для уголовного процесса. Во-вторых, лжец, который добросовестно заблуждается относительно обсуждаемых обстоятельств, пытаясь сообщить недостоверные сведения, может случайно сообщить достоверные. Несколько примеров подобной лжи уже описано ранее. Еще одной иллюстрацией может быть ситуация, когда один из собеседников, стремясь ввести другого в заблуждение о времени отправления поезда, но не зная об изменении расписания, сообщает по случайности верное время¹⁰⁹. Наконец, третьим и наиболее распространенным примером лжи с передачей истинных сведений является передача лишь части информации при сокрытии неких значимых фактов в расчете на то, что это дезориентирует реципиента. Последний случай приводит нас к следующему классификационному основанию.

По способу преобразования информации. В сознании лжеца одновременно существует две картины реальности: та, которую он полагает истинной, и та, которую он желает внушить своему оппоненту. Конструирование лжи можно представить как мыслительную задачу по преобразованию первой картины во вторую. Для этого существует два базовых приема: умолчание об истинных, по мнению лжеца, фактах либо сообщение сведений, которые лжец считает неистинными. Виды лжи, основанные на этих способах, именуется по-разному: пассивная и активная ложь¹¹⁰, сокрытие и фальсификация¹¹¹, умолчание и искажение¹¹², что не влияет на суть рассматриваемых явлений.

¹⁰⁹ См.: *Знаков В. В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–16.

¹¹⁰ См., например: *Лоер В.* Криминалистика : учебник // URL: <https://be5.biz/pravo/k015/29.html#1> (дата обращения: 10.08.2021).

Умолчание как вид лжи не тождественно непередаче информации вовсе. Его специфика в том, что при коммуникации информация об обсуждаемом предмете преподносится лишь частично в расчете на то, что реципиент, воспринимая ее, может прийти к неверному выводу об отсутствии неких деталей, связей или признаков. Умолчание совершается путем исключения информации о предмете (факте, событии) или его отдельных элементах либо путем обобщения признаков предмета (используются слова «многие», «большинство» и так далее). Хотя при умолчании не передается искаженных сведений, в результате происходит такое изменение всей описываемой картины, которое, по расчету лжеца, должно ввести реципиента в заблуждение. Умолчанием, к примеру, является сообщение очевидца группового преступления, который из дружеских чувств к одному из соучастников, перечисляя тех, кого он видел в момент совершения преступления, не называет объект своей симпатии. Однако, если тот же свидетель на вопрос следователя о том, был ли этот самый человек на месте происшествия, ответит отрицательно, это будет уже не умолчанием, а искажением.

Искажение гораздо более разнообразно и может производиться при помощи следующих способов (в совокупности или по отдельности):

- 1) изменение фактов (например, их перестановка во времени или пространстве, преувеличение или преуменьшение);
- 2) дополнение фактов другими, вымышленными или реальными (произошедшими в другое время, другом месте и при других обстоятельствах);
- 3) замена действительно имевших место фактов другими, вымышленными или реальными;

¹¹¹ Simakov A. I., Kalenov B. V., Pelenitsyn A. B., Pronkin N. N. Truth — lies — ambiguity, semantic traffic to the polygraph [Симаков А. И., Каленов Б. В., Пеленицын А. Б., Пронькин Н. Н. Правда — ложь — неясность как семантический светофор для полиграфа] // International Journal of Professional Science. 2020. № 7. P. 11–28.

¹¹² См., например: Экман П. Психология лжи. С. 23.

4) отрицание существования фактов или своей осведомленности о них¹¹³. В отличие от умолчания, при котором адресант ничего не сообщает реципиенту о предмете, при отрицании он утверждает, что предмета нет¹¹⁴.

Вполне очевидно, что умолчание предпочтительнее для лжеца, так как требует меньших интеллектуальных и эмоциональных затрат. Чем бóльшим изменениям подвергаются описываемые события и факты при искажении, тем труднее установить правдоподобную внутреннюю связь между вымыслом и реальностью и достигнуть цели — ввести реципиента в заблуждение. Кроме того, человеку легче решиться именно на умолчание, поскольку в случае разоблачения такой лжи ему будет проще оправдаться забывчивостью, а также потому, что умолчание в меньшей степени, чем искажение, осуждается общественной моралью (иногда оно вовсе не называется ложью, а применяются другие слова: «обман», «неправда» и прочие термины, которые имеют более нейтральное звучание¹¹⁵).

Стоит отметить, что противопоставление умолчания и искажения имеет в значительной степени теоретический характер, так как на практике оба приема используются лжецами совместно. Разнообразные сочетания умолчаний и искажений образуют основу конструкции лжи. Например, комбинация умолчания и искажения имела место в деле о разбойном нападении, сопряженном с незаконным проникновением в квартиру. Организатор преступления, стремясь преуменьшить ответственность, на допросе сообщил, что соучастники якобы действовали не в целях хищения, а стремясь отыскать свое ранее оставленное в

¹¹³ О способах искажения см., например: *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 54; *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе) : академический курс. Ярославль, 2004. С. 15; *Ратинов А. Р., Адамов Ю. П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 89; *Карнаухова О. Г.* Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 113–115.

¹¹⁴ *Мартыненко Р. Г.* Коммуникативное противодействие расследованию: способы: выявление, преодоление. С. 74.

¹¹⁵ *Знаков В. В.* Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе. С. 252–253.

квартире имущество¹¹⁶. Умолчание в данном случае состоит в исключении из описания того, что вломившиеся в квартиру сразу начали требовать чужие ценности, а искажение – в отрицании корыстной цели.

В то же время умолчание и искажение составляют лишь часть объема понятия «ложь». Они связаны с непосредственным упоминанием предмета, в отношении которого лжец стремится дезориентировать своего оппонента (такая ложь может быть названа «прямой» или «непосредственной»), однако ввести в заблуждение можно и без этого, подталкивая реципиента к ошибочным выводам при помощи тенденциозного подбора данных, логически неверных рассуждений (например, подмены понятий или такой логической уловки, как «после этого — значит вследствие этого»), использования специфического контекста, интонации, намеков, многозначных высказываний и так далее. Подобные приемы иногда именуется «завуалированная»¹¹⁷, «тонкая» ложь¹¹⁸, «увертка»¹¹⁹ (уместен и термин «опосредованная ложь»). Они часто применяются средствами массовой информации и политиками для манипулирования общественным сознанием, однако, как показали результаты анкетирования следователей, возможны и в криминалистической практике¹²⁰.

По числу участников. Можно выделять межличностную (один человек лжет другому), групповую (человек лжет группе людей либо группа людей лжет одному человеку) и массовую ложь (группа людей лжет группе людей)¹²¹.

В уголовном процессе наиболее распространена межличностная ложь, когда один человек пытается ввести в заблуждение другого. Групповая ложь может

¹¹⁶ По материалам уголовного дела № 9051987, возбужденного в Следственном управлении при Железнодорожном РУВД Красноярского края в 2002 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹¹⁷ См., например: *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 211–238.

¹¹⁸ См., например: *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. С. 23–24.

¹¹⁹ *Экман П.* Психология лжи. С. 161.

¹²⁰ Большинство следователей (53 %) назвали самым распространенным способом лжи умолчание. 19 % респондентов указали, что чаще сталкиваются с таким способом лжи, как замена действительно произошедшего события вымышленным, 12 % упомянули дополнение описываемого события вымышленными фактами, 9 % — уход от ответа и 7 % — сообщение правды под видом лжи. См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 8).

¹²¹ *Щербатых Ю. В.* Искусство обмана : популярная энциклопедия. М., 2005. С. 30–33.

встречаться, например, в случаях сговора на противодействие расследованию. Признаками такой лжи являются сходство или дословное совпадение содержания сообщений нескольких лиц.

Существует психологический феномен, когда человек вводит в заблуждение себя самого. Внушение себе мыслей, не соответствующих действительности, называется самообманом. Иногда самообман играет роль психологической защиты, помогающей личности сохранить свою целостность в травмирующей ситуации. Распространена, к примеру, форма самообмана, основанная на вере в то, что мотив некоего поступка совсем не тот, каким он реально является¹²². Хотя самообман не удовлетворяет заявленному понятию лжи и не может быть назван ее видом, он имеет важное значение для криминалистического познания, поскольку грань между ложью другим людям и ложью самому себе может быть размыта.

По процессуальному положению лжеца. Можно различать: ложь лица, ведущего производство по делу (следователя, дознавателя, судьи), прокурора, оперативного работника, эксперта, специалиста, защитника, представителя, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, понятого. Причем данные виды лжи можно группировать в различном сочетании, получая более крупные классификационные группы. Весьма продуктивным представляется выделение лжи должностных лиц и лжи частных лиц.

Хотя любые участники уголовного судопроизводства могут, преследуя собственные цели, прибегать ко лжи, в криминалистической доктрине наиболее разработаны вопросы лжи частных лиц¹²³. Результаты проведенного анкетирования показывают, что, по мнению следователей, в рамках этой последней группы наиболее распространена ложь подозреваемых и

¹²² Знаков В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы. С. 294.

¹²³ Вместе с тем разработка вопросов, связанных с ложью должностных лиц, присутствует, например, в следующих работах: Бахин В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 гг.). Киев, 2002; Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике; Они же. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике.

обвиняемых¹²⁴. Вместе с тем нет оснований утверждать, что одни участники расследования более лживы, чем другие. Представляется, что необходимо избегать перекосов как в теоретических исследованиях, так и в практической следственной деятельности и ориентироваться не на формальный статус лица, а на содержание возникающих в реальной практике ситуаций, рассматривая различные варианты субъекта, который может выступать адресантом лжи.

Классификация лжи частных лиц может быть углублена в зависимости от их роли в расследуемом событии. К примеру, свидетелей можно делить на очевидцев и тех, кто очевидцами не является, но располагает некими значимыми сведениями. Среди свидетелей-очевидцев можно выделить активных, которые пытались пресечь и предотвратить преступление, и пассивных, которые этого в силу объективных или субъективных причин не делали¹²⁵. Обвиняемых и потерпевших также можно классифицировать по характеру и степени их участия в расследуемом деянии.

По направленности относительно предмета уголовного дела. Углублением классификации лжи частных лиц, на котором следует остановиться подробнее, является ее деление на оправдательную, обвинительную и нейтральную ложь¹²⁶.

Оправдательная ложь — это попытка ввести лицо, ведущее производство по делу, в заблуждение относительно несовершения преступления определенным лицом (самим лжецом или кем-то другим). Специфической разновидностью оправдательной лжи является ложное алиби. Алиби — это нахождение лица в момент совершения преступления в другом месте, следовательно, предметом

¹²⁴ На вопрос «Какие участники уголовного процесса наиболее часто лгут следователю?» категорию «подозреваемые и обвиняемые» выбрали 78 % следователей, «потерпевшие» — 8 %, «свидетели» — 12 %, «иные лица» — 2 %. См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 4).

¹²⁵ Следует иметь в виду, что свидетели, которые имели объективную возможность вмешаться в преступные действия, но не сделали этого, к примеру, из страха, могут пытаться ввести следователя в заблуждение об отдельных обстоятельствах события, с тем чтобы скрыть собственное поведение, которые они считают неблагоприятным. См.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. С. 494–495.

¹²⁶ См., например: *Суворова Л. А.* Идеальные следы в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 112.

такой лжи может быть место и время совершения преступления, место нахождения лица во время его совершения¹²⁷.

Создание ложного алиби может быть сопряжено со сговором между его субъектом и другими лицами («свидетелями ложного алиби»), которые также дают ложные показания (в этом случае имеет место групповая ложь). Действенным способом такого сговора является совместное проведение данными лицами времени до или после преступления, а затем изменение в показаниях лишь даты на ту, которая требуется по обстоятельствам дела¹²⁸. Иногда лжец вводит своих знакомых в заблуждение относительно времени встречи, в связи с чем, подтверждая ложное алиби, они дают правдивые показания. Помимо свидетельских показаний ложное алиби может быть обосновано сфальсифицированными документами и вещественными доказательствами¹²⁹.

Обвинительная ложь — это попытки ввести лицо, ведущее производство по делу, в заблуждение о том, что преступное деяние совершил определенный человек или группа людей. Обвинительная ложь может быть, в свою очередь, классифицирована по нескольким основаниям. Первым основанием является реальность события преступления, в котором ложно оговаривают человека. Обвинительная ложь может совершаться в отношении действительно имевшего место преступления, в котором виновен другой человек или другие люди (реальная обвинительная ложь), либо в отношении вымышленного или инсценированного преступления (нереальная обвинительная ложь).

По своей направленности обвинительная ложь разделяется на ложный оговор и ложный самооговор. Ложный оговор — это ложное обвинение в совершении преступления другого лица. Ложный самооговор — ложное признание лица в совершении уголовно наказуемого деяния, в действительности

¹²⁷ Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 9.

¹²⁸ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 367.

¹²⁹ Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения. С. 25–27.

им не совершенного (иначе говоря, ложное обвинение самого себя)¹³⁰. Ложные оговор и самооговор можно, в свою очередь, подразделить на полные (оговариваемый совершенно непричастен к совершению преступления) и частичные (оговариваемый причастен к преступлению, но в меньшей степени)¹³¹.

Признание обвиняемым своей вины, к сожалению, до сих пор в представлении многих следователей, прокуроров и судей остается «царицей доказательств»¹³², которой достаточно для осуждения человека¹³³. Такой подход неприемлем, поскольку он ведет к осуждению невиновных, вынесению неправосудных решений¹³⁴. Кроме того, если по делу вынесен обвинительный приговор или иное итоговое решение в отношении конкретного лица, то преступление считается раскрытым, и потому прекращаются следственные и оперативно-розыскные действия, направленные на установление лиц, причастных к данному событию, а настоящий преступник получает возможность безнаказанно продолжать свою криминальную деятельность¹³⁵.

Бесспорно, значимость признания для расследования велика, ведь действительно причастное к совершению преступления лицо является обладателем уникальных сведений, подчас единственным очевидцем, кому

¹³⁰ Традиционно в криминалистической литературе используется термины «оговор» и «самооговор», однако оговорить себя или другого человека можно и вследствие заблуждения, в связи с чем более корректно использовать термины «ложный оговор» и «ложный самооговор». См.: *Центров Е. Е.* Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования. С. 57.

¹³¹ *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 240–247.

¹³² *Центров Е. Е.* Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самооговора и оговора. С. 34.

¹³³ Отчасти виной тому то, что в отечественной правоохранительной системе эффективность деятельности следователя оценивается количеством, а не качеством и актуальностью расследованных уголовных дел, что отмечается многими исследователями. См., например: *Комаров И. М.* Новые трактовки понятия «следственное действие»: вопросы и пути их решения // *Процессуальные действия вербального характера: сборник статей по материалам всероссийского круглого стола / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина.* СПб., 2017. С. 8–9.

¹³⁴ Особую яркость данные факты приобретают на примере дел об убийствах «без трупа», когда «убитый» оказывается жив, что выясняется уже после вынесения обвинительного приговора в отношении сознавшегося человека (в исторической перспективе — иногда и после его смертной казни). См.: *Архипова А. Н., Кутаев Н. Н.* Историческая казуистика судебно-следственных ошибок по делам об убийствах «без трупа» // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки».* 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 299–303.

¹³⁵ *Центров Е. Е.* О признании обвиняемым своей вины // *Научные труды. Российская академия юридических наук.* М., 2020. С. 321–327.

известны все детали произошедшего. Однако признание может исходить и от лица, которое на самом деле преступления не совершало. Следовательно, признание не должно выступать в качестве единственного доказательства вины человека. С помощью сообщенных признающимся данных необходимо собирать другие доказательства, которые будут исключать ошибку в решении вопроса о виновности, причастности конкретного лица и других лиц к расследуемому событию¹³⁶. Это положение, являющееся в силу своей значимости тактическим правилом, получило закрепление в законе. В ч. 2 ст. 77 УПК РФ сказано, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств», а в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» закреплено, что «признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора».

В основе процитированных правовых установлений лежит принцип, сформулированный еще на заре криминалистики. Г. Гросс писал: «Для судебного следователя попросту не должно существовать сознания. Он должен продолжать свою работу, как если бы обвиняемый заперся в своей вине»¹³⁷. Ту же мысль высказывал и Э. Анушат применительно к любым свидетельским показаниям: «Криминалисту следовало бы привыкнуть в каждом, как в простом, так и в самом трудном случае, <...> ставить себе вопрос, какой оборот приняло бы дело, если бы против всякого ожидания свидетель сказал неправду»¹³⁸. С учетом сказанного необходимость тщательной проверки и диагностирования всякого признания в преступлении должна иметь характер криминалистического правила.

¹³⁶ Там же. С. 22.

¹³⁷ Цит. по: *Архипова А. Н., Китаев Н. Н.* Историческая казуистика судебно-следственных ошибок по делам об убийствах «без трупа». С. 299–303.

¹³⁸ *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001. С. 20–21.

По личности лжеца. Характеристики личности также могут¹³⁹ выступать в качестве классификационного основания лжи. К таковым относятся социально-демографические (пол, возраст, образование), социально-ролевые признаки (характеристики гражданской, трудовой, бытовой деятельности человека), нравственно-психологические черты и так далее¹⁴⁰.

В зависимости от возраста лжеца можно различать ложь несовершеннолетних, взрослых, престарелых. Своеобразна психология малолетних, которые могут быть склонны к фантазированию, домысливанию воспринятых событий, более подвержены внушению, чем взрослые, а также имеют иные особенности¹⁴¹, что влечет необходимость использования при работе с ними специфических средств криминалистической тактики¹⁴². Важно учитывать эти особенности в делах, где несовершеннолетние являются потерпевшими или очевидцами преступления, когда от оценки их показаний зависит судьба расследования¹⁴³. Специфика лжи лиц старших возрастных групп обусловлена тем, что с возрастом возможен регресс когнитивных способностей человека; как следствие, ложь может сопровождаться более выраженными вербальными и невербальными проявлениями¹⁴⁴.

Значение с точки зрения деления лжи могут иметь и классификации личности по психологическим качествам. К примеру, в зависимости от темперамента выделяются такие четыре группы личности, как холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик. Особенности функционирования психики

¹³⁹ Хотя и не без определенных оговорок, поскольку свойства личности относятся не ко лжи как таковой, а к ее субъекту. Однако представляется, что в силу особой криминалистической значимости данное классификационное основание может иметь и практическое, и теоретическое значение.

¹⁴⁰ См.: *Лушечкина М. А.* Криминалистическое изучение личности в тактике расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 34–35.

¹⁴¹ См.: *Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков.* С. 514–515 ; *Бертовский Л. В.* Допрос: тактика и технологии. М., 2015. С. 235–273.

¹⁴² См., например: *Сулейманова С. А.* Тактико-криминалистические средства, используемые в работе с несовершеннолетними при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

¹⁴³ Первостепенное значение эти факторы приобретают по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, когда их ложные показания могут привести к ошибочному приговору и осуждению к суровому наказанию. Однако эти вопросы столь специфичны, что их рассмотрение выходит за рамки настоящей работы и заслуживает отдельного исследования.

¹⁴⁴ См.: *Бертовский Л. В.* Особенности допроса лиц старших возрастных групп // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки».* 2020. Т. 24. № 4. С. 1100–1121.

каждого из этих типов накладывают отпечаток на всю деятельность человека, то есть они влияют и на совершение лжи, и на то, какие методы будут наиболее эффективны для ее выявления и преодоления¹⁴⁵.

По мотиву лжеца. Одним из наиболее эффективных средств предупреждения, распознавания и преодоления лжи является установление мотивов человека¹⁴⁶. В основе мотива лжеца может быть потребность получить (себе лично или иному лицу) материальную или нематериальную выгоду либо избежать наказания или иных негативных последствий¹⁴⁷. Исходя из возможных побуждений, выделяется самоориентированная ложь (совершаемая, чтобы получить преимущество, избежать наказания, произвести впечатление на других и тому подобное); ложь, ориентированная на других (совершаемая в интересах обманываемого или иного лица); а также социальная ложь, которая одновременно служит интересам и лжеца, и других людей¹⁴⁸.

По степени подготовленности лжеца выделяются подготовленная и спонтанная ложь. Первая, в свою очередь, может быть классифицирована по степени проработанности. Приготовление лжи может включать измышление ее фактологической стороны, создание предметных инсценировок, фальсификацию доказательств, сговор с другими лицами и так далее.

Примеры до тонкостей продуманной лжи часто встречаются в уголовных делах в отношении организованных преступных формирований, члены которых могут заранее продумывать линии поведения в случае ареста или вызова на допрос. Примерами разработанных мер конспирации могут выступать отрицание факта знакомства друг с другом исполнителями преступления или установка всех членов преступного сообщества на объяснение аккумуляирования преступных

¹⁴⁵ Существуют и другие классификации. К примеру, Р. Л. Ахмедшин выделяет 10 психотипов допрашиваемых лиц, прямо увязывая их со способностями человека к убедительной лжи: гипертим (способность убедительно лгать высокая), истероид (высокая), шизоид (низкая), эпилептоид (средняя), параноид (средняя), гипотим (средняя), циклоид (средняя), застревающий (низкая), сензитив (средняя), комформный (средняя). См.: *Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н. Т. Ведерников. Томск, 2015. С. 42–50.*

¹⁴⁶ *Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. С. 304.*

¹⁴⁷ *Vrij A. Detecting Lies and deceit: pitfalls and opportunities. England, 2008. P. 18–21.*

¹⁴⁸ *Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 20–22.*

доходов на счете подконтрольной организации ведением правомерной предпринимательской деятельности.

Однако как бы ни была проработана ложная версия, при общении она неизбежно подвергается корректировке, изменению или дополнению¹⁴⁹, то есть в ней присутствует элемент спонтанности. Кроме того, сама подготовка может породить весьма заметные следы («отрепетированность» показаний свидетеля, использование им нехарактерных для него выражений, совпадение показаний нескольких лиц и тому подобное). Неподготовленная же ложь может вызывать больше интеллектуальных и эмоциональных трудностей и сопровождаться появлением соответствующих диагностических признаков, особенно у лиц, которые не имеют большого опыта в манипулировании другими людьми.

По средствам общения. В теории коммуникации разделяют вербальный (речевой) и невербальный каналы передачи информации. Соответственно тому, по какому из них передается сообщение, можно выделить вербальную и невербальную ложь.

Вербальная ложь, в свою очередь, разделяется на ложь при помощи устно-речевых средств коммуникации и ложь при помощи письменно-речевых средств коммуникации¹⁵⁰. Устная ложь далее может быть подразделена на ложь с использованием паралингвистических средств вербальной коммуникации (интонация, тембр голоса, сила звука) и ложь с использованием экстралингвистических средств вербальной коммуникации (смех, покашливание). Невербальная ложь осуществляется с использованием внешнего облика (например, выражения лица, манеры держаться, осанки), жестов, мимики, взаимного расположения собеседников и так далее¹⁵¹.

Такова в общем виде криминалистическая классификация лжи, графическое изображение которой представлено на рисунке 1.

¹⁴⁹ Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 103.

¹⁵⁰ Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 213.

¹⁵¹ Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технологии. С. 172.

Рис. 1. Классификация криминалистически релевантной лжи

Конечно, изложенным не исчерпываются все возможные деления этого понятия. Классификационное исследование криминалистически релевантной лжи может быть углублено за счет выделения «процессуальной» (то есть совершаемой во время производства процессуальных действий) и «непроцессуальной» лжи¹⁵²; лжи в отношении испытываемых в данный момент чувств и в отношении иных обстоятельств¹⁵³; лжи однонаправленной и взаимной (когда каждая из сторон коммуникации пытается ввести другую сторону в заблуждение); лжи при высоких и при низких ставках; «контекстуальной» (лжец использует для введения в заблуждение только содержание своего сообщения) и «экстраконтекстуальной» (лжец использует для введения в заблуждение реципиента предшествующие

¹⁵² Полстовалов О. В. Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки. С. 184.

¹⁵³ Masip J. Garrido E., Herrero C. Defining deception // Anales de Psicología. 2004. № 20 (1). P. 147–171.

действия, а также различные факторы обстановки) лжи¹⁵⁴, а также многих иных видов. Однако в рамках настоящего исследования подробное описание данных видов лжи видится избыточным, поскольку они имеют значение для решения более частных задач.

В завершение сто́ит рассмотреть некоторые деления лжи, хотя и не являющиеся классификациями в строгом смысле этого слова, но имеющие значение для понимания обсуждаемой проблемы.

Криминальная и криминалистическая ложь. Близко к классификации по процессуальному статусу лжеца примыкает противопоставление криминальной и криминалистической (антикриминальной) лжи. В его основе лежит идея спроецировать на ложь деление социальной практики на противоправную, уголовно наказуемую деятельность и противостоящую ей правоохранительную и правоприменительную оперативно-розыскную и следственную деятельность¹⁵⁵.

Однако данное деление не может рассматриваться в качестве научной классификации, поскольку в нем отсутствует четкое основание, по которому происходит разграничение рассматриваемых явлений. Выделение криминальной и криминалистической сфер практики обусловлено не отличием у них некоего признака при совпадении остальных¹⁵⁶, а целым комплексом сущностных различий (субъект деятельности, ее соответствие закону, цель и тому подобное). При этом социальная практика, изучаемая криминалистикой, не исчерпывается двумя обозначенными видами деятельности, а включает и иные ее виды. Категории криминальной и криминалистической деятельности являются парными противоположными понятиями, для которых, как справедливо отмечает В. А. Образцов, характерно то, что их объемы в сумме составляют лишь часть объема общего родового понятия. В качестве примера данный автор приводит

¹⁵⁴ *Бертовский Л. В.* Допрос: тактика и технологии. С. 172–173.

¹⁵⁵ Данное деление лжи используется авторами криминалистических концепций «уголовно-релевантного дезинформирования» и «уголовно-релевантных фикций». См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 11–12 ; *Они же.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 22–23.

¹⁵⁶ Одновременное использование нескольких классификационных оснований является ошибкой при построении классификации. См.: *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. С. 51–52.

противоположные понятия враждебного и дружественного государства, которые составляют только часть объема общего для них понятия «государство», поскольку за пределами этой части находится понятие нейтрального государства¹⁵⁷. Соответственно, и в обобщающее понятие «деятельности, изучаемой криминалистикой», помимо криминальной и криминалистической, входит и «нейтральная» деятельность (к примеру, свидетеля или адвоката).

Проекция данных парных категорий на криминалистически релевантную ложь точно так же оставит с необходимостью белые пятна на классификационном пространстве данного понятия, причем весьма обширные. В качестве иллюстрации можно рассмотреть ложь обвиняемого как один из наиболее важных для расследования видов лжи. Ясно, что такая ложь не относится к криминалистической лжи. Не может, однако, она называться и криминальной, о чем свидетельствует родовое по отношению к понятию криминальной лжи понятие криминальной фикции, которое авторами рассматриваемой классификации определено так: «дезинформационная система, реализованная *субъектом (субъектами) преступления* (курсив здесь и далее мой. — К. П.) путем создания и использования под видом подлинного искусственного (вымышленного) либо реального объекта с искусственно измененными признаками для *противоправного* психологического воздействия на сознание потерпевшего, сотрудников правоохранительных органов и других лиц в расчете на введение их тем самым в состояние заблуждения, способствующее совершению ими действий, служащих интересам и планам указанного субъекта, либо принятию решения об отказе от совершения действий, невыгодных ему и/или его преступным связям»¹⁵⁸. Очевидно, что ложь обвиняемого не отвечает

¹⁵⁷ См.: *Образцов В. А.* Криминалистика: парные категории. С. 22.

В более поздних работах коллектив авторов, куда входит и В. А. Образцов, к сожалению, упускает из виду данный факт, разделяя уголовно-релевантную фикцию и уголовно-релевантное дезинформирование лишь на криминальное и криминалистическое (парные противоположные понятия), без выделения иных видов данных явлений, в связи с чем эта классификация, как представляется, носит дискуссионный характер.

¹⁵⁸ См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 71.

Аналогично сконструировано и другое разработанное в рамках данного направления исследований понятие — криминальное дезинформирование как «*запрещенный законом, наказуемый в уголовном порядке*

сразу двум признакам этой обширной дефиниции. Во-первых, обвиняемый не всегда является субъектом преступления; в этом процессуальном статусе может оказаться и невиновный, ошибочно заподозренный гражданин, который, несмотря на свою невиновность, вполне может лгать следователю (особенно это значимо для такой разновидности лжи, как ложный самоговор). Во-вторых, ложь обвиняемого не запрещена законом, то есть не является противоправной.

Ложь обвиняемого, а также некоторые другие виды лжи¹⁵⁹ «ускользают» и из-под понятия криминальной лжи, и из-под понятия лжи криминалистической, а значит, рассматриваемое деление страдает неполнотой и требует выделения некой «иной» лжи по остаточному принципу (без определенного критерия).

Полная и частичная ложь. Еще одной из распространенных в криминалистической литературе классификаций лжи является ее деление на полную и частичную ложь, представляющую собой «сплетение правды и вымысла». Во многих работах говорится, что полная ложь на практике встречается редко, так как легко разоблачается, и по этой причине более распространена ложь частичная¹⁶⁰.

Между тем и данная классификация не лишена недостатков. Чтобы говорить о «степени полноты», нужно сначала определить объем информации, который берется за точку отсчета. За ориентир можно взять, например, все сообщенные на допросе сведения, и тогда полная ложь действительно вряд ли достижима, так как при допросе выясняются анкетные данные, сведения о биографии и другие обстоятельства, не связанные напрямую с делом.

процесс и способ психологического воздействия на умы, чувства и действия должностных лиц, отдельных граждан или определенных групп населения, направленный на производство клеветнической или иного вида заведомо ложной информации и ее реализацию, в одних случаях, путем распространения, а в других — путем использования в роли средства подготовки, совершения преступления (преступлений), противодействия правоохранительным органам для сокрытия преступления и (или) решения других *преступных* задач». См.: *Образцов В. А.* Криминалистика: избранные труды : сборник научных трудов. М., 2017. С. 93.

¹⁵⁹ Другим примером, выходящим за границы понятий уголовно-релевантной фикции и уголовно-релевантного дезинформирования, может быть ложь свидетеля, не достигшего возраста уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, хотя этот вид лжи имеет большое криминалистическое значение.

¹⁶⁰ См., например: *Шепелева С. В.* Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний. С. 69.

Однако подлинный смысл криминалистического исследования показаний состоит в детализации диагностируемой информации, то есть в том, чтобы любое, даже очень большое по объему, сообщение представить как совокупность информационных единиц меньшего объема и в конечном итоге свести к набору элементарных утверждений (например, показания о том, что было в конкретный день, могут быть представлены как совокупность описаний более узких временных промежутков или конкретных событий, а те, в свою очередь, — как совокупность описаний их компонентов и так далее)¹⁶¹. Именно элементарные утверждения являются первоначальным объектом оценки и проверки, «рабочим материалом» криминалистического исследования. Однако такие утверждения являются или только правдивыми, или только ложными (при этом же или только истинными, или только неистинными), они не могут быть частично правдивыми и частично ложными.

Вместе с тем простейшие ложные высказывания могут быть по своему содержанию связаны с правдивыми и истинными утверждениями, могут основываться на них, дополнять или изменять их смысл. Конструирование сочетаний лжи и правды, встраивание вымысла в картину действительности является ключевой задачей лжеца, успех решения которой предопределяет результативность введения реципиента в заблуждение. Переплетая в своих показаниях реальные воспоминания с вымышленными, искусный лжец может затруднить разоблачение своей легенды даже при наличии у оппонента подозрений. Еще бóльшие сложности могут возникнуть, если используемые наряду с истинными фактами ложные части сообщения непроверяемы или их проверка затруднена по каким-либо причинам. Однако измышление такой лжи требует интеллектуальных усилий, учета большого числа факторов, а иногда даже специальной подготовки.

¹⁶¹ В этом криминалистическая диагностика лжи созвучна криминалистическому причинному анализу, который состоит в мысленном расчленении исследуемого события на криминалистически значимые элементы с их последующим изучением. См.: *Игнатьев М. Е., Комаров И. М. Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений : монография. М., 2021. С. 83–84.*

§ 4. Причины криминалистически релевантной лжи

Рассуждение о генезисе лжи может вестись по крайней мере на двух уровнях, значимых для ее тактико-психологической характеристики. Во-первых, интерес представляет происхождение лжи в свете ее социально-психологической природы¹⁶². В данном случае ложь рассматривается через призму исторического развития биологического вида человека (филогенез) и индивидуального развития отдельного представителя этого вида (онтогенез). Эта плоскость исследования имеет весьма большое криминалистическое значение, поскольку позволяет глубже познать природу лжи как адаптивного (приспособительного) механизма психики человека, а также особенности функционирования этого механизма. Во-вторых, не менее важны и причины отдельных актов лжи участников уголовного процесса, выяснение которых является ключевым элементом ее криминалистической диагностики.

Социально-психологическая природа лжи. Филогенетический аспект происхождения лжи относительно скудно описан в науке. Доминирует гипотеза о том, что появление лжи в жизнедеятельности человека подготовлено рефлексам и инстинктами приспособительного характера, служащими тому, чтобы освободиться от преследования или получить какие-либо выгоды за счет других¹⁶³. К предшественникам лжи относятся, в частности, маскировка, мимикрия (подражание окраской окружающей среде), паразитизм и некоторые другие свойственные многим биологическим видам формы поведения. Однако в заявленном выше понимании — как целенаправленное введение своего оппонента в заблуждение — она становится возможна лишь с появлением развитого мышления, присущего человеку¹⁶⁴.

¹⁶² Вопросы настоящего параграфа подробнее см.: *Подвойский К. В.* Криминалистическое исследование происхождения лжи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 133–143.

¹⁶³ *Липманн О.* Психология лжи. С. 16.

¹⁶⁴ См.: *Никитина Е. В.* Взаимосвязь образа ситуации лжи с поведением личности (на примере представителей социономического типа профессий) : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. С. 14.

Вероятно, ложь возникла в первобытном обществе уже в момент появления навыков членораздельной речи (40–50 тыс. лет назад) как средство внутривидовой борьбы за существование¹⁶⁵. Упоминание лжи содержится в древнейших памятниках письменности: Законах Хаммурапи, Законах Ману, Библии, а также многих других. С течением времени ложь развилась в универсальный адаптивный механизм, позволяющий изменить взгляды и намерения другого человека или группы людей, направить его или их поведение в нужную сторону¹⁶⁶, который широко используется для достижения разнообразных целей¹⁶⁷. Являясь имманентной частью межличностного общения, ложь выступает средством взаимовлияния (регуляционно-коммуникативная функция) и информационного взаимодействия (информационно-коммуникационная функция) людей, а также оказывает воздействие на эмоциональную сторону коммуникации¹⁶⁸.

Востребованность и общественная значимость лжи сделали ее объектом нормативного регулирования (морального, правового, религиозного), причем иногда ложь объявляется допустимым или предпочтительным вариантом поведения («ложь во благо»), а иногда, напротив, осуждается и запрещается (эгоистическая ложь). В любом случае, ложь — многократно в течение жизни повторяемое и наблюдаемое человеком действие — превращается в коммуникативный навык, используемый для решения разного рода задач¹⁶⁹.

В то же время имеются примеры способностей высокоразвитых животных (например, высших приматов) в более примитивных формах вводить своего оппонента в заблуждение. Об этом см.: *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. С. 17.

¹⁶⁵ *Любимова Н. Г.* Реконструкция «имплицитных теорий» личности о лжи и обмане : дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003. С. 10.

¹⁶⁶ *Лифанова М. В.* Выявление и разоблачение ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1997. С. 16.

¹⁶⁷ Как отмечает П. Экман, «ложь настолько естественна, что ее без обиняков можно отнести почти ко всем сферам человеческой деятельности». См.: *Экман П.* Психология лжи. С. 18.

¹⁶⁸ *Красников М. А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. С. 52–53.

¹⁶⁹ Кроме прочего, ложь превратилась в весьма важный общественный регулятор, используемый различными социальными институтами. О социальных функциях лжи см.: *Дубровский Д. И.* Обман. Философско-психологический анализ. М., 2010. С. 39–50.

С точки зрения онтогенеза данный навык не является врожденным. Причины поведения человека предопределяются социальной средой¹⁷⁰, и ложь здесь не исключение. Этой модели поведения человек научается в раннем возрасте (от 2 до 4 лет) после того, как начинает различать объективные и субъективные представления о действительности. Изначально ложь познается через игры, развивающие фантазию и воображение, а также через наблюдение за поведением других людей. Научение лжи провоцируется возникновением проблемной ситуации, когда индивидуум не может достичь желаемого результата за счет использования имеющихся в его опыте моделей действия¹⁷¹ (то есть искренности как естественного поведения). В этом плане ложь не отличается от других способов целенаправленного вербального воздействия на собеседника путем, например, убеждения. Как правило, ложь имеет эмоциональные предпосылки и впервые чаще всего осуществляется под воздействием страха наказания, представляя собой умолчание или отрицание¹⁷².

Навык лгать может быть представлен как комплекс взаимодействий психофизиологических компонентов организма (мышления, памяти, внимания, речи и иных элементов центральной и периферической нервной системы), обеспечивающих передачу информации в целях введения оппонента в заблуждение. Формирование данного навыка происходит методом проб и ошибок: успешные способы действия закрепляются в качестве привычных, а неуспешные — отсеиваются. Развитие навыка вводить других людей в заблуждение продолжается на протяжении всей жизни при наибольшей роли периода социализации под одновременным спонтанным воздействием большого

¹⁷⁰ См.: *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 2007. С. 14–15.

Влияние среды на поведение является взаимным. Как пишет Д. А. Кикнадзе, «среда порождает потребности, потребности, в свою очередь, особенности индивидуального сознания в виде определенных интересов, желаний, стремлений, целей и т.д. Сознание вызывает мотивацию, мотивация — решение, за решением следует действие. Действие, в свою очередь, будучи направлено на среду, изменяет ее, при этом изменяется и сама личность — субъект действия; измененная среда порождает новые потребности, новые потребности — новое сознание. Каждое звено воздействует не только на последующее звено, но и на причину, его же породившую». См.: *Кикнадзе Д. А.* Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968. С. 75–76.

¹⁷¹ *Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова.* СПб., 2014. С. 324.

¹⁷² *Смирчинская В. В.* Педагогические условия коррекции детской лжи : дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. С. 18.

числа случайных объективных и субъективных факторов (генотип человека, окружающая и культурная среда, индивидуальный опыт и так далее)¹⁷³. Поэтому взаимодействие психофизиологических компонентов лжи имеет индивидуально-неповторимый характер, то есть диагностические признаки лжи — ее проявления в вербальном и невербальном поведении, а также в физиологических реакциях — непрогнозируемо отличаются у разных людей, и не может быть никакого универсального симптома или признака, однозначно свидетельствующего о ней¹⁷⁴. Исходя из этого, нет оснований предполагать существование в реальности некоего аналога растущего носа Пиннокио — безусловного признака лжи, такого как направленный в определенную сторону взгляд, конкретный жест, какие-либо однозначные показатели физиологической активности организма, хотя подобные утверждения и встречаются в литературе.

В то же время навык введения в заблуждение у отдельно взятого человека может иметь индивидуально-устойчивые закономерности функционирования (привычки, умения, навыки), которые отличают его от искреннего поведения¹⁷⁵ (своего рода динамический стереотип), что позволяет сделать вывод о принципиальной возможности выявления лжи. Важно подчеркнуть, что признаки лжи, даже относительно устойчивые у определенного человека, могут диаметрально отличаться у разных людей: в зависимости от индивидуальных особенностей ложь может иметь тенденцию к сопровождению как увеличением, так и уменьшением двигательной активности; как к ускорению, так и к замедлению темпа речи; как к повышению, так и к понижению голоса; как к увеличению, так и к уменьшению негативных высказываний или пауз и так далее. Поэтому при оценке конкретного высказывания важно иметь образцы поведения

¹⁷³ См.: *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002. С. 133; *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. 2011. № 15. С. 72–73.

¹⁷⁴ *Vrij A.* Detecting lies and deceit: pitfalls and opportunities. P. 52–53.

¹⁷⁵ *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека. С. 73.

этого же человека, которые выступают своеобразным «фоном» для диагностики и повышают достоверность ее результатов¹⁷⁶.

Итак, рассмотрение происхождения лжи с позиций фило- и онтогенеза позволяет охарактеризовать ее как приобретенный в процессе социализации и востребованный обществом коммуникативный навык человека, систему взаимодействий психофизиологических компонентов его организма, функционирующую по определенным спонтанным образом сформированным в процессе индивидуального развития закономерностям. Вместе с тем эта тема еще недостаточно исследована в науке, имеется потребность в углублении на базе междисциплинарных исследований криминалистических знаний относительно того, как именно и под воздействием каких факторов человек начинает использовать ложь.

Не менее важным аспектом криминалистического исследования генезиса лжи является анализ **конкретно-индивидуальных причин лжи** участника уголовного судопроизводства. Как и любое целенаправленное действие, ложь не является изолированным актом, а включается в более обширное целое поведения личности и лишь в связи с ним может быть понято¹⁷⁷. Коммуникативная природа предопределяет обусловленность лжи такими факторами, как конкретная жизненная ситуация, в которой оказался человек (где, когда, в связи с чем), особенности взаимоотношений и общения субъектов коммуникации, личность и деятельность человека, на которого направлена ложь (реципиента), личность субъекта лжи (адресанта), его мотивация, индивидуально-психологические, моральные и другие особенности, его оценка ситуации взаимодействия и тому подобное, а также иные обстоятельства, значимые в отдельном случае.

Каждый из названных внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов может иметь определенное значение и вес, и потому все они подлежат учету. Однако с практической точки зрения в комплексе причинности

¹⁷⁶ *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. С. 39.

¹⁷⁷ *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 621.

первостепенное значение имеют индивидуальные черты личности адресанта, которые определяют содержание лжи¹⁷⁸ и познание которых является основой для решения криминалистических задач ее выявления, преодоления и предупреждения. Деятельность человека во многом продуцируется совокупностью его мотивов¹⁷⁹, интересов, потребностей, взглядов, привычек, предыдущего опыта и других особенностей¹⁸⁰.

Мотив — это побудительная причина любой деятельности, совокупность условий, вызывающих активность человека и определяющих направленность его деятельности¹⁸¹. Мотивационное ядро поведения включает в себя психологическую установку — занятую личностью позицию, определенное отношение к целям и задачам, выражающееся в избирательной мобилизованности и готовности к определенной деятельности, направленной на их осуществление¹⁸². Психологическая установка — готовность или неготовность солгать в конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия — может носить неосознаваемый характер, имея при этом системообразующее значение для поведения¹⁸³.

Мотивами порождается цель — предвосхищаемый человеком результат деятельности. Совершая волевые и осознанные действия, человек всегда моделирует их возможные последствия, корректируя свое поведение на результаты такого предвидения¹⁸⁴. Ближайшей целью лжи является управление поведением другого человека посредством введения его в заблуждение, подталкивания его к совершению неких действий (принятию решений) или

¹⁷⁸ Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 21–22.

¹⁷⁹ Необходимость учитывать мотивы допрашиваемого констатировалась уже И. Н. Якимовым и П. П. Михеевым, см.: Якимов И. Н., Михеев П. П. Искусство допроса : практическое пособие для допрашивающих. М., 1928. С. 19.

¹⁸⁰ Как справедливо писал В. Н. Кудрявцев: «Поступок человека нельзя рассматривать как простую реакцию на внешнюю среду. Конкретная ситуация порождает волевой акт не сама по себе, а лишь во взаимосвязи с личностью данного человека, преломляясь через его интересы, взгляды, привычки, особенности психики и другие индивидуальные черты». См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). С. 15–16.

¹⁸¹ Маклаков А. Г. Общая психология. СПб., 2001. С. 122–149.

¹⁸² См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. С. 520.

¹⁸³ См.: Тарасов А. Н. Современные формы корпоративного мошенничества : практическое пособие. М., 2015. С. 19–22.

¹⁸⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). С. 16–17.

воздержанию от этого. Ложь используется тогда, когда в результате сообщения правды или в отсутствие какого-либо сообщения нужное поведение другого человека не будет достигнуто. При этом интересы лжеца и обманываемого могут как различаться, так и совпадать, если последний сам по каким-либо причинам не желает знать правды.

Как наиболее важный, коренной компонент причинно-следственной связи, детерминирующей ложь, мотивы человека отражаются в ее содержании и структуре, то есть познание мотивов является ключом к ее выявлению, в связи с чем необходимо хотя бы кратко рассмотреть возможные мотивы криминалистически релевантной лжи.

Наиболее широкой палитрой мотивов может быть обусловлена ложь, которая оказывается объектом криминалистического познания как элемент расследуемого события. В этом случае причинами лжи могут быть совершенно любые из побуждений, лежащих в основе деятельности человека вообще, а потому изложить их в виде даже примерного перечня в настоящей работе не представляется возможным.

Ложь как способ противодействия криминалистическому познанию связана с открытым или скрытым конфликтом со следователем, поскольку он прямо заинтересован в установлении действительно произошедших фактов, а лжец стремится этому воспрепятствовать. При этом сам факт лжи участника расследования не свидетельствует о его причастности к преступлению: распространены ситуации, когда лица, ошибочно заподозренные в совершении преступления, дают ложные показания, поскольку полагают, что именно так они быстрее и проще докажут свою невиновность¹⁸⁵.

В силу гносеологической природы любых психических процессов потребности, интересы, мотивы, установки и цели человека недоступны непосредственному наблюдению и не могут быть однозначно установлены на

¹⁸⁵ Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний. С. 116.

основе каких-либо внешних проявлений¹⁸⁶. Затрудняет их изучение также то, что люди не всегда реально осознают данные процессы, а когда осознают — могут стремиться скрыть их от окружающих¹⁸⁷. В то же время взаимосвязь и взаимообусловленность сознания и поведения позволяет изучать психические феномены посредством анализа деятельности человека и выявления внутреннего психологического содержания его поступков¹⁸⁸.

Познание мотивов участников производства по уголовному делу осуществляется в ходе следствия опосредованно: путем изучения личности, предшествующего поведения, взаимоотношений с иными лицами, отношения к совершенному преступлению, а также тщательного осмысления внутреннего содержания сообщенных сведений¹⁸⁹. Для обнаружения мотивов лжи необходимо установить возможную выгоду, которую адресант приобретет в случае их не критической оценки лицом, ведущим производство по делу¹⁹⁰. На практике это является весьма сложной задачей. Иногда скрываемые мотивы становятся ясны из высказываний или поведения человека, но нередко их удается выявить лишь случайно, например на очных ставках или при допросе других лиц¹⁹¹.

В основе лжи участников расследования могут лежать следующие мотивы: стремление защитить себя или иных лиц, стремление извлечь материальную или психологическую выгоду, стремление причинить кому-либо ущерб и прочее¹⁹². В конкретных ситуациях расследования данные мотивы могут выражаться в следующих побуждениях, которые могут быть обобщены в несколько групп по разным основаниям.

¹⁸⁶ Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 128–129.

¹⁸⁷ Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний. С. 28.

¹⁸⁸ Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 129.

¹⁸⁹ Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965. С. 153.

¹⁹⁰ Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 31

¹⁹¹ Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. С. 309.

¹⁹² Никитина Е. В. Взаимосвязь образа ситуации лжи с поведением личности (на примере представителей социномического типа профессий). С. 39.

Причинами ложных показаний подозреваемых и обвиняемых могут выступать страх перед уголовным наказанием, стремление избежать ответственности за содеянное или смягчить ее (исключить преступные эпизоды или отягчающие признаки, избежать большой суммы гражданского иска, скрыть имущество от взыскания); стыд перед близкими и знакомыми; стремление избежать огласки, разглашения определенных сведений (например, интимных сторон жизни); страх мести со стороны соучастников или иных заинтересованных лиц либо желание получить вознаграждение от них; негативное отношение или недоверие к органам правопорядка в целом или к конкретному лицу, ведущему производство по делу, и так далее. Проведенное анкетирование следователей показало, что наиболее распространены желание смягчить ответственность (32 % ответов), страх перед уголовным наказанием, оглаской, осуждением со стороны общества (28 %), а также желание скрыть соучастников преступления, опасения мести с их стороны или со стороны иных лиц (11 %) ¹⁹³.

Потерпевшие и свидетели могут давать ложные показания из страха мести со стороны преступника или других заинтересованных лиц (в том числе лиц, от которых свидетель или потерпевший находится в служебной или иной зависимости) либо из ожидания вознаграждения с их стороны, стремления смягчить или исключить ответственность виновного из чувств дружбы, любви, жалости или сочувствия, религиозной или иной общности, избежать огласки, скрыть собственные поступки, оцениваемые как преступные или аморальные, преувеличить размер ущерба из мести или корысти, последующего самосуда над преступником или его шантажа, избежать участия в обременительном уголовном процессе, из негативного отношения к органам правопорядка в целом или к конкретному лицу, ведущему производство по делу. Проведенное анкетирование следователей показало, что наиболее распространены страх мести со стороны преступника (16 % опрошенных следователей), обещание вознаграждения со

¹⁹³ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 6).

стороны заинтересованных лиц или нахождение в зависимости от них (16 %), чувства любви, дружбы, жалости или сочувствия к виновному (15 %) ¹⁹⁴.

Ложный оговор, то есть обвинение другого лица в деянии, которого он не совершал, может быть вызван желанием уменьшить свою вину, «разделить» ответственность или полностью переложить ее на других, скрыть истинных преступников, утаить похищенное имущество, влиянием заинтересованных лиц, в том числе адвоката и следователя, мстью, корыстью, завистью, наличием вражды и иными причинами. Специфические причины присущи ложному признанию лица в совершении преступления (самооговору). К ним относятся побуждения избавиться от наказания действительного виновника, которое формируется под влиянием родственных или дружеских чувств ¹⁹⁵, диктуется групповыми интересами или же вызывается угрозами, обещаниями материальной выгоды и иными видами воздействий со стороны заинтересованных лиц; смягчить неизбежное, по мнению невиновного лица, наказание или получить определенные преимущества в виде, например, применения более мягкой меры пресечения, вызванное неправильным поведением следователя и защитника ¹⁹⁶; быть осужденным за преступление менее тяжкое, чем то, которое совершено лжецом в действительности; запутать и затянуть расследование путем нагромождения ложных признаний в расчете на отказ от них впоследствии, когда возможность обнаружения действительно совершенного преступления будет утрачена или затруднена; ускорить затянувшееся расследование, когда обвиняемый утратил веру в возможность доказать невиновность и хочет покончить с неопределенностью положения; попасть в места отбывания наказания, причем в основе этого желания могут лежать как корыстные, так и вполне социально одобряемые мотивы (например, желание избавиться от алкоголизма или наркомании); приобрести авторитет в преступных кругах; прекратить

¹⁹⁴ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 7).

¹⁹⁵ Так называемая «рефлексивная ложь» во спасение другого человека глубоко исследована В. В. Знаковым. См.: *Знаков В. В.* Категория правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // *Вопросы психологии.* 1994. № 2. С. 61–62.

¹⁹⁶ См.: *Центров Е. Е.* О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // *Законность.* 2013. № 10. С. 52–54.

неправомерное психологическое или физическое воздействие со стороны следствия (угрозы, пытки, шантаж), а также другие причины¹⁹⁷.

Обсуждая мотивы участников уголовного процесса, с которыми чаще всего сталкивается следователь, Г. Гросс писал: «Никогда не следует забывать, что эгоизм, лень и тщеславие суть единственные мотивы людей, на которые можно всегда и безусловно полагаться. Напротив, любовь, верность, честность, религиозность, любовь к родине — все это может упасть, хотя бы оно долго и непоколебимо стояло»¹⁹⁸. Однако, как видно из приведенных данных, мотивы лжи не всегда носят низменный характер: ложь может быть направлена на достижение субъективно понимаемой справедливости¹⁹⁹. Типичными факторами, обуславливающими ложь со стороны частных лиц в уголовном процессе, являются: причастность к расследуемому событию, связь с участвующими в деле лицами, воздействие заинтересованных лиц, негативное отношение к правоохранительным органам или охраняемым ценностям, ошибки и неправомерное поведение следователя либо иных лиц. Отдельно можно выделить профессиональных защитников: как показало настоящее исследование, большинство опрошенных следователей (60 %) отмечают активную роль адвокатов в формировании ложных показаний²⁰⁰. Участие адвоката может иметь место как до, так и во время проведения следственного действия, выражаясь в помощи доверителю в разработке и реализации определенной тактики защиты

¹⁹⁷ Подробнее о мотивах лжи частных лиц в уголовном процессе см.: *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 58; *Порубов А. Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / под ред. И. И. Басецкого. Минск, 2002. С. 24–25; *Семенова И. В.* Тактические и психологические основы получения от потерпевших правдивых показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 20–21; *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 332–333; *Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / под науч. ред. Б. С. Волкова.* Казань, 1972. С. 116–142; *Центров Е. Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988.

¹⁹⁸ Цит. по: *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. С. 334.

¹⁹⁹ *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 305.

²⁰⁰ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 5).

(инициатор лжи — клиент адвоката) либо в уговорах, обещаниях или обмане доверителя или иного участника расследования (инициатор лжи — адвокат)²⁰¹.

Переходя к следующим категориям криминалистически релевантной лжи — лжи в качестве способа и в качестве результата деятельности лица, ведущего производство по делу, нужно отметить, что такая ложь может быть адресована как другим профессиональным участникам уголовного судопроизводства (оперативным сотрудникам, руководству, прокуратуре, суду), так и частным лицам: свидетелям, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым. При этом она может преследовать и вполне правомерные цели (то есть устремляться к установлению истины по делу), и цели, не соответствующие требованиям законодательства. Побуждения ко лжи как к способу и как к результату криминалистической деятельности могут быть условно подразделены на три категории: карьеристские, корыстные и личные²⁰².

В конкретных ситуациях мотивами лжи лиц, ведущих производство по уголовному делу, могут выступать, например, стремление увидеть реакцию некоего участника уголовного судопроизводства на определенную недостоверную информацию для того, чтобы проверить выдвинутую версию (об осведомленности лица относительно неких фактов либо о том, что данное лицо противодействует расследованию); склонить некоего участника уголовного судопроизводства к определенным действиям (например, к даче признательных показаний); сформировать доказательства неких фактов, которые могут субъективно оцениваться самим следователем как достоверные или как недостоверные; получить определенный служебный результат (улучшить личные статистические показатели раскрываемости преступлений, отчитаться о проделанной работе), в том числе желание сократить прилагаемые в работе усилия по причине формального отношения ко всему процессу раскрытия и расследования преступления или отдельным задачам в рамках этого процесса; получить

²⁰¹ Об участии адвоката в формировании ложных показаний подробнее см.: *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвоката в уголовном процессе. М., 2010. С. 191–194.

²⁰² *Тотиков Т. М.* Выявление и расследование незаконных методов ведения следствия (дознания) в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. С. 60–61.

имущественную выгоду (коррупционный фактор); причинить ущерб кому-либо, а также иные мотивы²⁰³.

Словом, криминалистически релевантная ложь может быть вызвана многими мотивами, присущими человеческой деятельности вообще. При этом поведение лжеца — сложное явление, поскольку зачастую сопровождается борьбой мотивов, побуждающих ввести собеседника в заблуждение, которые были обсуждены выше, и мотивов, им противоположных, — желанием рассказать правду²⁰⁴. В таких случаях перед следователем стоит тактическая задача использовать противоборствующие мотивы для выявления, преодоления и предупреждения противодействия расследованию.

Выделяется три вида правды: инструментальная правда, преследующая цель личной выгоды или реализации принципиальных убеждений; нравственная правда, проистекающая из представлений человека о справедливости; и рефлексивная правда, основанная на критике собственных суждений о действительности²⁰⁵. Применительно к показаниям участников уголовного процесса можно назвать возможные побуждения к даче правдивых показаний: чувство гражданского долга, страх уголовной ответственности за лжесвидетельство, стремление оказать содействие органам расследования, смягчить собственную ответственность за содеянное, изобличить виновного или оправдать невиновного и так далее. Умелое использование следователем данных мотивов может привести к ослаблению или нейтрализации противодействия расследованию.

Подталкивать участников уголовного судопроизводства к сообщению правды могут и нормы уголовного и уголовно-процессуального права.

²⁰³ Подробнее о некоторых мотивах лжи со стороны должностных лиц следственных органов см., например: *Брайцева Е. А.* Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 17–18 ; *Беляева Е. Р.* Мотивы и цели совершения фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности как элементы криминалистической характеристики данного преступления // *Полицейская и следственная деятельность.* 2016. № 2. С. 13–21 ; *Баев О. Я.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний. С. 44–51.

²⁰⁴ *Кертэс И.* Тактика и психологические основы допроса. С. 152.

²⁰⁵ *Знаков В. В.* Психология понимания правды. СПб., 1999. С. 121–125.

К институтам, поощряющим правдивые (а точнее — признательные) показания подозреваемых и обвиняемых, можно отнести особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении им досудебного соглашения о сотрудничестве (разд. X УПК РФ); признание активного способствования раскрытию и расследованию преступления смягчающим обстоятельством (ст. 61, 62 УК РФ), которое в некоторых случаях является основанием для назначения осужденному наказания более мягкого, чем предусмотрено за совершенное преступление (ст. 64 УК РФ), либо для назначения наказания условно (ст. 73 УК РФ); возможность освобождения от уголовной ответственности за некоторые категории преступлений в связи с деятельным раскаянием, предполагающая способствование раскрытию и расследованию преступления (ст. 75 УК РФ). Для свидетелей и потерпевших установлен иной правовой механизм — уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний (ст. 307 и 308 УК РФ)²⁰⁶.

Однако следует иметь в виду, что хотя данные правовые нормы призваны способствовать получению правдивых показаний со стороны участников расследования, они могут привести и к противоположному эффекту²⁰⁷. Неоднократное разъяснение свидетелю статей об ответственности за заведомо ложные показания вместе с демонстрацией недоверия следователя к его показаниям способно привести к тому, что свидетель изменит свои показания на ложные только из страха. Также и разъяснение следователем обвиняемому того, что признание им вины позволит смягчить ответственность, может привести к ложному оговору или самоговору невиновного человека, который отчаялся

²⁰⁶ Стоит отметить, что в определенных условиях к свидетелям могут быть применимы положения ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которая гласит: «Лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказывающие им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших, могут получать вознаграждения и другие выплаты». Кроме того, выдвигаются идеи необходимости поиска на законодательном уровне и иных (то есть нематериальных) способов позитивного стимулирования (поощрения) свидетелей к даче правдивых показаний. См., например: *Новиков С. А.* О возможности поощрения правдивых показаний свидетелей // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2006. № 1 (264). С. 180–182.

²⁰⁷ См. об этом: *Центров Е. Е.* Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самоговора и оговора. С. 21–42.

доказать свою правоту²⁰⁸. Задачей криминалистической тактики является разработка таких приемов (рекомендательных или обязательных), которые бы могли снизить уже заложенные в законе риски провокации оговора и самооговора. Одним из возможных приемов подобного рода может быть разъяснение обвиняемому не только норм права, которые призваны смягчить его процессуальный статус в случае признания вины, но и негативных последствий ложного оговора или самооговора. Профилактическое значение может иметь донесение до допрашиваемого того, что следствие в любом случае будет обязано полно и всесторонне устанавливать картину расследуемого события и с использованием всех современных возможностей криминалистического познания выяснять подлинную роль в содеянном каждого участника, по результатам чего в отношении оговариваемого может быть принято как обвинительное, так и реабилитирующее итоговое решение.

§ 5. Механизм совершения лжи

Завершает тактико-психологическую характеристику лжи исследование того, как она совершается, ее механизма. «Обычно принято думать, что нет ничего более случайного, капризного и не подчиняющегося никаким законам, чем ложь. Однако такое представление неверно. Ложь, как и всякое мышление, построенное по другому признаку, имеет свои формы, свои правила, свои

²⁰⁸ О способствовании институту досудебного соглашения о сотрудничестве ложному оговору со стороны обвиняемого см., например: *Баев О. Я., Комаров И. М.* Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики. С. 185–200.

В этом контексте следует положительно оценить принятие Федерального закона от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым исключена возможность применения особого порядка уголовного судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) для обвиняемых в совершении тяжких преступлений (теперь данный порядок распространяется лишь на преступления небольшой и средней тяжести). В пояснительной записке к законопроекту, разработанному Верховным Судом РФ, отмечалось, что его принятие необходимо для обеспечения «высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия по данной категории дел», которая, по всей видимости, не достигается без непосредственного исследования судом собранных по делу доказательств. См.: проект федерального закона № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением)».

примеры. Человек, который лжет, прибегает всегда к определенным формам мышления и определенным формам логики. Вскрыть их — означало бы сделать серьезный шаг вперед по пути умения отличать правдивое высказывание от ложного, а это дало бы новые прекрасные приемы в следственном деле», — это известное высказывание А. Р. Лурии, сделанное чуть менее века назад, определяет и современную парадигму изучения лжи в криминалистике²⁰⁹.

Другой ученый того времени, Г. Шнейкерт, писал: «Если бы удалось открыть надежный способ раскрытия тайн, то мы бы вступили на полосу роковой механизации духовной жизни человечества. Тогда кончилась бы та человеческая свобода воли, которая ныне признается хотя бы в относительном ее значении; тогда не могла бы скрыться ни одна ложь, ни одна подделка, и каждый преступник должен был бы заранее признать свое преступление безнадежным и опасным предприятием, так как ничто не могло бы уберечь от пугающего всех раскрытия и связанного с ним покаяния преступления»²¹⁰. Хотя науке до таких результатов по-прежнему далеко, исследование психофизиологического механизма подготовки и совершения лжи, выявление закономерностей этих процессов, изучение динамической траектории активности психики и физиологии человека может рассматриваться как важное направление в криминалистической диагностике лжи.

Формирование лжи является частным случаем формирования показаний, которое состоит из трех стадий: а) получение и накопление информации; б) запечатление и сохранение информации; в) воспроизведение и передача информации²¹¹.

Основу первого этапа составляют первичные психофизиологические процессы ощущения и восприятия, результатом которых выступает отображение в сознании человека отдельных внешних свойств предметов и явлений, а также

²⁰⁹ Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2 (26). С. 92.

²¹⁰ Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути ее раскрытия (к учению о судебных доказательствах). М., 1925. С. 58.

²¹¹ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 207–232 ; Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 35–38.

внутренних состояний организма (включая психологические переживания), непосредственно воздействующих на органы чувств в момент события²¹². На данные процессы оказывают влияние как объективные обстоятельства (погодные условия, освещение, особенности механизма произошедшего события), так и субъективные факторы (психофизиологические свойства, эмоциональное состояние субъекта, его отношение к происходящему событию и его участникам, а также к своим собственным действиям)²¹³. Причем познание человеком некоторых фактов не может быть сведено лишь к чувственной стороне, поэтому помимо ощущений и восприятий на данном этапе определенную роль играют память и мышление²¹⁴, понимание сущности предметов и явлений²¹⁵ (пример — познание личности). Уже здесь могут произойти искажения, связанные с ошибками восприятия, влиянием эмоций и установок субъекта на отражение информации в его сознании, и тем, что в акт восприятия непроизвольно включаются ранее сложившиеся представления и знания о сходных предметах, и с другими причинами²¹⁶.

Второй этап формирования показаний включает в себя запоминание и первичную переработку информации. Запоминание — это психический процесс преднамеренного либо непреднамеренного сохранения воспринятого в памяти²¹⁷. На запоминание также влияют интересы человека, понимание им ситуации, объем и направленность внимания, характер его деятельности в момент события, его субъективная значимость²¹⁸ и другое²¹⁹. Процесс запоминания важен не только для говорящего правду, но и для лжеца, так как возможность человека преднамеренно

²¹² Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. С. 13.

²¹³ О данных закономерностях применительно к формированию показаний потерпевшего см., например: Центров Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. С. 99–134.

²¹⁴ Воображение и мышление здесь задействованы в аналитической и синтетической фазах восприятия и не связаны с умышленным формированием ложных показаний см.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 210–217.

²¹⁵ Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 35.

²¹⁶ См.: Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. С. 15–18.

²¹⁷ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. С. 337–339.

²¹⁸ В англоязычной литературе используется термин «салиентность» (от англ. *salient*), который может быть переведен как «субъективная значимость либо выраженность стимула». См., например: Vendemia J. M. C., Buzan R. F., Simon-Dack S. L. Reaction time of motor responses in two-stimulus paradigms involving deception and congruity with varying levels of difficulty // Behavioural Neurology. 2005. № 16. P. 25–36.

²¹⁹ См.: Ратинов А. Р. Указ соч. С. 214.

забывать факты, «выбрасывая» их из своей памяти, крайне затруднена. Следовательно, ложь требует дополнительных усилий, чтобы отделить друг от друга две сосуществующие в психике человека противоречивые картины реальности: действительно воспринятую и вымышленную²²⁰.

Переработка представляет собой осмысление информации, допускающее и самое первичное формулирование ее в словесной форме, причем речевые конструкции всегда беднее воспринятой реальности. Переработка сопровождается личной интерпретацией полученных данных²²¹, неизбежны и некоторые искажения, потеря содержания под влиянием естественных помех (фактор времени). Не менее важно и действие субъективных факторов в процессе переработки информации. Воспоминания «срастаются» с той речевой формой, в которую они облеклись в процессе первичного осмысления²²², и человек помнит уже не то, что он воспринял, а то, что он об этом ранее думал.

Третий этап («воспроизведение и передача информации») определяет специфику формирования показаний исключительно в связи с расследованием, поэтому иногда его называют «процессуальным». Становится возможно принципиальное разграничение правды и лжи, которая непосредственно конструируется на данном этапе.

В случае с искренностью данный этап включает в себя припоминание обстоятельств, связанных с предметом обсуждения, их словесное оформление и передачу сообщения реципиенту²²³. Припоминание определенных обстоятельств может активизироваться как преднамеренно, так и автоматически, например в силу будущего акта коммуникации со следователем. Вызванный на допрос человек мысленно обращается к событиям прошлого, пытается вычленить среди воспоминаний те данные, которые ему необходимо скрыть или исказить²²⁴. При

²²⁰ См., например: *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии : учебник для магистров. М., 2016. С. 69–70 ; *Лифанова М. В.* Выявление и разоблачение ложных показаний. С. 33–34.

²²¹ *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М., 2005. С. 65–83.

²²² *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. С. 342.

²²³ См.: *Соловьев А. Б., Центров Е. Е.* Допрос на предварительном следствии. С. 38.

²²⁴ Там же.

формулировании определенной мысли воспоминания осознаются и облекаются в словесную форму. Вербализация, выполняющая функции систематизации и обобщения сохраненной информации, неизбежно сопровождается оценкой ее точности и достоверности²²⁵. Если в воспоминаниях имеются пробелы, то возможно искажение информации при их неосознанном восполнении (подмена действительного обычным²²⁶).

При формировании лжи процесс внутреннего воспроизведения информации осложнен, дополнительно включает в себя вовлечение не задействованных при искренности когнитивных функций, решение более трудных мыслительных задач, а также повышение контроля сознания над поведением²²⁷. Если у говорящего правду все процессы в психике сводятся к представлению, то есть отражению предметов или явлений, которые не воспринимаются в данный момент, а воссоздаются на основе предыдущего опыта²²⁸, то лжец, помимо решения репродуктивной задачи, задействует творческое воображение, направленное на создание новых образов. Результатом работы воображения является альтернативная версия события, которая воспринимается лжецом как неистинная.

Иными словами, в сознании лжеца сосуществуют и конкурируют два мысленных образа: действительно воспринятая информация, подавляемая им²²⁹, и вымышленная версия события, которую он хочет выдать за первую²³⁰. При этом воспоминания являются с психологической точки зрения тормозом²³¹ для неискренней передачи информации²³², поскольку лжец вынужден сдерживать правдивый ответ²³³, замещая сильные и устойчивые следы памяти,

²²⁵ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 217–221; Колдин В. Я. Криминалистический анализ. М., 2016. С. 74–75.

²²⁶ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 212.

²²⁷ Debey E., Houwer J. D., Vershuere B. Lying relies on truth // *Cognition*. 2014. № 3 (132). P. 324–334.

²²⁸ Маклаков А. Г. Общая психология. С. 234.

²²⁹ Симоненко С. И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. С. 23.

²³⁰ Ратинов А. Р. Феноменология лжи. С. 102–103.

²³¹ Возбуждение одних нервных центров (в данном случае — субъективно истинных мыслительных образов) ведет к торможению других (субъективно ошибочных мыслительных образов), что влияет на внимание, память и иные психические процессы. См.: Маклаков А. Г. Общая психология. С. 274–276, 359, 369.

²³² Липманн О. Психология лжи. С. 7–8.

²³³ См.: Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-

сформированные в процессе личного опыта, вымышленными идеями, не обладающими признаками реальности (яркостью, подробностью)²³⁴.

В психике лжеца может существовать и третий вариант события — тот, который, по его мнению, наличествует в сознании реципиента. Мыслительная работа, производимая одной из сторон конфликта и направленная на воссоздание предполагаемых мыслей, решений и действий оппонента, обозначается термином «рефлексия»²³⁵. Рефлексивная деятельность лжеца может не только сводиться к предугадыванию мыслей реципиента, но и устремляться к управлению его поведением за счет превосходства в ранге рефлексии, когда лжец принимает решение с учетом того, чего, по его мнению, реципиент, исходя из собственной осведомленности о предмете обсуждения и знаниях лжеца, ожидает от последнего²³⁶.

Помимо интеллектуальных, ложь имеет и эмоциональные отличия от искренности. Под эмоцией понимается психический процесс, выражающий переживание человеком его отношения к окружающему миру и самому себе и выполняющий функцию связи между действительностью и потребностями человека²³⁷. Хотя эмоции могут лежать в основе лжи, являясь одной из ее причин, они также могут и обуславливаются ею, и тогда эмоции становятся следствием лжи, ее признаком²³⁸.

Связанные с ложью эмоции имеют двоякую природу. С одной стороны, в результате обращения лжеца в своей памяти к тому, что он действительно пережил²³⁹, происходит восстановление эмоций, испытанных им в момент обсуждаемого события²⁴⁰. Те же эмоции возникают и у того, кто говорит правду,

практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. М., 2018. С. 20–21.

²³⁴ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 248.

²³⁵ Там же. С. 188–189.

²³⁶ О понятии ранга рефлексии см., например: Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. М., 1968. С. 20–21.

²³⁷ Данилова Н. Н. Психофизиология : учебник для вузов. М., 2005. С. 165.

²³⁸ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. С. 520.

²³⁹ Debeu E., Houwer J. D., Vershuere B. Lying relies on truth. P. 324–334.

²⁴⁰ Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 113.

однако лжец вынужден скрывать эти эмоции или маскировать их²⁴¹, то есть их появление еще больше усложняет стоящую перед ним задачу.

С другой стороны, лжец также может переживать эмоции, вызванные самим фактом неискренности. Намерение солгать имеет само по себе эмоциональное значение, ведет к стрессу на фоне нормально функционирующей психики²⁴². Распространенными эмоциями, продуцируемыми ложью, являются страх разоблачения и наказания, чувство вины, презрение к реципиенту и специфический эмоциональный подъем («восторг надувательства»²⁴³), а также некоторые иные²⁴⁴. Интересно отметить, что в рамках проведенного анкетирования следователей большинство (80 %) назвали страх быть пойманным в качестве наиболее распространенной эмоции лжеца, 8 % указали стыд, 6 % — эмоциональный подъем (восторг), еще 6 % выбрали вариант «другое»²⁴⁵.

Интенсивность страха разоблачения, испытываемого лжецом, зависит от ряда факторов, к которым относятся: личность реципиента (если последний обладает репутацией человека, которого сложно обмануть, то эмоция будет сильнее), наличием или отсутствием подозрений с его стороны, личностью лжеца (чем больше опыт обмана, тем меньше страха), возможными последствиями раскрытия лжи и так далее²⁴⁶. Степень чувства вины лжеца зависит в значительной степени от его мотивов (ложь из эгоистических или иных социально порицаемых побуждений может вызывать больше чувства вины и стыда), личностных особенностей адресанта и реципиента, их взаимоотношений (относятся ли они к одной и той же социальной группе, разделяют ли общие ценности)²⁴⁷. Эмоциональный подъем вызывается ложью в тех случаях, когда она является ответом на некие действия реципиента. Значение имеют и возможные

²⁴¹ *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. С. 23–24.

²⁴² *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 44.

²⁴³ Термин П. Экмана.

²⁴⁴ *Цветков В. Л., Караяни А. Г., Хрусталева Т. А., Красношастова Н. Н., Статный В. М., Эриашвили Н. Д.* Профайлинг в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / под ред. В. Л. Цветкова. М., 2014. С. 137.

²⁴⁵ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 16).

²⁴⁶ *Экман П.* Психология лжи. С. 60.

²⁴⁷ Там же. С. 72.

свидетели лжи: в их отсутствие ложь, вероятно, вызовет меньше эйфории²⁴⁸. Если ложь вызывает сильные эмоции, то дополнительной задачей лжеца будет сокрытие или маскировка проявлений этих эмоций либо же, если это невозможно или затруднительно, объяснение проявлений эмоций некими причинами, не связанными с неискренностью²⁴⁹.

Итак, ложь отличается от искренней передачи информации рядом свойств, имеющих криминалистическое значение: увеличением когнитивного контроля, ролью творческого воображения, необходимостью осуществлять рефлексивное управление, появлением специфических эмоций. Однако для применения на практике знаний об особенностях механизма лжи требуется увязать внутреннюю психическую активность лжеца с какими-либо принципиально познаваемыми процессами, сопровождающими ее²⁵⁰.

Ложь (как и искренняя передача информации), являясь актом сознательного волевого поведения человека, представляет собой специфическую функциональную систему организма²⁵¹, то есть самоорганизующуюся и саморегулирующуюся динамическую центрально-периферическую организацию, все компоненты которой взаимодействуют обеспечению различных адаптивных результатов²⁵² (в случае с ложью обвиняемого таким результатом может быть избежание наказания)²⁵³.

²⁴⁸ Там же. С. 75.

²⁴⁹ См.: *Пиков И. Е.* Использование знаний в области психологии при выявлении ложных показаний на предварительном следствии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 223–226.

²⁵⁰ *Лурия А. Р.* Диагностика следов аффекта // Психология эмоций : Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 234.

²⁵¹ Теория функциональной системы, разработанная П. К. Анохиным, исходит из того, что поведение детерминировано не прошлым (стимулом), а будущим — предполагаемым результатом деятельности. См.: *Анохин П. К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М., 1980.

²⁵² *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека. С. 72 ; *Исайчев Е. С., Исайчев С. А.* Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 209.

²⁵³ Функциональная система лжи не является врожденной, а, как уже отмечалось, спонтанно формируется в процессе онтогенеза на основе личного опыта, особенностей окружающей социальной и культурной среды, в связи с чем физиологическое и нейродинамическое обеспечение ее функционирования уникально для каждого человека.

Компонентами функциональной системы лжи являются память, внимание, восприятие и эмоции. Механизм их взаимодействия включает несколько стадий²⁵⁴:

1. Стадия «афферентного синтеза», на которой происходит обработка и обобщение поступающей информации, необходимой для решения вопроса «что делать?».

Для лжи эта стадия может возникнуть как сразу после восприятия события, составляющего ее предмет, так и позже, например после вызова на допрос либо уже в ходе следственного действия при постановке следователем конкретного вопроса. Происходит взаимодействие мотивационного возбуждения (доминирующей мотивации), воспринятой информации о возникшей ситуации, а также извлекаемых из памяти следов прошлого опыта. Если результаты оценки свидетельствуют об особой значимости ситуации, например о наличии угрозы при раскрытии правды, то включаются механизмы эмоциональной и стрессовой реакций.

2. Стадия «принятия решения», на которой совершается выбор именно этого (солгать), а не другого действия.

Человеком создается мысленный образ цели своих действий и осмысляются варианты возможного поведения, применительно к каждому из которых формируется конкретная программа действий.

Программа лжи куда сложнее программы правды. Она включает разработку легенды, рефлексивное мышление, при котором человек стремится предвосхитить результат своих действий, и корректировку этой легенды²⁵⁵. При этом

²⁵⁴ О процессах при принятии решений, в том числе решения солгать, см.: *Анохин П. К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. С. 154–180; *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека. С. 72; *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С. 400–401; *Порубов А. Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. С. 29; *Рашинов А. Р., Адамов Ю. П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 95; *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. С. 40–41; *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 240; *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). С. 132–144; *Великородный П. Г.* Идентификационные исследования способа совершения преступлений в целях поиска преступника. М., 2013. С. 5–25; *Закасов А. А.* Ложь и борьба с ней. Волгоград, 1984. С. 37–79; и другие.

²⁵⁵ В этом свете интересно отметить, что В. Н. Кудрявцев писал о причинах преступления: «Преступник представляет себе возможные (желательные и нежелательные) результаты преступления, которое он намеревается совершить, оценивает трудности, которые могут встать на его пути, изыскивает вначале мысленно, а затем и

конструирование лжи имеет «цепной» характер: изменение одного факта требует приведения в соответствие всех связанных с ним, и чем больше фактов подверглось изменению, тем сложнее задача лжеца, тем больше противоречий и несоответствий ему требуется избежать.

С учетом проведенной когнитивной работы, в которой задействованы внимание, память, а также эмоции, человеком принимается решение о конкретной линии поведения: солгать или сказать правду, и если солгать, то как именно.

3. Стадия «исполнения решения», на которой программа действий реализуется.

Происходит передача сообщения реципиенту, которая сопровождается попытками придать своему поведению признаки искренности, убедительности и устранить возможные признаки лжи, то есть увеличением контроля своего вербального и невербального поведения²⁵⁶.

4. Стадия «обратной афферентации», когда совершенные действия оцениваются и корректируются.

Лжец оценивает результат своего действия, сравнивает реально выполненное действие с его идеальным образом, созданным на этапе принятия решения, после чего исполнение решения прекращается или продолжается.

Выражение реципиентом недоверия, постановка им уточняющих вопросов влекут необходимость изменения или дополнения лжи. В ходе расследования по уголовному делу даже самая подготовленная ложь неизбежно подвергается корректировке²⁵⁷, поскольку сопровождается противоречиями с объективной действительностью и несогласованностью передаваемой информации

реально, средства для достижения преступных целей и для сокрытия совершенного преступления. Модели этих действий служат основой его будущего поведения. И в этом смысле предвидение будущего можно считать одной из причин поступка». Представляется, это применимо не только к совершению преступления, но и к любому осмысленному действию, в том числе ко лжи. См.: *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). С. 118.

²⁵⁶ Говоря о повышении контроля лжеца над своим поведением, сложно не согласиться с Е. Мелибурдой о том, что «человек, скрывающий свои намерения, вынужден внимательно следить не только за тем, что он хочет сказать, но и за тем, что он не хочет сказать своему собеседнику». См.: *Мелибурда Е.* Я — Ты — Мы. Психологические возможности улучшения общения. М., 1986. С. 51.

²⁵⁷ *Рапинов А. Р.* Феноменология лжи. С. 103.

(внутренние и внешние противоречия)²⁵⁸. В этой связи еще одной задачей дезинформатора является «мысленный учет» лжи, то есть необходимость длительное время после акта коммуникации в деталях помнить ее²⁵⁹. Постоянное интеллектуальное напряжение лжеца, порожденное необходимостью скрывать правду, проявляется в определенных признаках поведения, а также может привести к психологическому срыву²⁶⁰ (в том числе к признанию во лжи).

На каждой из стадий задействованы различные психические функции и исполнительные механизмы организма человека. Динамика психофизиологического механизма лжи может быть проиллюстрирована следующим образом²⁶¹ (рисунок 2).

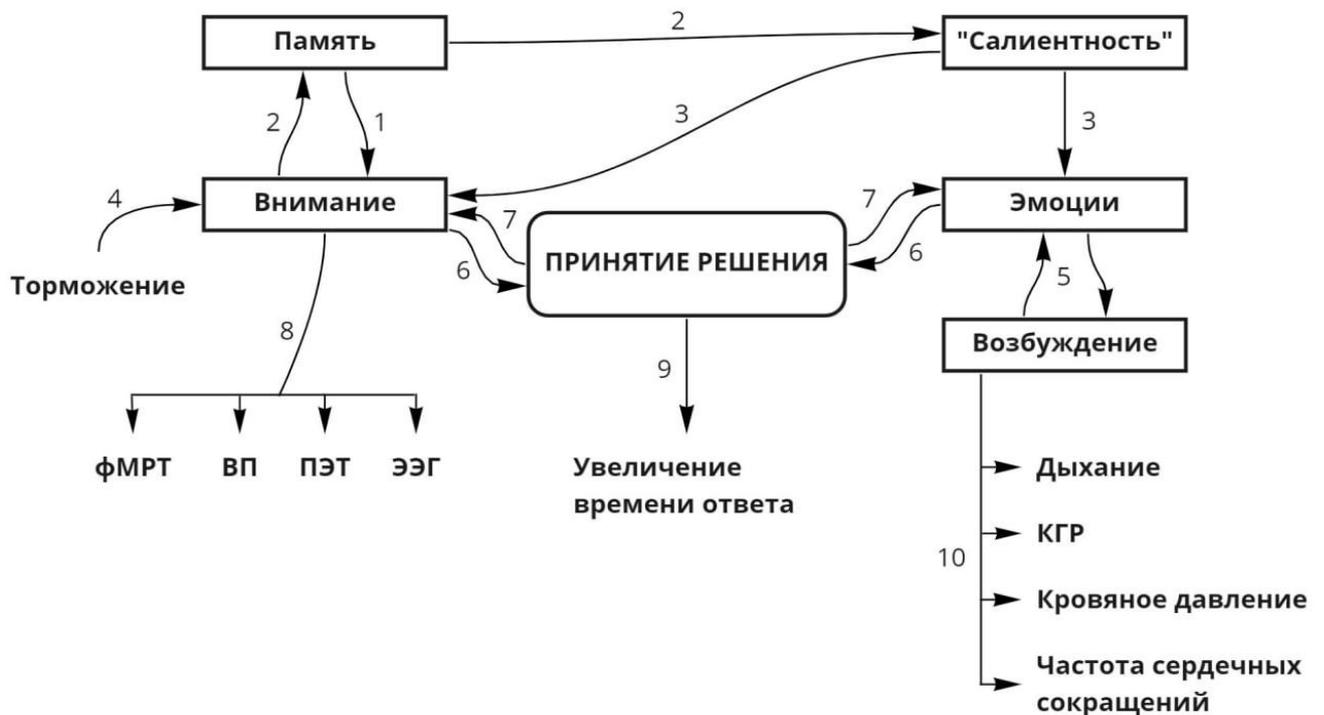

Рис. 2. Гипотетическая модель процесса лжи

²⁵⁸ Малютин М. П. Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 127.

²⁵⁹ Харрис С. Ложь. Почему говорить правду всегда лучше. М., 2015. С. 20.

²⁶⁰ Кроме того, у лжеца возникает острое неконтролируемое желание посоветоваться, раскрыть правду, поделиться своими переживаниями с другим человеком, выговориться. См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 233–234.

²⁶¹ Vendemia J. M. C., Buzan R. F., Simon-Dack S. L. Reaction time of motor responses in two-stimulus paradigms involving deception and congruity with varying levels of difficulty. P. 27.

Представленные на схеме и отмеченные стрелками 1–10 психофизические процессы характеризуют активность человека при формировании и совершении лжи и возможности ее регистрации верификатором.

Возникновение значимого сигнала-стимула (вызов на допрос, постановка конкретного вопроса) привлекает внимание человека к событию, что влечет обращение к памяти. Следующее за этим припоминание события, с одной стороны, требует увеличения концентрации внимания, а с другой — может повлечь за собой осознание субъективной значимости («салиентности») ситуации и ее угрозы (стрелки 1, 2).

Осознание опасности влечет еще большее повышение концентрации внимания на проблеме и поиск решений (в том числе повторное обращение к памяти — новая итерация всей схемы), а также возникновение эмоций, связанных как с пережитыми обстоятельствами (например, если в момент события лжец испытывал радость, то это же чувство будет испытано им повторно), так и с собственно ситуацией опасности (стрелка 3).

Эмоции являются особыми психическими процессами для выявления лжи, поскольку их можно объективно фиксировать и измерять, основываясь на том, что они влекут за собой активацию всего нейронного и нейрохимического механизма вегетативной нервной системы (ВНС)²⁶². Эмоции сопровождаются кожно-гальванической реакцией (КГР)²⁶³, изменением кровяного давления, сердечного ритма и иных показателей сердечно-сосудистой деятельности, дыхания, реакциями зрачка и движениями глаз, мышечной активностью, ростом или снижением температуры поверхностных слоев кожи, биохимическими реакциями (изменение состава крови, выделение гормона норадреналина), а также изменениями биоэлектрической активности головного мозга (стрелка 5). Кроме того, эмоции проявляются в моторно-поведенческих²⁶⁴ характеристиках:

²⁶² Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 126.

²⁶³ В настоящее время для обозначения этого явления все чаще используется новый термин — электрическая активность кожи (ЭАК). См.: Там же. С. 147.

²⁶⁴ Моторика (от лат. motus — движение) — комплекс анатомических образований и связанных с ними физиологических и биохимических процессов, обеспечивающих двигательную активность как результат

экспрессии лица, интонации, жестах, позе, двигательной активности и так далее, причем возможно как повышение, так и снижение данных показателей. Сознательный контроль соматических изменений в организме, сопровождающих эмоции²⁶⁵, невозможен, а контроль невербального поведения сложен для человека, не имеющего специальной подготовки²⁶⁶. Вегетативные реакции организма могут быть зафиксированы при помощи специальной аппаратуры (стрелка 10). Мимика, жесты и моторика доступны непосредственному наблюдению верификатора и могут быть исследованы инструментально (например, при помощи специального программного обеспечения, которое производит количественную оценку двигательной активности человека по видеозаписи).

Внимание сопровождается торможением, защищающим центральную нервную систему (ЦНС) от перевозбуждения (стрелка 4). Внимание не относится к самостоятельным психическим процессам и не имеет какого-либо особого содержания. Оно лишь характеризует степень и уровень осознаваемых компонентов психической деятельности и сопровождает самостоятельные психические процессы (восприятие, обращение к памяти, мышление)²⁶⁷. Внимание человека может быть зарегистрировано как биоэлектрическая активность мозга с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ), позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), электроэнцефалограммы (ЭЭГ), исследования вызванных потенциалов (ВП) мозга и некоторых других исследований²⁶⁸ (стрелка 8).

Одновременное осознание опасности, возникшие эмоции и концентрация на проблеме влияют на принятие решения: сказать правду или солгать и если

мышечного сокращения и расслабления. См.: Семенов В. В., Иванов Д. Л., Иванов Л. Н. Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности. М., 2020. С. 39.

²⁶⁵ Центров Е. Е. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая) // Вестник криминалистики. 2012. № 2 (42). С. 28.

²⁶⁶ Эжман П. Психология лжи. С. 21.

²⁶⁷ Центров Е. Е. Об ошибочности концепции «феноменологии внимания» и особенностях механизма исследования на полиграфе (статья вторая) // Вестник криминалистики. 2012. № 3 (43). С. 11.

²⁶⁸ Подробнее о возможностях инструментальной регистрации активности мозга см.: Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 27–41 ; Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М. Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека. С. 70–77.

солгать, то как именно. Значение имеют также мотивы человека, его индивидуальные психологические черты и многие другие факторы. После принятия решения выбранная линия поведения реализуется — происходит передача информации (стрелка 6). Выбор варианта поведения и измышление содержания лжи вызывает необходимость рефлексии (стрелка к вниманию), а также влечет «специальные эмоции»: страх разоблачения и стыд, чувство вины, презрение и восторг в случае возможного успеха (стрелка 7).

Дополнительные когнитивные усилия при конструировании лжи влекут увеличение времени реакции, необходимой для ответа, что может быть объективно зарегистрировано²⁶⁹ (стрелка 9), а также находят отражение в содержании сообщения (оно может быть противоречивым или не содержать конкретных деталей).

Таким образом, отдельные особенности механизма совершения лжи могут влечь появление признаков, относящихся к содержанию сообщения, невербальным компонентам поведения, а также к физиологическим реакциям организма человека, которые могут быть исследованы объективно. Однако необходимость сопоставления лжи как недоступного внешнему наблюдателю психологического феномена и неких объективно-регистрируемых параметров образует фундаментальную методологическую проблему²⁷⁰. Поведение человека, процессы, связанные с его жизнедеятельностью, имеют многозначный характер. К примеру, те же самые эмоции, которые могут вызываться ложью, могут возникать и по другим причинам, сопровождая правдивую коммуникацию.

Ложь не имеет никаких заранее определенных симптомов: существуют и иные состояния человека, способные вызывать реакции, сходные с реакциями при

²⁶⁹ Увеличение времени ложного ответа по сравнению с правдивым было экспериментально подтверждено американскими, а затем и отечественными исследователями. См.: *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека. С. 75.

²⁷⁰ *Исайчев Е. С., Исайчев С. А.* Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи». С. 202–203.

лжи²⁷¹. Кроме того, одни и те же эмоциональные переживания могут приводить к различным психофизиологическим реакциям и проявляться по-разному. Одинаковые же реакции могут вызываться разнородными переживаниями. По внешним признакам можно понять, что человек испытывает некую эмоцию, иногда даже понять, какую именно эмоцию он испытывает, но один лишь стресс не может означать ни того, что человек лжет, ни того, что он говорит правду.

В следственном познании эти проблемы приобретают особую остроту, создают необходимость разработки криминалистической комплексной методики выявления лжи, которая, не сводясь только к какому-либо одному направлению, а учитывая все доступные источники информации, позволяла бы отграничивать проявления лжи от проявлений сходных психологических явлений. На современном этапе проблема еще далека от разрешения.

²⁷¹ The Polygraph and Lie Detection / National Research Council of the National Academies. Washington, D.C., 2003. P. 3–9.

Глава 2

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ

§ 1. Теоретические основы криминалистического выявления лжи

Составляющими криминалистического противодействия лжи являются ее предупреждение, выявление и преодоление. Хотя каждое из данных взаимодополняющих направлений значимо для расследования по уголовному делу, выявление лжи все же носит среди них ключевой, системообразующий характер, естественным образом выступая основой для остальных. Превенция противодействия расследованию не будет иметь смысла без умения это противодействие распознавать, также как и нейтрализующая обман деятельность следователя не может не опираться на предваряющую ее диагностику²⁷².

В литературе отсутствует единое понимание места выявления лжи в системе криминалистического знания. С одной стороны, эта деятельность может быть отнесена к частному криминалистическому учению диагностики как научно разработанной системе задач и методов объяснения сути, свойств, состояний и других особенностей объектов, явлений, процессов, связанных с преступлениями²⁷³. С другой стороны, высказывается точка зрения о том, что распознавание психологических фактов, имеющих криминалистическое значение (в том числе лжи), криминалистической диагностикой не является, а осуществляется в рамках психодиагностики как совокупности методов распознавания психических состояний, применяемых при производстве отдельных следственных действий. Эта позиция аргументируется тем, что

²⁷² Отметим, что по причине тесной связи данных категорий в частных криминалистических методиках выявление противодействия не случайно называется первым этапом единой деятельности следователя по выявлению и преодолению противодействия расследованию. См., например: Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений : монография / А. Ю. Головин, О. П. Грибунов, А. А. Бибикив. Иркутск, 2015. С. 106–107.

²⁷³ См., например: *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практическое пособие. М., 1998. С. 16–28 ; *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник. М., 2013. С. 156.

собственно криминалистическая диагностика «скорее касается предметной информации»²⁷⁴.

Представляется, что между данными точками зрения отсутствует коренное противоречие. Хотя теоретический аппарат криминалистической диагностики исторически формировался для работы с овеществленными предметами (такими как следы выстрела, взлома и так далее), его использование для работы с идеальными объектами не исключено. На заре формирования данной частной криминалистической теории Ю. Г. Корухов в работе «Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений» отдельный параграф посвятил диагностике эмоциональных состояний, рассмотрев в нем диагностику при помощи полиграфа и визуальную диагностику²⁷⁵. При этом теоретическая база криминалистической диагностики гораздо лучше, чем положения психологической науки, подходит для решения задачи выявления лжи в уголовном процессе.

Вместе с тем не следует умалять значение и методов психодиагностики, а также иных методов, разрабатываемых в науках психологического цикла (в собственно психологии, в том числе юридической, психофизиологии, нейрофизиологии и иных смежных научных направлениях), которые творчески приспособляются для решения задачи криминалистического выявления лжи²⁷⁶. Таким образом, частное учение о криминалистической диагностике, научный аппарат которой является каркасом для теоретических знаний о выявлении лжи в следственной практике, и психодиагностика, которая является источником методов этой деятельности, в равной степени могут быть отнесены к ее теоретическим основам.

²⁷⁴ См.: *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 300–301.

²⁷⁵ См.: *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. С. 267.

Кроме того, сегодня распространение учения о диагностике на сферу оценки личности человека и исходящих от него сообщений можно назвать трендом развития криминалистики. См., например: *Соколова О. А.* Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

²⁷⁶ Об активном творческом приспособлении достижений других наук как законе развития криминалистики см.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. С. 245–250.

Помимо этого, научную базу криминалистического выявления лжи формируют иные положения общей теории криминалистики (криминалистическая методология, криминалистическое учение о версии, криминалистическая профилактика, криминалистическое учение о личности), положения криминалистической тактики (как общие положения, так и тактика производства отдельных следственных действий), а также положения криминалистической техники (к примеру, развивающееся учение об использовании полиграфа для получения криминалистически значимой информации²⁷⁷).

Отдельные положения, связанные с выявлением лжи, которые могут быть использованы криминалистикой, разрабатываются в рамках теории судебной экспертизы, а именно таких ее видов, как судебно-психологическая и судебно-психофизиологическая экспертиза. Научными основами всех перечисленных научных направлений выступают диалектический материализм, теория отражения, а также теория причинности²⁷⁸.

Данные направления научного познания интегрируются криминалистикой в рамках тактико-психологической характеристики лжи как совокупности знаний о криминалистически релевантной лжи и ее отдельных видах, причинах и способах ее совершения, а также о признаках, в которых она проявляется. Именно данная информационная основа криминалистической диагностики лжи является источником практических рекомендаций, приемов, методов и правил ее выявления в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Системный анализ криминалистического познания и его отдельных направлений, к каковым относится и криминалистическое выявление

²⁷⁷ См.: *Холодный Ю. И., Подшибякин А. С.* Использование полиграфа для получения криминалистически значимой информации // *Криминалистика : учебник : в 2 т. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина.* М., 2014. Т. 1. С. 325–340 ; *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии.

²⁷⁸ *Румянцева И. В., Холопов П. А.* Криминалистическая диагностика: понятие и возможности применения на современном этапе // *Библиотека криминалиста.* 2013. № 1 (6). С. 279–280.

(диагностика)²⁷⁹ лжи, базируется на триаде «задача — объект — метод»²⁸⁰. Необходимо подробнее остановиться на структуре этой деятельности.

Задача. Слово «диагностика» происходит от греческого *diagnostikos*, которое переводится как «способный распознавать». Это понятие имеет три основных значения: распознавание, различение и определение²⁸¹. Задачей криминалистической диагностики, аккумулирующей все эти смыслы, является познание²⁸² объективных и субъективных свойств, состояний, природы и иных особенностей криминалистически значимых объектов по их признакам²⁸³. Указанные объекты имеют ненаблюдаемый (скрытый) характер и могут быть изучены только опосредованно по доступным для восприятия признакам²⁸⁴.

Применительно к криминалистическому выявлению лжи задача состоит в том, чтобы на основе исследования внешних признаков поведения человека и иных данных понять, является ли некое сообщение ложью, то есть преследует цель ввести реципиента в заблуждение, либо оно является правдой, то есть преследует цель проинформировать реципиента адекватно тому, как обсуждаемый предмет отражен в сознании адресанта.

Вне всякого сомнения, данная задача имеет большое значение для криминалистического познания. От своевременного вывода следователя (даже вероятностного) о том, что некий участник расследования лжет либо говорит правду, может зависеть выдвижение и проверка версий, последовательность и

²⁷⁹ Учитывая, что криминалистическое учение о диагностике является основой криминалистического выявления лжи, в качестве равнозначного будет употребляться термин «криминалистическая диагностика лжи».

²⁸⁰ См.: Колдин В. Я. Криминалистический анализ. С. 86.

²⁸¹ Корухов Ю. Г. Трасологическая диагностика : методическое пособие для экспертов М., 1983. С. 14.

Можно отметить, что в литературе также разработан подход, расширяющий понятие криминалистического распознавания и понимающий под ним «учение о признаках овладения знаниями о признаках уголовно-релевантных объектов, а также о закономерностях использования полученных результатов в целях выявления, доказывания преступлений и уголовного преследования». См.: Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 103.

²⁸² В литературе ведется дискуссия о том, является ли криминалистическая диагностика процессом или методом познания, однако в настоящей работе данные категории противопоставляться не будут. Подробнее об этом см.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 2 : Частные криминалистические теории. С. 282–288.

²⁸³ См.: Снетков В. А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. 1972. № 23. С. 103–106.

²⁸⁴ См.: Корма В. Д. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений. С. 116.

тактика проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, прогнозирование поведения участников процесса, использование имеющейся организационно-технической базы, иначе говоря, содержательная сторона следственной деятельности и ее результативность. Особо остро эта задача возникает на первоначальном этапе расследования по делам о неочевидных преступлениях, а также в иных проблемных ситуациях расследования²⁸⁵, когда, например, имеется несколько подозреваемых, отрицающих причастность к преступлению, и требуется в кратчайшие сроки организовать выдвижение и проверку версий, принять промежуточные процессуальные решения (об избрании меры пресечения, о проведении следственных действий, требующих судебного санкционирования и иных), не допустив при этом ни утраты доказательств, ни необоснованного ущемления прав и свобод участников расследования.

Однако при всей важности выявления лжи в динамике расследования с точки зрения подведения его итогов и процесса доказывания эта задача имеет все же локальный характер²⁸⁶. На поздних этапах производства по делу, когда следователю или судье необходимо оценить всю совокупность собранных доказательств и связей между ними, чтобы прийти к внутреннему убеждению о том, подтвердилось ли обвинение конкретного лица в совершении преступления, знание об искренности или о неискренности участников расследования уже не имеет принципиального значения²⁸⁷.

Поведение участников процесса (в том числе ложь) может опосредованно указывать на их заинтересованность в результатах расследования, но ничего не

²⁸⁵ Например, при отсутствии в определенный момент расследования иных доказательств, за исключением противоречивых показаний участников уголовного процесса. См.: Методика выявления психологических признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) : научно-практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. М., 2017. С. 43–44.

²⁸⁶ Как справедливо отметил В. Я. Колдин, правовые решения, принимаемые в условиях неопределенности (оперативно-розыскная деятельность, начальные стадии предварительного расследования), и правовые решения при установлении всех предусмотренных законом фактических обстоятельств имеют различную логическую структуру и требуют различных познавательных процедур и технологий. См.: *Колдин В. Я.* Криминалистический анализ. С. 447–448.

²⁸⁷ Нужно заметить, что в качестве специфического исключения может рассматриваться ситуация с уголовными делами по ст. 307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»), поскольку в этом случае сам факт лжи следователю, пусть и в рамках иного уголовного дела, составляет элемент главного факта предмета доказывания.

говорит о причастности к расследуемому событию. К примеру, попытка обвиняемого пустить следствие по неверному пути может косвенно указывать на его личную заинтересованность в исходе дела. Однако подобная «улика поведения» будет иметь вес не сама по себе, а лишь тогда и постольку, когда и поскольку ложные показания уже опровергнуты, а обвинение уже подтверждено собранными по делу доказательствами²⁸⁸. Без этого не может считаться установленной причинно-следственная связь между причастностью к преступлению и ложью на следствии, ведь последняя может объясняться разнообразными причинами. Кроме того, вывод о ложности показаний столь сильно отдален от главного факта предмета доказывания, что не несет достаточно информации, пригодной для описания расследуемого события²⁸⁹.

Диагностический вывод о том, что некий участник уголовного судопроизводства солгал или сказал правду, осведомлен или не осведомлен об обстоятельствах, знание которых он подтверждает или отрицает, сам по себе не может усиливать или ослаблять значение оцениваемых показаний. По окончании производства по делу ценно не суждение о неискренности отрицающего вину подозреваемого, а конкретные доказательства, опровергающие защитительную версию и подтверждающие обвинительную. В равной степени значение будет иметь не вывод о том, что показания свидетеля о совершении преступления подозреваемым правдивы, а доказательства, полученные при проверке данных показаний, подтверждающие или опровергающие их.

Выявление лжи участников расследования по внешним признакам их поведения требуется прежде всего для того, чтобы наилучшим образом организовать расследование, вычленив в массиве сообщаемых сведений узловые моменты и проверить их следственным путем, получив доказательства, которые станут основанием для принятия правовых решений, то есть криминалистическая

²⁸⁸ Как замечает С. С. Чегодаева, улики поведения имеют доказательственную силу лишь в некоторых случаях и в совокупности с другими уликами, подтверждающими их, могут являться косвенными доказательствами вины конкретного лица. См.: *Чегодаева С. С.* Криминалистическое исследование улик поведения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 37.

²⁸⁹ См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 273–277.

диагностика лжи инициирует процесс доказывания, обеспечивает и направляет его²⁹⁰. Поэтому она немыслима в отрыве от проверки информации путем выдвижения версий, производства следственных и оперативно-розыскных действий, нужна, чтобы упорядочивать эту проверку, делая ее экономной, но эффективной.

В связи с этим представляются направленными по неверному пути попытки придать отдельным течениям криминалистической диагностики лжи доказательственную силу. Действительный познавательный смысл выявления лжи не в том, чтобы констатировать ложь некоего участника расследования (доказательственная функция), а в том, чтобы, используя знание о лжи, которое может иметь разную степень обоснованности, в ходе следственной работы установить истинную картину произошедшего, собрать доказательства совершения преступления, а также причастности к нему и виновности в нем конкретного лица (ориентирующая функция)²⁹¹.

Субъект. В диагностический процесс вовлечены три участника, которые будут именоваться так же, как прежде: адресант (диагностируемое лицо) — тот, кто передает информацию другому, реципиент — тот, кому эта информация предназначается, и верификатор — тот, кто оценивает поступившее сообщение, то есть является субъектом диагностики лжи. Применительно к криминалистическому познанию адресантом может выступать участник уголовного судопроизводства: потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, понятой. Субъектом диагностической деятельности может быть, например, следователь или специалист.

²⁹⁰ Как справедливо отмечал В. Я. Колдин, «доказательственный потенциал любого уголовного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей поиска, актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками». См.: Колдин В. Я. Криминалистический анализ. С. 7.

Представляется, что диагностика лжи как раз и выполняет функцию работы со скрытой информацией, ее дешифровки и использования в поиске доказательств.

²⁹¹ Нельзя не согласиться с Л. Е. Владимировым, который, обсуждая опасность ошибочного осуждения человека, писал: «Поистине, горестна картина человеческого правосудия и якорь спасения один: суд должен быть, по возможности, объективным разбором доказательств, то есть обстоятельств дела, а не каких-то психологических признаков, могущих превратить правосудие в рискованную игру». См.: Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. С. 336–337.

Объект. Под объектом понимается явление внешнего мира; то, что существует вне сознания исследователя. Понятийный аппарат криминалистической диагностики, включает в себя такие категории, как диагностируемый и диагностирующий объекты, а также диагностические признаки.

Диагностируемыми называются объекты, которые в силу их криминалистической значимости необходимо распознать²⁹². К ним относятся мысленные образы и материальные объекты, их природа, состояния, особенности, причинная связь с какими-либо событиями и прочее²⁹³. Познание диагностируемых объектов осуществляется посредством изучения диагностических признаков, то есть выражений свойств²⁹⁴ диагностируемых объектов, которые доступны для сравнения, сопоставления, анализа. Совокупность различных диагностических признаков может быть названа диагностическим полем²⁹⁵. Чтобы познать диагностируемые объекты, используются объекты диагностирующие. Они могут быть не связаны с расследуемым событием и могут представлять собой, например, доступные исследователю научные данные, справочники, образцы сравнения²⁹⁶.

В криминалистической литературе по вопросу о том, что́ считать диагностируемым объектом применительно к выявлению лжи, не имеется единого подхода. В различных источниках говорится о диагностике ложной информации²⁹⁷, диагностике истинности показаний²⁹⁸, диагностике скрываемой информации или обстоятельств и так далее. Однако, поскольку в настоящей работе ложь понимается как сообщение, сделанное с целью введения другого человека в заблуждение, диагностируемым объектом следует признать акт

²⁹² Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. Т. 1. С. 118.

²⁹³ Дубровин С. В. Основы криминалистической диагностики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 27–28.

²⁹⁴ Под свойством понимается часть некоего внутреннего своеобразия объекта исследования, которая может быть познана лишь посредством ее отражений вовне — признаков. См.: Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 14–16, 54.

²⁹⁵ Дубровин С. В. Основы криминалистической диагностики. С. 36.

²⁹⁶ Там же. С. 33–35.

²⁹⁷ Порубов А. Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. С. 36.

²⁹⁸ Полтавцева Л. И. Интеграция достижений психологии в криминалистику : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 230.

передачи сообщения, в отношении которого не известно и необходимо установить, сделано оно с целью введения реципиента в заблуждение или нет²⁹⁹.

Составляющими акта передачи информации как диагностируемого объекта являются: сигнал — форма представления информации для передачи по каналу, канал — совокупность средств передачи информации, а также собственно передаваемая информация³⁰⁰. Передача информации происходит в процессе межличностного общения, включающего коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (взаимодействие) и перцептивную (восприятие и понимание) стороны³⁰¹. Передача информации в ходе общения осуществляется одновременно по вербальному и невербальному каналу³⁰², а также сопровождается физиологическими реакциями³⁰³. Каждое из этих диагностических полей несет в себе специфические диагностические признаки, то есть такие познаваемые верификатором явления, которые дают основания для вывода о наличии или об отсутствии у адресанта цели введения реципиента в заблуждение³⁰⁴.

Нужно подчеркнуть, что познание акта передачи информации, а также воздействие на него невозможно в отрыве от взаимодействия с адресантом. Общение с ним, изучение его личностных особенностей имеют диагностирующее значение, позволяя воспринимать акт передачи информации не только как раз и навсегда зафиксированный, статичный факт прошлого, но уточнять его,

²⁹⁹ Что касается терминов «диагностика ложной информации», «диагностика истинности показаний», то здесь используется подход к понятию лжи как к свойству информации, отличный от избранного в настоящей работе. Термин же «диагностика скрываемой информации», то есть того, что на самом деле известно лжецу, относится скорее не к выявлению, а к преодолению лжи. Конечно, эти направления практической криминалистической деятельности тесно взаимосвязаны. За диагностическим выводом о том, что сообщение является ложью, следует применение методов ее преодоления, после чего вновь полученное сообщение снова диагностируется. Вместе с тем выявление и преодоление лжи имеют разную тактическую природу, поскольку последнее направлено на изменение позиции участника уголовного судопроизводства, в то время как первое такой задачи не преследует.

³⁰⁰ См.: *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. С. 100.

³⁰¹ *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 16.

³⁰² *Васильев В. Л.* Юридическая психология : учебник для вузов. СПб., 2009. С. 449.

³⁰³ *Образцов В. А., Богомолова С. Н.* Криминалистическая психология. С. 184.

³⁰⁴ *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 292.

дополнять и конкретизировать в ходе коммуникации, получая всё новые диагностические признаки.

Диагностические признаки лжи могут существовать как на уровне наблюдения, так и на уровне логических умозаключений³⁰⁵ и представляют собой определенные изменения в показателях поведения адресанта, причем к ним относятся не любые возможные изменения, каковых великое множество, а только те, в отношении которых имеются методики их обнаружения, исследования и использования в практической деятельности³⁰⁶. Подробнее эти признаки рассмотрены в следующих параграфах, здесь же необходимо еще раз подчеркнуть, что не существует универсального симптома лжи, а каждый из диагностических признаков имеет лишь ориентирующее значение.

Диагностирующим объектом применительно к диагностике лжи выступает ее тактико-психологическая характеристика как совокупность научного знания о природе лжи, а также сравнительные образцы — примеры поведения адресанта³⁰⁷. Диагностирующее значение имеет и доступная верификатору информация о предмете, в отношении которого сделано диагностируемое высказывание (то есть сведения из иных источников), а также информация о личности адресанта.

Метод. Методом в науке называется «совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи»³⁰⁸, «система регулятивных принципов практической или теоретической деятельности человека»³⁰⁹, «непосредственное орудие научного анализа, средство, способ действия, способ познания закономерностей взаимодействия, взаимосвязи изучаемых объектов, то есть предметов, явлений,

³⁰⁵ Там же. С. 284.

³⁰⁶ Все иные признаки поведения являются «вещью в себе» и не имеют познавательного значения. См.: *Баев О. Я., Комаров И. М.* Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики. С. 24–25.

³⁰⁷ Гипотеза фона, то есть зависимость успешности диагностики лжи от возможности верификатора сравнить поведение адресанта при передаче им диагностируемого сообщения с его же поведением в момент заведомо ложного или искреннего высказывания, была подтверждена эмпирически. См. об этом: *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. С. 61.

³⁰⁸ *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 364–365.

³⁰⁹ *Сичивица О. М.* Методы и формы научного познания. М., 1972. С. 4.

процессов объективного мира»³¹⁰. Данные определения применимы и к криминалистической диагностике лжи. Криминалистический метод выявления лжи может быть определен как совокупность приемов и операций деятельности верификатора, совершаемой для познания того, является ли некое сообщение участника расследования ложью, то есть преследующим цель введения в заблуждение, либо оно является правдой.

Процесс человеческого познания построен по схеме «сходство — различие»³¹¹, что в полной мере применимо и к диагностическому познанию. Выявляя некие свойства диагностируемого объекта, исследователь использует известные ему и утвердившиеся в научном знании представления о свойствах аналогичных объектов³¹². Вместе с тем в криминалистической диагностике лжи отсутствует точный эталон, путем сравнения с которым исследователь мог бы распознать определенное состояние диагностируемого объекта. Вместо этого верификатор располагает лишь приближенными диагностирующими объектами.

В основе диагностического познания лежит гипотеза о неких характеристиках диагностируемого объекта, проверяя которую исследователь идет от частного — наблюдения диагностических признаков (эмпирическая стадия) к более общему — исследованию этих признаков (аналитическая стадия) и их сопоставлению с диагностирующими данными (оценочная стадия). Если рассматривать диагностику как условно-категорический силлогизм, то его большой посылкой выступает диагностирующая информация, малой — информация о диагностических признаках, а заключением («диагнозом») является вывод о наличии или об отсутствии у диагностируемого объекта определенных свойств. Например, из посылок: 1) совокупность признаков «А-Б-В», вероятно, исключает искренность сообщения (диагностирующий объект) и 2) признаки А-Б-В содержатся в показаниях допрашиваемого Н. (диагностируемый объект) —

³¹⁰ Крюкова Е. С., Центров Е. Е. Научные основы теоретических представлений об изучаемых криминалистикой закономерностях. С. 56–57.

³¹¹ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. С. 29–30.

³¹² Тарасов К. Е. Общая методология процесса диагностики как специфического вида познания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1969. С. 15–19.

следует вероятностный вывод о том, что показания Н. являются ложью. Конечно, на практике все сложнее, поскольку верификатор действует в условиях избытка информации, исходящей от адресанта, и дефицита объективной информации об обсуждаемом предмете. Каждый диагностический признак мысленно сопоставляется верификатором с каждой из возможных версий (лжет, говорит правду, добросовестно заблуждается) и квалифицируется как колеблющийся одну из версий, опровергающий другую, безразличный для третьей³¹³.

Диагностика лжи органически связана с проверкой информации. Как в начале настоящей работы было необходимо разграничить истинность информации и искренность говорящего, столь же важно сейчас сделать обратное — подчеркнуть взаимозависимость задач распознавания лжи и установления истины, предстающих на практике оттенками единого процесса криминалистического познания. Необходимо понимать, что рассмотрение диагностики лжи в отрыве и обособленности от проверки информации, которую она направляет и на которую опирается, возможно лишь в теоретических целях, ведь данная деятельность никогда не осуществляется изолированно. При этом только вывода о том, что содержание диагностируемого сообщения соответствует или не соответствует действительности, недостаточно для утверждения о том, что оно является правдой или ложью. Чтобы сделать такой вывод, необходимо сначала выяснить, соответствует ли знание адресанта содержанию сообщения или разительно отличается от него.

§ 2. Требования к криминалистическому методу выявления лжи

Выявление неискренности собеседника является естественным защитным механизмом, присущим каждому человеку, и в обычной жизни осуществляется зачастую произвольно. Однако неотчетливо сформулированные и автоматически применяемые правила распознавания лжи бессистемны, а выводы

³¹³ *Корма В. Д.* Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы. С. 80.

зачастую неверны. Субъект же криминалистического познания должен владеть искусством правильного построения рассуждений по тем вопросам, которые возникают в его деятельности³¹⁴, что подразумевает использование специального научного аппарата — методологии, выполняющей функции внутренней организации и регулирования процесса познания³¹⁵. Ведь, как подметил Ф. Бэкон, сравнивая метод исследования и путь человека, «даже хромым, идущий по дороге, обгонит здорового человека, бегущего по бездорожью»³¹⁶.

Однако не любой метод подходит для криминалистического познания, поскольку высокая социальная значимость данной деятельности налагает на используемую методологию специальные требования: законности, этичности, научной обоснованности, избирательности³¹⁷. Необходимо приложить их к сфере криминалистического выявления лжи.

Законность. Разрабатываемые в науке и применяемые на практике криминалистические методы выявления лжи должны соответствовать закону, в том числе принципам права³¹⁸. Они должны способствовать претворению в жизнь назначения уголовного судопроизводства — обеспечивать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Данное требование согласуется и с общей целью криминалистического познания, которая состоит в полном,

³¹⁴ См.: *Эйсман А. А.* Логика доказывания. С. 8–9.

³¹⁵ См.: *Комаров И. М.* Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства : монография. М., 2010. С. 105.

³¹⁶ Цит. по: *Сичивица О. М.* Методы и формы научного познания. С. 4.

³¹⁷ См.: *Рашинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 199–207 ; *Якушин С. Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983. С. 34.

³¹⁸ См.: *Коновалова В. Е.* Теоретические проблемы следственной тактики (познавательная функция логики и психологии в следственной тактике) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1966. С. 17.

При этом в литературе иногда отмечается, что криминалистические приемы и методы должны соответствовать как букве, так и «духу» закона, что выражается в понимании следователем сущности и социального назначения норм УПК РФ. См., например: *Чебуренков А. А.* Проблемы совершенствования отдельных критериев допустимости применения тактических средств при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 18. С. 5–7.

Представляется обоснованной точка зрения Р. С. Белкина о том, что данное выражение является слишком неопределенным, поскольку «дух» закона — это политическое, а не правовое понятие. См.: *Белкин Р. С.* Общая теория криминалистики в условиях НТР // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 104.

всестороннем и объективном установлении фактических обстоятельств расследуемого события. Очевидно, что подчиненные ей цели криминалистических методов выявления лжи не могут быть иными.

Однако данные принципы, хотя и имеют главенствующее значение, носят абстрактный характер. Более конкретный уровень регулирования представлен в виде запретов на применение определенных методов. Так, ч. 1 ст. 9 УПК РФ закрепляет, что в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. В соответствии с ч. 2 той же статьи никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Согласно ч. 4 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Данным уголовно-процессуальным требованиям корреспондируют положения ст. 302 УК РФ, закрепляющие уголовную ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий.

Что касается запрета физического насилия, действий, унижающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, а также создающих угрозу для их жизни и здоровья, то положения закона предельно ясны. Следовательно не вправе воздействовать (как лично, так и при содействии иных лиц) на участников уголовного судопроизводства физически. Этот запрет включает и недопустимость применения разнообразных психофармакологических средств³¹⁹.

³¹⁹ В связи со сказанным вызывают недоумение рекомендации следователям учитывать возможности метода наркоанализа (иное название — «сыворотка правды»), что якобы «позволит расширить доказательственную базу по конкретному преступлению». Представляется, что эта «расширенная доказательственная база» будет признана недопустимыми доказательствами, а подобные действия следователя могут быть квалифицированы как

Несколько сложнее обстоит дело с психологическим насилием, которое является крайней формой неизбежного психологического воздействия следователя на участников процесса. Критерием допустимости психологического воздействия как криминалистического метода выступает свобода выбора человеком, подвергающимся воздействию, того или иного поведения³²⁰. Воздействие, ограничивающее или нивелирующее эту свободу, становится насилием, которое недопустимо. Данный критерий связан не только с соображениями гуманизма, но и с познавательной направленностью деятельности следователя: если человек не свободен при передаче информации, то невозможно и достоверно установить его действительные знания и намерения. Исходя из этого в число методов криминалистического выявления лжи не должны входить угрозы, шантаж, а также другие действия, при которых объект воздействия может утратить волевой контроль над своими поступками.

Обсуждая границы психологического воздействия, нельзя не вспомнить о гипнозе. Гипноз определяется как «состояние сознания, характеризующееся его сужением и гипердоминированием внушенного содержания»³²¹. Некоторые исследователи со ссылками на познавательные возможности и положительный опыт по конкретным делам рекомендуют использовать гипноз для выявления информации, скрываемой лжецом³²², либо помощи в припоминании забытых деталей воспринятого события³²³. Однако, как следует из п. 2 принципа 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988), ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его

преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ. Подобную рекомендацию см., например: *Соколова О. А.* Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям. С. 386.

³²⁰ *Рашинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 195–207.

³²¹ *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С. 567.

³²² См.: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 143–144.

³²³ Элементы гипноза, по всей видимости, присутствуют в методиках так называемой активизации памяти, которые применяются психологами Следственного комитета РФ. См.: *Зерин С. Н.* Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших. М., 2013.

способность принимать решения или выносить суждения. Представляется, что тем самым исключена возможность применения гипноза в отношении лиц, которые заключены под стражу либо задержаны.

Прямой запрет на применение гипноза в отношении находящихся на свободе свидетелей и потерпевших отсутствует. Однако на сегодняшний день нет общепризнанных методик применения гипноза в уголовном процессе, что порождает вопросы и к достоверности сведений, получаемых в результате³²⁴. Опасность связана с тем, что гипнолог имеет возможность распространить свое внушающее воздействие на обследуемого далеко за пределы сеанса. Есть примеры того, что человек, уже находящийся в состоянии ясного сознания, способен действовать под влиянием внушенных в гипнозе бессознательных представлений³²⁵, то есть гипноз может быть использован и для достижения неправомερных целей. С учетом сказанного применение гипноза, которое, как показало настоящее исследование, встречается в практике расследований³²⁶, представляется вопросом, требующим более четкой законодательной позиции. В отсутствие нормативного регулирования применение этого метода не может служить основанием для формирования доказательств, а может быть лишь методом получения ориентирующей информации, применяемым с большой осторожностью и при наличии информированного согласия потерпевшего или свидетеля, не имеющего противопоказаний к этому³²⁷.

Следующим важнейшим требованием закона, имеющим прямое отношение к вопросам выявления лжи, является запрет наводящих вопросов (ч. 2 ст. 189, ч. 7

³²⁴ Вполне иллюстративно, к примеру, мнение психиатра Я. М. Калашника, согласно которому «сведения, добытые в гипнотическом сне, то есть в состоянии неясного сознания, не могут расцениваться как достоверные, и они могут резко отклоняться от истины». Цит. по: *Китаева В. Н., Китаев Н. Н.* Применение гипноза при поисках трупа человека: проблемные вопросы // *Закон и право*. 2018. № 12. С. 125–127.

³²⁵ *Психофизиология* : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 206–207.

³²⁶ Согласно результатам анкетирования следователей 4 % респондентов указали, что применяют гипноз в ходе расследования. См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 28).

³²⁷ Представляется, что в уголовном судопроизводстве цель установления истины по делу не может служить оправданием для применения рискованных или таящих опасность методов познания даже при их возможной эффективности. Нельзя не согласиться с О. Я. Баевым, который писал: «Обществу и государству нужно не любое выявление, раскрытие и расследование преступлений. Обществу и государству нужно лишь законное и достоверное выявление, раскрытие и расследование преступлений». См.: *Баев О. Я.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний. С. 206.

ст. 193, ч. 2 ст. 194, ч. 1 ст. 275 УПК РФ). В основе запрета лежит идея, согласно которой не имеет познавательного и доказательственного значения ответ, не содержащий информации, кроме той, которая была передана спрашивающим отвечающему. Данное правило призвано обеспечить получение достоверных сведений, избежать ложных оговоров и самооговоров³²⁸.

Однако определения термина «наводящий вопрос» законодательство не содержит, что порождает разночтения в его понимании. В настоящее время в криминалистической литературе сложилось два подхода. В рамках терминологической традиции, которая может быть условно обозначена как «формальная», также существует два направления. Согласно первому из них наводящий вопрос понимается только как вопрос, который в своей формулировке прямо содержит конкретный, определенный ответ на него³²⁹. Однако данное понимание не учитывает того, что наводящая информация, используемая следователем, может не только содержаться в формулировке вопроса, но и предшествовать его постановке или следовать за ним, а также передаваться иным способом: в интонации, мимике, жестах и так далее. Если ограничивать понимание наводящего вопроса исключительно словесной формулировкой, то обойти подобный запрет не составит никакого труда. С данной проблемой справляется второе направление, в рамках которого наводящий вопрос понимается как вопрос, подсказывающий ответ на него не только формулировкой, но и иным образом³³⁰.

Однако формальное понимание наводящего вопроса неоправданно сужает возможности для использования вопросов в качестве средства воздействия следователя на допрашиваемого, например для демонстрации осведомленности в

³²⁸ См.: *Центров Е. Е.* Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М., 2005. С. 443–462; *Он же.* Признание обвиняемым своей вины при отграничении его от вопросов и действий наводящего характера // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2020. № 2. С. 34.

³²⁹ По терминологии Р. Л. Ахмедшина — «дословный наводящий вопрос». См.: *Ахмедшин Р. Л.* Тактика коммуникативных следственных действий. С. 128–134.

³³⁰ По терминологии Р. Л. Ахмедшина — «содержательный наводящий вопрос». См.: Там же.

Аналогичное понимание наводящего вопроса см., например: *Гаврилова Н. И.* Внушение как фактор, деформирующий свидетельские показания // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1974. С. 39–40.

определенных обстоятельствах, что может иметь большое тактическое значение, в том числе для выявления и преодоления лжи. В связи с этим более предпочтительным представляется разработанный Е. Е. Центровым подход, который может быть назван «сущностным», поскольку концентрируется на действительных целях следователя при постановке вопроса. Данный подход основан на разделении наводящих и условно-наводящих вопросов. При этом наводящим является вопрос, который «при его постановке рассчитан на подтверждение содержащейся в нем либо сопровождающей его информации и который формулировкой, эмоционально-интонационным подтекстом, жестами, мимикой и иным образом подсказывает, внушает, наводит на определенную информацию, и ответ на него (и связанные с ним вопросы) не выходит за пределы сообщенных сведений и не содержит новой, дополнительной, ценной в доказательственном отношении информации, кроме как почерпнутой из заданного вопроса»³³¹. В то же время условно-наводящий вопрос — это вопрос, который хотя формально и содержит подсказку конкретного ответа, но преследует цель не подтверждения тех или иных сведений, а способствования получению новой информации, что может быть достигнуто, например, последующими уточняющими вопросами. Иными словами, один и тот же вопрос может как носить недопустимый характер, если следователь удовлетворился воспроизведением со стороны допрашиваемого той информации, которую сам же ему сообщил, так и быть правомерным (условно-наводящим), если в результате ряда взаимосвязанных вопросов от допрашиваемого была получена новая информация. Окончательная оценка конкретному вопросу может быть дана только в совокупности со всеми связанными с ним вопросами и полученными на них ответами, а иногда и после проверки ответов.

Конечно, изложенным не исчерпываются проблемы, связанные с законностью криминалистических методов выявления лжи. Существуют и иные требования, установленные законодательством применительно к методам ведения

³³¹ *Центров Е. Е.* Признание обвиняемым своей вины при отграничении его от вопросов и действий наводящего характера. С. 37–38.

расследования по уголовному делу (например, ко времени проведения следственных действий, к их продолжительности, содержанию и так далее). Однако, как верно подметил А. Р. Ратинов, процесс криминалистического познания тщательнейшим образом урегулирован законодателем и «ни в одной профессии нет такой детальной регламентации всего трудового процесса и самого содержания рабочих действий и операций, как в профессии следователя»³³², в связи с чем детально рассмотреть каждое правило в рамках настоящего исследования не представляется возможным.

Этичность. Методы криминалистики должны соответствовать нравственным нормам, принципам справедливости и гуманизма³³³. Перечень данных норм и принципов не в полной мере объективизирован. Отчасти они закреплены в законодательстве, которое, впрочем, охватывает лишь некоторую область предмета этического регулирования. Отчасти они содержатся в рекомендательных кодексах этического поведения, которые распространяют свое действие на следственных работников³³⁴, но данные документы имеют весьма абстрактный характер (преимущественно нормы-декларации и нормы-принципы) и не предлагают детального описания этики криминалистического познания, включающей этику выявления лжи³³⁵.

Вполне актуальны в связи с этим сформулированные И. Е. Быховским этические запреты в расследовании по уголовному делу: унижать честь и достоинство участников уголовного судопроизводства; оказывать воздействие на позицию невиновного, способствуя признанию им несуществующей вины; оправдывать преступные действия или преуменьшать их общественную опасность; способствовать ложным оговорам и самооговорам; использовать

³³² Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 59–61.

³³³ См.: Там же. С. 202–206; Центров Е. Е. Общие научные положения криминалистической тактики. С. 186.

³³⁴ См., например: Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ (утвержден Председателем Следственного комитета РФ 11 апреля 2011 г.); Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010, протокол № 1).

³³⁵ Разработка конкретных положений криминалистической этики в современных условиях представляется весьма актуальным направлением развития науки, которое незаслуженно обделено вниманием научного сообщества.

неосведомленность участников уголовного судопроизводства в правовых вопросах; способствовать развитию низменных побуждений участников уголовного судопроизводства; совершать действия, подрывающие авторитет правоохранительных органов; использовать заведомо ложные сведения³³⁶.

На последнем из запретов требуется остановиться подробнее. Как показано выше, некоторые задачи криминалистического познания, даже вполне правомерные (в том числе диагностическая задача), несут потенциал для применения лжи. В законодательстве же запрет на ложь следователя отсутствует³³⁷, что создает предпосылки для выдвижения подчас противоположных точек зрения.

Первоначально в уголовно-процессуальном праве и криминалистике советского периода преобладала позиция об абсолютной недопустимости для следователя намеренно формировать ошибочное представление у кого-либо, причем имелась в виду как прямая, так и завуалированная ложь, поскольку любые подобные действия носят аморальный характер³³⁸. Вместе с тем в

³³⁶ Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. С. 219–220.

³³⁷ Некоторые исследователи утверждают, что ложь относится к «иным незаконным мерам», предусмотренным ст. 302 УК РФ. С данным мнением нельзя согласиться, поскольку формулировка уголовного закона имеет отсылочный характер, то есть распространяется на те меры, которые запрещены законодательством. Называть «иными незаконными мерами» действия, прямой запрет которых отсутствует, означает давать расширительное толкование составу преступления. Пример подобного толкования см.: Малютин М. П. Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса. С. 56–58.

Обоснование противоположной позиции см.: Чуканова Е. С. О характеристике обмана как способа принуждения к даче показаний // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2020. С. 218–224.

Вместе с тем интерес представляет вопрос о том, не следует ли рассматривать ложь следователя как действие, унижающее часть и достоинство участника уголовного судопроизводства, что запрещено ст. 9 УПК РФ. Если основываться на данной точке зрения, то любые доказательства, полученные с применением лжи, должны признаваться недопустимыми.

³³⁸ См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 585 ; Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 20, 142.

Данная позиция восходит еще к Г. Гроссу, который писал: «Но есть и еще нечто другое, чего С. С. (судебный следователь. — Прим. К. П.) вообще не должен забывать, а в данном случае особенно применять к делу. Я говорю о любви к правде, которую С. должен блюсти непоколебимо, до педантизма. На первый взгляд покажется излишним это требование, предъявляемое и к каждому честному человеку, но дело в том, что С. С., особенно отличающийся ретивостью, легко может соблазниться каким-либо свидетельским показанием, или заключением сведущего лица, или другим каким-нибудь следственным актом и изложить его обвиняемому в несколько измененном виде, для того чтобы «облегчить ему сознание», или же может дать понять обвиняемому, что ему, С-лю, известно кое-что, на самом деле еще неизвестное. Как тяжело потом все это оплачивается! Как неприятно, когда ложь обнаруживается, как стыдно перед обвиняемым, который не поверил неправде, какие

криминалистический научный оборот постепенно вошло понятие психологических хитростей или ловушек, которые в противовес недопустимой лжи могут использоваться для дезориентации участника уголовного процесса, когда это необходимо следователю. При этом границы данного явления не были четко определены. Так, А. Р. Ратинов, говоря о недопустимости блефа, лжи и обмана следователя, признавал приемлемым умолчание, многозначные реплики и заявления, а также создание ситуаций, скрывающих действительное положение дел, постановку вопросов, которые могут породить определенные догадки у обвиняемого и так далее³³⁹. А. Б. Соловьев и Е. Е. Центров указывают, что введение в заблуждение со стороны следователя допустимо, когда оно связано с использованием достоверной и относимой к предмету допроса или допрашиваемому информации, фактических данных, доказательств по делу³⁴⁰. Сходным образом рассуждают и иные ученые³⁴¹.

Однако использование подобных категорий, как представляется, ведет к тому, что одинаковые действия именуется по-разному в зависимости от субъекта их совершения: если умалчивает о неких обстоятельствах свидетель, то это ложь, а если — следователь, то это психологическая ловушка. Решение проблемы предложил Р. С. Белкин, который призвал, называя вещи своими именами, признать, что введение в заблуждение — не что иное, как обман, и, учитывая распространенность этого средства в следственной практике, «отказаться от абстрактно-лицемерного утверждения, что всякий обман, к которому прибегает следственный или оперативный сотрудник — аморален». И более того, по мнению данного автора, подобная ложь необходима, поскольку является

угрызения совести на всю жизнь! Некоторая «неточность» в памяти С. С. с течением времени превращается в бесчестную ложь; быть может, вовсе не ею достигнутый удачный результат остается в сознании и на совести как успех, достигнутый недозволенными средствами, а несомненно виновный представляется невинно осужденным! Боже сохрани каждого из нас от таких мучений совести!». См.: *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С. 139.

³³⁹ См.: *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 196–217; *Он же.* О допустимости и правомочности некоторых тактических приемов // *Следственная практика.* 1965. № 65. С. 106–115.

³⁴⁰ См.: *Соловьев А. Б., Центров Е. Е.* Допрос на предварительном следствии. С. 22–23.

³⁴¹ См., например: *Красуский В. Т.* О некоторых психологических приемах расследования // *Следственная практика.* М., 1964. Вып. 65. С. 98–105; *Болтнев В. Н., Лавров Ю. И.* О «психологических хитростях» в следственной тактике // *Следственная практика.* 1966. № 71. С. 86–69.

«адекватным ответом на распространенность и изощренность противодействий, к которым в последнее время прибегают не только виновные в правонарушении лица, но и их приспешники»³⁴².

Данные идеи получили развитие в криминалистической науке³⁴³. Не стоит на позициях категорического запрета следственной лжи и современная доктрина уголовного процесса, которая признает невозможность в отдельных случаях достижения цели эффективного правосудия без применения обмана³⁴⁴. Соответствует это и воззрениям практических работников следствия, подавляющее большинство из которых согласно проведенному опросу считает применение лжи возможным³⁴⁵.

Вместе с тем открыт вопрос о границах допустимости лжи следователя. Р. С. Белкин сформулировал, когда следственный обман абсолютно недопустим: если он основывается на правовой неосведомленности подследственного, на заведомо невыполнимых обещаниях, на фальсифицированных доказательствах, на дефектах психики подследственного либо на его мистико-религиозных предрассудках³⁴⁶. По пути выделения недопустимых видов лжи пошли и иные авторы³⁴⁷. Однако такой путь этического регулирования представляется

³⁴² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 95–116.

³⁴³ См., например: Бахин В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 гг.); Филимонова И. В. Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007; Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике; Они же. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике.

³⁴⁴ В частности, в соответствии с современными теоретическими взглядами недопустимыми должны признаваться не любые «нелояльные доказательства», то есть полученные с применением обмана, хитрости, уловок, ложных обещаний, угроз и любых других действий, ущемляющих свободу воли лиц, к которым они применяются. См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 455–458.

³⁴⁵ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 25).

³⁴⁶ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 113–114.

³⁴⁷ К примеру, В. А. Образцов, Л. В. Бертовский и Н. Л. Бертовская считают, что основания для применения тактического дезинформирования отсутствуют в случаях: 1) производства и реализации дезинформационного продукта не в интересах защиты законных прав личности, обеспечения безопасности общества и государства, а в противоправных целях; 2) наличия реальной опасности того, что использование дезинформации может привести к наступлению общественно опасных последствий, как связанных с возможностью причинения физического и материального вреда лицам, являющимся потенциальным объектом дезинформирования, так и иным охраняемым законом отношениям (природной среде, здоровью населения и т.д.); 3) когда в качестве дезинформационного продукта выступает заведомо невыполнимое субъектом дезинформирования обещание; 4) когда дезинформационный продукт не опирается на имеющуюся в распоряжении субъектов уголовного преследования фактическую информацию, а является плодом ничем не объяснимого вымысла, беспочвенной фантазии его разработчиков либо опирается на заведомо недостоверную

недостаточным, поскольку, помимо запретов, необходимо сформулировать и позитивные критерии, при соблюдении которых ложь может быть допустима. К таковым можно было бы, например, отнести подчинение данных действий цели установления истины по делу, а также избирательный характер воздействия.

Рассуждая о границах допустимости лжи в криминалистическом познании, принципиально важным видится разделить критерии, применяемые ко лжи в уголовно-процессуальной и в оперативно-розыскной деятельности, поскольку эти виды деятельности имеют различное назначение, основываются на разных принципах и осуществляются разными методами. Справедливо суждение В. П. Бахина о том, что «в деятельности следователя <...> ограничения <...> должны быть более строгими, потому что данные, получаемые оперативно-розыскным путем, используются в основном как основание для проверки определенных лиц и событий, а в расследовании информация используется для решения процессуальных вопросов, связанных с судьбой подозреваемого, и здесь ошибки могут иметь существенные и непоправимые последствия»³⁴⁸.

Весьма продуктивным видится подход, увязывающий этическую допустимость лжи следователя с тем способом, которым она совершается. По всей видимости, нет оснований для полного запрета завуалированной лжи и умолчания о неких фактах (например, о собранных доказательствах, планируемых следственных действиях). Специфика уголовно-процессуальной сферы не предполагает того, что следователь будет полно информировать участников расследования об известных ему обстоятельствах, а в определенных ситуациях дозированное предоставление информации, сохранение тайны является и вовсе служебным долгом³⁴⁹. Хотя и такая ложь может быть весьма опасной, заранее

фактическую базу, на доказательства, достоверность которых вызывает обоснованное сомнение. См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. С. 273–274.

³⁴⁸ *Бахин В. П.* Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 гг.). С. 75–78.

В связи с этим небесспорным и весьма опасным представляется объединение следственного и оперативно-розыскного обмана в единую категорию в рамках концепции уголовно-релевантных фикций. См. об этом: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике.

³⁴⁹ *Рапинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 204–205.

дать ей однозначную этическую оценку не представляется возможным, каждая ситуация должна быть рассмотрена индивидуально. Ложь же путем искажения, как кажется, не может с позиций этики соответствовать той социальной функции, которую выполняет следователь, ведущий производство по уголовному делу (здесь можно увидеть отличие от оперативно-розыскной деятельности, одним из приемов которой является легендирование). Однако, констатировав это, нельзя не задать вопрос: «Каковы последствия этически недопустимой лжи следователя?»³⁵⁰. Представляется, что пока на этот вопрос нет четкого законодательного ответа, имеют место предпосылки для чрезмерного применения лжи на практике.

Научная обоснованность. Проведенный опрос показал различное отношение следователей к требованиям, предъявляемым к методам выявления лжи. Так, 38 %, следователей назвали в качестве главного требования законность, 29 % — эффективность, 20 % — этичность, 10 % — избирательность и лишь 3 % — научную обоснованность³⁵¹. Выявленная недооценка значимости научной обоснованности методов, применяемых в следственной деятельности, влечет необходимость остановиться на данном требовании подробнее.

Исторически возникновение криминалистики было подготовлено возникшей потребностью поставить процесс раскрытия и расследования преступлений на научную основу³⁵². Сложности с этим возникают, когда

³⁵⁰ Ответ, по всей видимости, должен относиться к плоскости признания полученных с использованием лжи доказательств недопустимыми, а также применения к следователю мер персональной (дисциплинарной, административной, уголовной) ответственности. Но на сегодняшний день ответ иной — никаких последствий.

³⁵¹ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 26).

Примечательно, что другими авторами были получены практически идентичные данные. По результатам исследования Е. О. Москвина, проведенного 18 лет назад, ответы на аналогичный вопрос распределились следующим образом: законность — 95,3 % респондентов; эффективность — 70,6 %; этичность — 40,8 %; избирательность воздействия — 33,6 %; научная обоснованность — 23,7 %; познавательная ценность — 10 %; апробированность — 8,1 %; иное — 0,9 %. Можно сделать вывод, что приоритеты следственных работ за прошедшие годы существенно не изменились. Различия в процентном выражении обусловлены тем, что в исследовании Е. О. Москвина респонденты могли выбрать более одного ответа на вопрос (сумма по всем ответам превышает 100 %), а в настоящем — только один вариант. См.: *Москвин Е. О. Тактико-психологические приемы следователя (основы формирования и воздействия)*: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 42.

³⁵² См., например: *Корма В. Д., Образцов В. А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла* // *Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития* / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016. С. 32.

криминалистике приходится обращаться к данным неправых наук. Она становится потребителем и проводником методов и знаний, которые ей изначально не присущи. При этом такие данные не могут быть перенесены на сферу уголовного судопроизводства чисто механически. Кибернетическое, математическое, химическое, психологическое и иное знание в том виде, в котором оно создается в соответствующих базовых дисциплинах, не приспособлено для использования в деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений³⁵³. Нарботки других наук должны быть творчески переработаны и приспособлены для решения криминалистических задач³⁵⁴.

Базовыми науками, с которыми криминалистике приходится иметь дело при разработке методов выявления лжи, являются дисциплины, исследующие психику и поведение человека: психология, психо- и нейрофизиология, а также некоторые другие (теория игр, лингвистика и прочие). Каждый заимствуемый метод должен происходить из науки или быть проверен научными средствами³⁵⁵. Не должны быть в основе криминалистических положений вненаучные и неподтвержденные данные, такие как обывательские представления, личный опыт, мистические концепции.

Научность криминалистических положений по источнику происхождения означает, что в их основу положено теоретическое построение (гипотеза), в котором принимается во внимание один или несколько важных признаков явления, уже известных науке. Научность по средству проверки означает, что в основе криминалистического положения находится некое эмпирическое обобщение, основанное на известных науке фактических данных, независимо от возможности их теоретического объяснения³⁵⁶.

³⁵³ О методологических особенностях прикладных наук на примере эргономики см.: Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. С. 306–314.

³⁵⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. С. 245–250.

³⁵⁵ См.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 77.

³⁵⁶ Сходство эмпирических обобщений и научных гипотез в том, что и те, и другие основываются на некоем эмпирическом материале — накопленных индуктивным путем фактах. Однако эмпирические обобщения, в

Способ познания через выдвижение гипотез, безусловно, продуктивен, но он требует, чтобы гипотезы не противоречили установленным в науке фактам, а также господствующим теоретическим представлениям, что накладывает ограничения в его применении. Так, в теоретическом объяснении того, почему поведение лжеца разнится с поведением искреннего человека, выделяются две основные составляющие: интеллектуальные и эмоциональные отличия механизмов лжи и искренней коммуникации. И те, и другие могут порождать изменения в невербальном и вербальном поведении человека, а также в его физиологической активности, выявление которых, по идее, является ключом к обнаружению лжи. Тем не менее эти подходы не позволяют еще значительно продвинуться в формулировании практических рекомендаций. Навык лгать имеет индивидуальный характер, и признаки лжи, свойственные одному человеку, могут быть не присущи другому. К тому же, современные знания о психических процессах, отличающих ложь от правды, порой влекут предсказания разного, а иногда взаимоисключающего поведения. Например, если эмоциональная составляющая может вести к увеличению подвижности лжеца, то сложность содержания лжи, напротив, может повлечь «выключение» языка тела. Кроме того, данные отличия лишь указывают на психологические процессы, характерные для лжецов «в вакууме», но не являются основанием для предсказания конкретных проявлений лжи. В реальной жизни на поведение оказывают влияние не только эмоции и интеллектуальные усилия, но и большое количество случайных факторов: особенности лжеца, обстановки общения, содержание лжи, степень информированности реципиента и его поведение, риски для лжеца в случае неудачи и так далее.

Что касается второго возможного пути формирования криминалистических положений — научности по средствам проверки, то в данном случае речь идет о допустимости использования при формулировании криминалистических рекомендаций таких обобщений, которые имеют достоверность в силу

отличие от гипотез, не выходят за рамки этих фактов. См., например: *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М., 1989. С. 17–21.

проведенных наблюдений. Выделение на эмпирическом уровне поведенческих особенностей в качестве признаков лжи подразумевает необходимость сопоставления поведения человека, который лжет, и поведения человека, который говорит правду. Для этого есть два основных способа. Первым является наблюдение за поведением людей в реальной жизни, что может быть условно названо «полевым исследованием». Данный способ изучения лжи затруднен тем, что исследователям сложно получить доступ к материалам уголовных дел, а также установить, какие факты по уголовному делу соответствуют истине, а какие нет (даже принятие итоговых правоприменительных решений не снимает до конца данного вопроса). Кроме того, не всегда возможно отыскать сопоставимые образцы лжи и искреннего поведения одного и того же человека.

Вторым способом является «лабораторное исследование» — организация эксперимента, в котором специально привлеченные участники по заданию лгут и сообщают правду. Хотя в данном случае отсутствуют недостатки «полевых исследований» (известно, какое высказывание является ложью, а какое — правдой, образцы правды и лжи хорошо сопоставимы), данные эксперименты тоже не являются в полной мере удовлетворительным источником знаний. Ложь «понарошку», «на заказ» в психологическом плане существенно отличается от лжи в реальных жизненных ситуациях и не будет сопровождаться теми интеллектуальными процессами и эмоциями, которые ей присущи, то есть выявляемые в ходе таких исследований закономерности не могут быть без оговорок экстраполированы на все случаи, и тем более на ложь в ходе расследования по уголовному делу³⁵⁷.

Сказанным объясняется, почему криминалистическая диагностика лжи не может осуществляться лишь на основе наблюдения за поведением говорящего. Это должен быть комплексный процесс, включающий активное взаимодействие с диагностируемым лицом, проверку полученной информации путем поиска других

³⁵⁷ См.: Vrij A. Detecting Lies and deceit: pitfalls and opportunities. P. 49–53.

доказательств, а также одновременный учет особенностей вербального и невербального поведения.

Однако проблемным местом современной криминалистики является наличие в специальной литературе рекомендаций, основанных на предпосылках о существовании поведенческих признаков, «которые с определенностью свидетельствуют о лжи». Причем данные рекомендации излагаются в категорической форме и без ссылок на специальные исследования, подтверждающие подобные заявления, что может вводить в заблуждение³⁵⁸.

Подобные убеждения укоренились и в сознании практикующих работников следствия. По данным проведенного исследования 17 % следователей убеждены, что ложь имеет однозначные, общие для всех людей признаки в виде мимики и жестов, причем 26 % респондентов называют признаком лжи отсутствие зрительного контакта, а 15 % — прикосновение к носу и поправление волос. 11 % следователей считают, что ложь имеет однозначные, общие для всех людей проявления в голосе и речи человека, к которым относят запинки в речи, слова-паразиты и междометия, длительную задержку перед ответом. 15 % следователей указали, что ложь имеет однозначные, общие для всех людей физиологические признаки (то есть проявления в реакциях организма человека)³⁵⁹.

Конечно же, однозначных признаков лжи не существует³⁶⁰. Каждый жест, слово, мимическое выражение или иное проявление активности человека является многозначным и может объясняться разными психологическими состояниями;

³⁵⁸ Примерами могут служить утверждения, что «лгущего человека выдают жесты, связанные с прикосновением к лицу», «для лгущего человека характерны также потирания века пальцем (в мозгу появляется желание скрыться от обмана, подозрения или избежать взгляда в глаза человеку, которому говорят неправду)», «еще одним из жестов, который может свидетельствовать о лжи, является оттягивание воротничка рубашки, так как у лгущего человека возникает неприятное ощущение в области шеи». Аналогичную природу имеет выделение «жестов, более свойственных для лжеца», к которым относятся потирания уха, прикрытие рта, прикосновения к носу и так далее. См., например: *Ушаков О. М.* Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний. С. 20; *Рзаев Т. Ю.* Современные проблемы теории практики допроса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 21; *Ищенко Е. П.* Полиграф Полиграфович. М., 2020. С. 45–46; *Блинова И. В., Козулева А. А.* Психодиагностика лжи в показаниях допрашиваемых лиц: методические рекомендации для следователей. Иркутск, 2004. С. 41–42.

³⁵⁹ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопросы 11–14, 17).

³⁶⁰ О разоблачении подобных мифов см., например: *Vrij A.* Detecting Lies and deceit: pitfalls and opportunities. P. 60–61, 115–141; *Гусева Е., Мостовик М., Кулик А.* Записки профайлера. На основе практического опыта. М., 2015. С. 14–26.

каждая ситуация должна оцениваться индивидуально с учетом всех проявлений поведения в совокупности³⁶¹ и иных факторов, заслуживающих внимания. Убеждение следователя в обратном весьма опасно, поскольку может привести к необоснованному обвинению во лжи человека по причине особенностей его коммуникации.

Завершая обсуждение научной обоснованности криминалистического метода как его необходимого качества, следует упомянуть о так называемых нетрадиционных методах познания. Подобные «методы» уже неоднократно подвергались обоснованной критике в криминалистической литературе³⁶² и не заслуживали бы внимания, если бы не то обстоятельство, что ряд авторов в последние годы активно пропагандирует их использование именно в связи с темой выявления лжи. Наибольшую, как кажется, опасность представляют рекомендации о применении в ходе расследований по уголовным делам экстрасенсорной деятельности³⁶³. Несмотря на то что в некоторых работах отказ свидетелей и потерпевших от применения в их отношении подобных методов рекомендуется «воспринять как признак возможного противодействия расследованию и избрать тактические приемы, направленные на нейтрализацию полученных заведомо ложных показаний»³⁶⁴, само существование экстрасенсов не является фактом, а относится к области личных верований человека. Так

³⁶¹ Об этом см.: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов. С. 97; Романов В. В. Юридическая психология: учебник. М., 2012. С. 463–468; Пиз А. Язык телодвижений. СПб., 1997. С. 21.

³⁶² См., например: Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие. М., 1996; Китаев Н. Н. Несостоятельность помощи экстрасенсов в оперативно-розыскной деятельности (правда и вымысел о «вещунье» Кларе из Карелии) // Оперативник (сыщик). 2006. № 3 (8). С. 29–31; Он же. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел // В защиту науки. 2008. Бюллетень № 4. С. 102–143; Он же. Экстрасенсы и шаманы в расследовании преступлений // Там же. 2009. Бюллетень № 5. С. 52–70; Архипова А. Н., Китаев Н. Н. О попытках внедрения приемов магии в современную криминалистику // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2010. Т. 23 (62). № 2. С. 227–234.

³⁶³ Подобная рекомендация содержится, например, в следующих работах: Карпенко О. А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими. С. 137–159; Карпенко О. А., Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению. М., 2020. С. 106; Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям. С. 371–391; Она же. Криминалистическая диагностика человека в раскрытии и расследовании преступлений. М., 2020. С. 124–126.

³⁶⁴ Карпенко О. А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими. С. 158.

называемые экстрасенсорные способности, о наличии которых заявляют отдельные лица, не получили достоверного подтверждения в условиях корректного эксперимента. В связи с этим последствия, которые может повлечь внедрение экстрасенсорики в уголовное судопроизводство, весьма печальны³⁶⁵. Опасность таят и иные «нетрадиционные методы», многие из которых относятся к протонаучному способу мышления³⁶⁶, но при этом, как показывает опрос следователей, к сожалению, проникают в следственную практику³⁶⁷.

Подводя итог сказанному, с учетом социальной значимости криминалистической науки и практики, где любое отступление от стандартов научной обоснованности может повлечь тяжкие последствия для судеб людей, представляется крайне важным подходить к выбору методов познания с большой осторожностью, дабы не превратить уголовное судопроизводство в испытательный полигон, место для экспериментов над участниками процесса.

Избирательность. Данное требование к криминалистическим методам выявления лжи уже было разобрано на конкретных примерах ранее. Остается лишь подчеркнуть, что типичной для криминалистической тактики является не только ситуация, когда участник расследования скрывает или искажает искомую информацию, но и ситуация, когда он не обладает искомой информацией, а

³⁶⁵ В частности, Н. Н. Китаевым описан случай, когда «экстрасенс» Вольф Мессинг был использован оперативным работником для легендирования перед следователем информации, полученной от агента. В уста «экстрасенса» были вложены сведения, свидетельствующие против одного из участников расследования, которые при последующей следственной проверке подтвердились. Из этого примера видно, что привлечение экстрасенсов, доверие к ним со стороны следственных органов открывают фактически безграничные возможности для фальсификации доказательств. «Экстрасенс», действующий в сговоре с заинтересованными лицами, может помочь им сфабриковать материалы дела, пустить следствие по ложному пути, способствовать привлечению к уголовной ответственности невиновного или ограждению от уголовной ответственности виновного. См.: *Китаев Н. Н. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел.*

³⁶⁶ *Философия и методология познания : учебник для магистров и аспирантов / под общ. и науч. ред. В. Л. Обухова, Ю. Н. Солонина, В. П. Сальникова, В. В. Васильковой. СПб., 2003. С. 262 ; Холодный Ю. И., Тарапанова Е. А. Информационно психологическая безопасность, лженаука и критическое мышление // Социально-политические науки. Вып. № 5. 2018. С. 89–93.*

³⁶⁷ Согласно результатам опроса менее половины респондентов (49 %) считают применение в ходе расследования нетрадиционных (то есть не имеющих научного обоснования) методов недопустимым; остальные считают данные методы либо безусловно допустимыми (10 %), либо допустимыми для сбора сведений не доказательственного, а ориентирующего характера (41 %). При этом 15 % респондентов указали, что лично применяли отдельные нетрадиционные методы, а 46 % утверждают, что слышали о применении таких методов от коллег. См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопросы 27–29).

следователь ошибочно убежден в обратном³⁶⁸. В последнем случае возникает риск провокации следователем лжи. Чтобы этого избежать, необходимо использовать только такое воздействие, которое будет иметь эффект (к примеру, изменение показаний, признание вины и прочее), только когда человек, на которого оно оказывается, действительно противодействует расследованию. Воздействие, способное привести к негативным последствиям в случае ошибочности версии следователя о противодействии со стороны участника расследования, недопустимо³⁶⁹.

В отличие от законности, этичности и научной обоснованности требование избирательности иногда называют дополнительным критерием допустимости, поскольку оно применимо лишь к некоторым криминалистическим методам³⁷⁰. Однако для выявления лжи это требование первостепенно, так как данная деятельность находится в тесной связке с психологическим воздействием на участников расследования.

Изложенным не исчерпываются вопросы допустимости криминалистических методов выявления лжи. В число критериев иногда включают и другие: познавательную ценность³⁷¹, простоту, доступность³⁷². Однако подобные требования не относятся к определению приемлемости того или иного приема, а направлены скорее на повышение качества криминалистического познания, в связи с чем их рассмотрение выходит за рамки настоящего раздела.

³⁶⁸ Баев О. Я., Комаров И. М. Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики. С. 46–47.

³⁶⁹ По образному выражению А. Р. Ратинова, психологические методы должны быть подобны лекарству, которое, действуя на больной орган, не причиняет никакого вреда здоровым частям организма. См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 202.

³⁷⁰ Москвин Е. О. Тактический прием. М., 2006. С. 40–41.

³⁷¹ Представляется, что познавательная ценность криминалистических методов выявления лжи следует из их научной обоснованности и должна достигаться такими их качествами, как рациональность, эффективность, оптимальность и целесообразность действий следователя.

³⁷² Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей : научно-практическое пособие. М., 2014. С. 242–243.

§ 3. Виды криминалистических методов выявления лжи

Криминалистическая диагностика лжи не может быть сведена к какому-то одному направлению деятельности. Описание объема этого понятия требует выделения видов методов выявления лжи по различным основаниям. Традиционно система криминалистических методов представляется в виде иерархической структуры, состоящей, как правило, из трех уровней, на каждом из которых располагаются методы разной степени общности (от универсальных до узкоспециализированных)³⁷³. При этом с точки зрения практического выявления лжи любое возможное деление методов будет условным, так как ни один из них не существует в чистом виде и не применяется изолированно от остальных³⁷⁴.

I уровень составляет материалистическая диалектика, которая определяет наиболее общие, мировоззренческие принципы и подходы к криминалистическому исследованию. К ней примыкают методы формальной логики: индукция, дедукция, традукция, аналогия, синтез и анализ. Эти методы имеют универсальное значение для познавательной деятельности, а также являются основой для методов более низкого уровня. **II уровень** содержит общенаучные теории, несущие в себе большой методологический потенциал, в частности теорию информации, общую теорию систем, системно-структурный, функциональный, деятельностный подходы³⁷⁵, а также общенаучные методы. К ним могут быть отнесены наблюдение, измерение, описание, сравнение, классификация, эксперимент, моделирование, математические методы. Подробно

³⁷³ Основы данной классификации методов криминалистики заложены в трудах Р. С. Белкина. См., например: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. С. 330–344.

Вместе с тем данная классификация не является бесспорной, поскольку в ней отчасти смешиваются такие самостоятельные классификационные основания, как уровень общности метода (методы I и II уровней) и источник его происхождения (III уровень). См.: *Лаврухин С. В., Комягина Ю. С.* Основы криминалистической методологии : учебное пособие. М., 2018. С. 4–5.

³⁷⁴ Нельзя не согласиться с М. Е. Игнатьевым и И. М. Комаровым, которые отмечают аксиоматичный характер того, что никакой процесс исследования, основанный на мыслительной деятельности, не протекает исключительно за счет реализации одного метода, и всегда имеет место комбинация методов. См.: *Игнатьев М. Е., Комаров И. М.* Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений. С. 161.

³⁷⁵ *Крестовников О. А.* Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики / под общ. ред. В. Я. Колдина. М., 2013. С. 48.

рассматривать каждый не представляется необходимым — это задача для отдельного направления исследований.

Вместе с тем важно остановиться на базовых для выявления лжи методах наблюдения и эксперимента. Под наблюдением понимается изучение явлений посредством личного восприятия исследователем их разнообразных внешних проявлений³⁷⁶. Выделяется два вида наблюдения: объективное наблюдение (за предметами, внешними для наблюдателя) и субъективное наблюдение (самонаблюдение, интроспекция)³⁷⁷. Для выявления лжи первоначально объективное наблюдение в отношении сопровождающих передачу информации поведения (вербального и невербального) и физиологических реакций в организме человека. Познавательная ценность наблюдения обеспечивается такими его качествами, как преднамеренность, планомерность, целенаправленность, активность и систематичность³⁷⁸.

Преднамеренность наблюдения означает, что у субъекта должны быть ясно сформулированные задачи³⁷⁹. В случае с криминалистической диагностикой лжи основной задачей является как можно более полное обнаружение значимых диагностических признаков лжи и искренности. Преднамеренность связана с планомерностью, которая состоит в проведении наблюдений по заранее намеченному алгоритму, адекватно отражающему задачи субъекта.

При этом наблюдатель не просто воспринимает попадающие в его поле зрения объекты, но использует запас собственных знаний и опыта (активность наблюдения). Результативность наблюдения связана с теоретической и практической подготовкой верификатора: глядя на одни и те же мимические процессы, один исследователь вообще не заметит или не придаст значения определенному изменению, другой поймет, что собеседник испытывает какие-то

³⁷⁶ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 28–30, 100–109.

³⁷⁷ Там же. С. 28–30.

Метод интроспекции имеет большое значение для научной деятельности по исследованию выявления лжи, а также для подготовки (обучения) практических работников, так как позволяет на собственном примере лучше понять закономерности механизма совершения лжи.

³⁷⁸ Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. С. 9.

³⁷⁹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 101–103.

переживания, которые пытается скрыть, а наиболее подготовленный даже сумеет распознать конкретную эмоцию.

Систематичность означает, что наблюдение — это не случайное восприятие объекта³⁸⁰. Оно должно вестись непрерывно и по некоей системе, позволяющей воспринимать объект неоднократно и в различных условиях. Наблюдение необходимо вести объективно, фиксируя фактический материал, независимо от его первоначального субъективного истолкования верификатором. Нельзя не отметить и тесную связь наблюдения и аналитических методов криминалистической диагностики лжи: именно мысль придает особую остроту органам чувств верификатора³⁸¹. С другой стороны, наличие предубеждений, установок, чрезмерное увлечение лишь одной диагностической версией может привести к искаженному восприятию диагностируемого объекта.

Целенаправленность наблюдения означает контроль своего внимания верификатором, придание ему произвольного характера³⁸², когда из всех объектов, потенциально доступных для восприятия, выделяются те, которые имеют наибольшее значение, а несущественные отпадают. Нужно учитывать, что произвольное внимание, раз установленное, далее функционирует как непроизвольное (закон Титчинера)³⁸³, что значимо с точки зрения обучения диагностическому наблюдению.

Криминалистическая диагностика лжи не ограничивается наблюдением, а является процессом, в котором верификатор принимает участие наравне с диагностируемым лицом. Не менее важным методом диагностики является эксперимент, то есть исследование объекта в управляемых условиях³⁸⁴, активное воздействие на него для выявления соответствующих свойств³⁸⁵, вмешательство в

³⁸⁰ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. С. 51.

³⁸¹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 100–101.

³⁸² Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. С. 9.

³⁸³ Подробнее об этом см.: Гальперин П. Я., Кобыльницкая С. Л. Экспериментальное формирование внимания. М., 1974.

³⁸⁴ Брызгалова Е. В. Концепции современного естествознания. М., 2013. С. 18–19.

³⁸⁵ Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. С. 21.

течение неких процессов³⁸⁶. Диагностическим экспериментом можно назвать любое воздействие верификатора на адресанта с целью выявления диагностических признаков. Как и любой другой общенаучный метод познания, эксперимент находит воплощение в методах более низкого уровня, являясь основой для них, в том числе методов психодиагностики³⁸⁷.

III уровень методов криминалистики объединяет специальные методы, куда входят собственно криминалистические методы и методы иных наук, используемые в криминалистике. К последним можно отнести психофизиологические, психологические, социологические, статистические, биологические, физические и иные методы. В некоторых случаях данные методы используются без их преобразования, а в некоторых творчески приспособляются к задачам криминалистического познания. Особое значение для диагностики лжи имеют методы наук психологического цикла, в основе которых лежит феномен психологического воздействия.

Общей целью воздействия следователя на участников уголовного судопроизводства является получение от них правдивых и наиболее полных сведений об обстоятельствах расследуемого события в соответствии с тем, как эти обстоятельства были ими восприняты и сохранены в памяти. Специальной диагностической задачей является выявление изменений поведения, значимых для построения диагностического вывода³⁸⁸.

Как показано выше, в условиях уголовного судопроизводства ограничено допустимо лишь психологическое (но не физическое, психофармакологическое и прочее) воздействие. Оно является частным случаем психологического влияния — передачи информации от одного лица к другому и ее отражения в психике последнего, изменяющего ход психических процессов личности. Помимо

³⁸⁶ В уголовном судопроизводстве эксперимент может существовать в двух формах: 1) в качестве отдельного следственного и (или) судебного действия, которое четко регламентировано законом; 2) в качестве отдельного элемента (элементов) познавательной деятельности, которая осуществляется в ходе следственного действия или в иной форме. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 408–409.

³⁸⁷ Психологическая диагностика : учебное пособие / под ред. М. К. Акимовой. М., 2005. С. 20–23.

³⁸⁸ См.: Хайдуков Н. П. Понятие воздействия, его правомерность и допустимость в деятельности следователя // Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. Саратов, 1973. С. 136.

воздействия как целенаправленного акта передачи информации, психологическое влияние также включает в себя произвольную передачу информации: даже простое присутствие уже есть влияние³⁸⁹. Причем оно имеет обоюдный характер — каждый из участников коммуникации одновременно выступает его объектом и субъектом.

Особенности психологического воздействия следователя на участников расследования предопределены своеобразными условиями, в которых происходит коммуникация³⁹⁰, в связи с чем, чтобы оставаться эффективным, оно должно осуществляться на основе ряда принципов.

Первым из них является *индивидуальный подход*, который заключается в учете личностных особенностей (темперамент, характер, уровень интеллекта³⁹¹), конкретных психических состояний (эмоции, уровень сконцентрированности, фрустрация³⁹²) диагностируемого лица и криминалистической ситуации в целом³⁹³. Диагностическое значение также могут иметь сведения о привычках, об увлечениях, о круге общения, профессиональной занятости и семейном

³⁸⁹ И даже более того. «Процедура допроса протекает не в вакууме, не в пустом глухом пространстве — допрашиваемого окружают стены кабинета следователя, звуки и запахи, тепло или холод в помещении, предметы мебели, чьи-то голоса за дверью, книги на полке и многое другое, на что он обращает внимание, что он воспринимает, осмысливает, на что реагирует. Поза следователя, его манера говорить, документы, состояние освещенности помещения, включенный телевизор, трели телефонного аппарата, вид, состояние, положение и взаиморасположение предметов, их цвет, габариты, ветер, шевелящий занавески на раскрытом окне, а не только то, что говорит следователь, воздействует на чувства и разум допрашиваемого. Они влияют на его настроение, создают эмоциональный фон, который влияет на образование, балансирование, разрушение психологического контакта между партнерами по речевой коммуникации, формируют отношение к тому, что сообщает следователь, определяют решения, линию и тактику поведения. Особый интерес для него представляют субъективно, лично значимые элементы окружающей микросреды, то, что имеет какое-либо отношение к нему, с чем он, так или иначе, связан в системе исследуемых по уголовному делу отношений». См.: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов. С. 103.

³⁹⁰ К таковым условиям относятся: особый процессуальный режим, обязательный (или даже принудительный) характер для другого участника, часто конфликтный или проблемный характер ситуации коммуникации, значительная психологическая нагрузка на участников. Подробнее см.: *Лушечкина М. А.* Современные проблемы применения тактических приемов, требующих профессиональной коммуникативной компетенции следователя // Актуальные проблемы криминалистической тактики : сборник материалов круглого стола (Москва, 24 мая 2019 г.). М., 2019. С. 80–85.

³⁹¹ *Лушечкина М. А.* Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Московского университета. 1982. № 3. С. 75.

³⁹² Там же. С. 76.

³⁹³ *Образцов В. А., Богомолова С. Н.* Криминалистическая психология. С. 235.

положении³⁹⁴. Неприемлемо использование шаблонных, оторванных от реальности приемов и методов³⁹⁵. Верификатор должен глубоко изучить человека, с которым имеет дело, и строить взаимодействие с учетом его особенностей³⁹⁶.

Изучение личности происходит как в ходе подготовки к взаимодействию с нею, так и непосредственно в процессе общения; источниками информации могут выступить наблюдение, беседа, анализ результатов деятельности, биографический метод, обобщение независимых характеристик, проведение оперативных мероприятий³⁹⁷. Примером использования личностных особенностей диагностируемого лица является рекомендация при выборе ритма при допросе учитывать тип темперамента допрашиваемого: допрос подвижных типов (холерик и сангвиник) может быть эффективен при гораздо более его высоком ритме, чем типов инертных (флегматик, меланхолик)³⁹⁸.

Принцип индивидуальности предполагает также необходимость учета верификатором собственных личностных свойств (опыта и навыков, психологических черт) при выборе тактических приемов и линии поведения³⁹⁹. Выстроенная без корректировки «на самого себя» тактика общения, даже весьма рациональная «на бумаге», вряд ли сможет привести к искомому результату и в полной мере реализовать заложенные в нее познавательные возможности⁴⁰⁰. Это

³⁹⁴ См., например: *Грибунов О. П., Долматова М. О.* Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2020. № 1. С. 56–65.

³⁹⁵ Несмотря на то что с опытом работы у следователей вырабатывается толерантность, привыкание к типовым ситуациям общения, каждая такая ситуация имеет индивидуальные черты, а значит, действия следователя никогда не должны быть стереотипными. См.: *Лушечкина М. А.* Современные проблемы применения тактических приемов, требующих профессиональной коммуникативной компетенции следователя. С. 80–85.

³⁹⁶ См., например: *Коновалова В. Е.* Психология в расследовании преступлений. Харьков, 1978. С. 70–71.

³⁹⁷ См. подробнее: *Лушечкина М. А.* Криминалистическое изучение личности в тактике расследования. С. 91–128 ; *Порубов Н. И.* Тактика допроса на предварительном следствии. Минск, 2002. С. 57–59.

³⁹⁸ Подробнее об этом см.: *Васильев В. Л.* Юридическая психология. С. 454.

³⁹⁹ О необходимости изучения личности следователя см., например: *Альмов Д. В., Еськова Н. В.* Криминалистическое изучение личности как элемент системы частных научных теорий // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право».* 2019. № 2 (31) С. 81–91.

⁴⁰⁰ В этом контексте представляется весьма уместным высказывание Сунь-цзы: «Поэтому и говорится: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение». См.: *Сунь-цзы.* Искусство войны. М., 2018. С. 18.

значимо еще и потому, что одной из задач верификатора является обеспечение собственной эмоциональной стабильности в процессе коммуникации⁴⁰¹.

Следующим принципом является установление и поддержание *психологического контакта* с другими участниками общения⁴⁰². Под психологическим контактом следует понимать психологическую атмосферу взаимодействия, которая побуждала бы человека к сообщению информации⁴⁰³, а также такой уровень взаимоотношений, когда участники общения готовы (могут и желают) воспринимать исходящую друг от друга информацию⁴⁰⁴. Психологический контакт — необходимое условие для обмена информацией в процессе межличностного общения. В отличие от обыденного взаимодействия, в ходе расследования обмен информацией имеет в некоторой степени односторонний характер: верификатор стремится получить как можно больше сведений, не будучи заинтересованным в сообщении того, что известно ему самому. Установление и поддержание психологического контакта достигается путем возбуждения у диагностируемого лица интереса к общению и устранения факторов, препятствующих коммуникации⁴⁰⁵.

Третий принцип состоит в необходимости применять рефлексивное взаимодействие и *рефлексивное управление*⁴⁰⁶. Рефлексивное взаимодействие — мысленное воспроизведение одним человеком рассуждений для определения целей, преследуемых другим и прогнозирования его поведения⁴⁰⁷. Такое мышление естественно для конфликтных ситуаций: лжец исходит из учета возможных способов и приемов, применяемых верификатором, а последний

⁴⁰¹ См.: Гринунов О. П. Тактические приемы, используемые для избличения ложных показаний свидетеля. С. 3–7.

⁴⁰² В уголовном процессе установление психологического контакта требуется не только с диагностируемым лицом, но и с его адвокатом. См.: Центров Е. Е. Тактические особенности допроса при участии защитника // Законность. 2004. № 6. С. 24–28; Зайцева И. А. Процессуальные и тактические особенности допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника. М., 2006. С. 68–95.

⁴⁰³ Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 6.

⁴⁰⁴ Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. С. 489.

⁴⁰⁵ Там же. С. 6–8.

⁴⁰⁶ Здесь снова можно обратиться к Сунь-цзы: «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой». См.: Сунь-цзы. Искусство войны. С. 23.

⁴⁰⁷ См.: Богинский В. Е. Рефлексивное управление при допросе. Харьков, 1983. С. 22–23; Частный детектив: правовое положение и методы работы / отв. ред. В. Е. Гушев. Н. Новгород, 1993. С. 137–138.

исходит из возможных форм сокрытия информации о преступлении, стараясь добраться до истины⁴⁰⁸.

Мысль верификатора должна не только отражать и направлять его собственные действия, но и постоянно соотноситься с интеллектуальной деятельностью его оппонента⁴⁰⁹, стремиться как можно точнее симитировать, предвосхитить его рассуждения и наиболее вероятные решения⁴¹⁰. Задачей верификатора является достижение превосходства в ранге рефлексии, которое позволяет регулировать собственное поведение в целях инициирования посредством передачи сопернику определенных информационных оснований для принятия последним необходимых решений⁴¹¹. Рефлексивное управление опирается на анализ потребностей соперника, к которым относятся физиологические потребности, потребности в безопасности, уважении, признании и другие⁴¹².

Наконец, последним принципом является рациональное *использование имеющейся информации*. Передаваемая информация может быть побудительной (такова информация, содержащаяся в проблематической части вопроса) либо констатирующей, то есть содержащей сведения о фактах (такова информация, содержащаяся в ассерторической части вопроса)⁴¹³. Использование верификатором информации, связанной с расследуемым событием и иными ситуационно значимыми обстоятельствами, которая является психологическим реагентом для адресанта, может привести к получению дополнительной диагностической информации — проявлению последним реакций,

⁴⁰⁸ Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. М., 1970. С. 188.

⁴⁰⁹ Там же. С. 188–189.

⁴¹⁰ Центров Е. Е. Научные основы тактики следственных действий // Криминалистика: учебник для магистратуры. С. 197.

⁴¹¹ К примеру, рассуждения преступника: «Следователь знает, что путь В более удобен для меня и потому будет преследовать меня по этому пути, следовательно, чтобы сбежать, мне необходимо выбрать менее удобный путь А» — являются более высоким рангом рефлексии по отношению к размышлениям следователя типа: «Преступник знает, что путь В для него лучше чем А, и поэтому выбирает В, значит, я должен преследовать его по этому пути». См.: Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. С. 190.

⁴¹² Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). Минск, 2001. С. 10.

⁴¹³ Центров Е. Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе. С. 448.

соответствующих либо противоречащих ранее сказанному⁴¹⁴. Роль психологического реагента может выполнять вопрос или замечание, элементы окружающей обстановки (музыка, запах, цвет), другие люди, предметы, документы, изображения, а также отдельные места.

Следователь, обладающий некой информацией, относящейся к расследуемому событию, должен исходить из разнообразных возможностей ее использования: он может предъявить доказательства, сообщить определенные сведения, упомянуть о них⁴¹⁵ либо, наконец, лишь намекнуть об их существовании. Использовать информацию необходимо так, чтобы избежать подсказки и наведения на определенный ответ. Выбор способа и времени использования информации должен осуществляться с учетом объема имеющихся доказательств, личности диагностируемого лица, сложившейся ситуации и прочего. Существует несколько основных способов предъявления доказательств: предъявление доказательств в их совокупности, предъявление доказательств с нарастающей силой и первоочередное предъявление «решающего» доказательства⁴¹⁶.

Значение имеют и пределы использования информации: ее целесообразно представлять с расчетом на то, чтобы не утратить возможности последующей проверки сообщенных данных (в том числе виновной осведомленности). К примеру, при проведении очной ставки следователь может ограничить одного из допрашиваемых в объеме показаний с тем, чтобы второй при изменении своей позиции и согласия с показаниями первого мог бы проявить знание уже известных следствию специфических деталей произошедшего. Если же допрашиваемый лишь подтверждает сообщенные ему сведения, то такие показания не имеют большой познавательной ценности⁴¹⁷.

⁴¹⁴ Подробнее о понятии и тактическом использовании психологического реагента см.: *Бертовский Л. В.* Допрос: тактика и технологии. С. 69–77.

⁴¹⁵ *Соловьев А. Б., Центров Е. Е.* Допрос на предварительном следствии. С. 23.

⁴¹⁶ См., например: *Криминалистика: учебник: в 2 т. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина.* М., 2014. Т. 2. С. 146; *Грибунов О. П.* Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля. С. 3–7.

⁴¹⁷ *Центров Е. Е.* Признание обвиняемым своей вины при отграничении его от вопросов и действий наводящего характера. С. 42–44.

Описанные принципы должны лежать в основе применения конкретных способов психологического воздействия, к которым относятся убеждение, введение в заблуждение и эмоциональное воздействие.

Убеждение состоит в открытой передаче человеку информации с целью склонить его к тому или иному поведению путем воздействия на интеллектуальную и волевою сферы психики⁴¹⁸. Аргументами следователя могут выступать описание выгод и преимуществ содействия расследованию, указание на негативные последствия противодействия ему. Убеждение может сопровождаться разъяснением законодательства, предъявлением улик и так далее. Частными случаями убеждения являются методы изобличения и примера. Изобличение представляет собой активное воздействие на психику диагностируемого лица путем демонстрации несостоятельности его утверждений, указания на противоречия его показаний и установленных обстоятельств дела⁴¹⁹. Метод примера применяется или в форме личного примера следователя или путем сообщения о положительных поступках других лиц⁴²⁰ и основан на психологическом механизме подражания.

Введение в заблуждение (манипулирование, ложь, следственные хитрости) является скрытым управляющим воздействием⁴²¹, допустимость которого, как уже отмечалось, имеет дискуссионный характер. Несмотря на возможную в отдельных случаях эффективность данного метода, необходимо учитывать его сопряженность с рисками чисто познавательного плана, что делает его применение нежелательным при возможности решения задач криминалистического познания иными методами.

Эмоциональное воздействие («заражение») заключается в формировании у допрашиваемого определенного эмоционального состояния (тревога,

⁴¹⁸ Москвин Е. О. Тактико-психологические приемы следователя (основы формирования и воздействия). С. 110.

⁴¹⁹ Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998. С. 49.

⁴²⁰ Там же. С. 52.

⁴²¹ Подробнее о понятии скрытого управления см.: Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). С. 7 ; Он же. Ложь и приемы защиты от нее. СПб., 2017. С. 12.

раздражение, радость) при помощи апелляции к его бессознательной сфере⁴²². Такой эффект может достигаться путем воздействия на обстановку взаимодействия: изменением запахового, звукового и светового⁴²³ фона, выбором места и времени допроса⁴²⁴. При этом воздействие может осуществляться не только в активной, но и в пассивной форме, когда следователь намеренно не переходит к главному вопросу, создавая у допрашиваемого повышенное эмоциональное напряжение.

Специфическим методом воздействия на эмоциональную сферу является метод ассоциативных реакций. Он основан на том, что факты и явления, будучи связаны ассоциациями, служат взаимными сигналами друг для друга и вызывают в сознании человека представления о соответствующих фактах из той же совокупности. При этом обычные ассоциации, которые основаны на явлениях реальной жизни (например, «молоток — гвоздь»), отличаются от ассоциаций индивидуальных, возникающих у людей, переживших определенное событие, в том числе криминальное (например, «молоток — кровь»). Психологическое воздействие здесь состоит в том, что диагностируемому лицу предъявляются стимулы, среди которых имеются критические, связанные с расследуемым событием, и по его реакциям на них делается вывод о наличии или об отсутствии признаков скрываемой информированности⁴²⁵. Этот метод лежит в основе тестирования на полиграфе⁴²⁶, а также «бесконтактного ситуационно-информационного анализа данных»⁴²⁷ и некоторых иных методов.

⁴²² Горбунова М. Ю. Социальная психология. М., 2006. С. 55.

⁴²³ К примеру, лжецу с учетом его особенностей может быть труднее управлять процессом невербальной коммуникации, когда он находится в ярких лучах света. См., например: Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний. С. 138.

⁴²⁴ Потенциал этого способа психологического воздействия нужно учитывать при оборудовании кабинета следователя. См., например: Центров Е. Е. Организация рабочего места следователя // Организация работы следователей. М., 1970. Вып. 3. С. 34–35.

⁴²⁵ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 253–255.

⁴²⁶ См., например: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов. С. 123–124.

⁴²⁷ Под бесконтактным ситуационно-информационным анализом данных понимается стандартизированная исследовательская процедура наблюдения (мониторинга) за определенным лицом по параметрам, отражающим его спонтанное реагирование на предъявляемые стимулы, подобранные и систематизированные в соответствии со специальной методической основой. См.: Семенов В. В., Иванов Д. Л., Иванов Л. Н. Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности. С. 87.

Следует также упомянуть о профайлинге, который получает всё большее распространение в криминалистической литературе⁴²⁸. Профайлинг — направление прикладной психологии, разрабатывающее методы оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа частных признаков, характеристик внешности, вербального и невербального поведения⁴²⁹. В рамках профайлинга сложилось несколько направлений: контактный профайлинг (контактная психодиагностика), который заключается в составлении психологического портрета личности при непосредственном взаимодействии с ней; следовой профайлинг (следовая психодиагностика), в рамках которого психологический портрет личности составляется по результатам ее жизнедеятельности; а также дистанционный профайлинг (дистанционная психодиагностика), направленный на опосредованное изучение личности⁴³⁰. Отдельные используемые в профайлинге методы визуальной психодиагностики могут быть применены для получения ориентирующей информации в практике расследования преступлений, в том числе для оперативной оценки правдивости сообщенной информации, что, однако, требует прохождения практическими работниками специального обучения⁴³¹. Не исключено и участие специалистов-профайлеров в следственных действиях для получения ориентирующей информации.

Собственно криминалистические методы, то есть методы, разработанные криминалистикой, могут быть подразделены на технико-криминалистические,

⁴²⁸ См., например: *Фойгель Е. И., Козулева А. А.* Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 223–233 ; *Карпенко О. А.* Криминалистический профайлинг: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 4. С. 176–183 ; *Абрамовский А. А.* Профайлинг: понятие и основные направления его развития в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 48–56.

⁴²⁹ *Цветков В. Л., Караяни А. Г., Хрусталева Т. А., Красношастова Н. Н., Статный В. М., Эриаивили Н. Д.* Профайлинг в деятельности органов внутренних дел. С. 6.

⁴³⁰ См.: *Енгальчев В. Ф.* Дистанционная психодиагностика личности: история, методы, предмет // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике : материалы международной научно-практической конференции. М., 2001. С. 99–101.

⁴³¹ См., например: *Грибунов О. П.* Организация обучения сотрудников органов внутренних дел методике профайлинга // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы девятнадцатой всероссийской научно-методической конференции. Иркутск, 2014. С. 41–43.

тактико-криминалистические и организационно-криминалистические⁴³². Методы двух последних видов иногда выделяются в единую группу структурно-криминалистических методов, под которыми понимаются методы построения структурных систем, как то: система версий и планирования расследования преступлений, система тактических приемов, составляющих тактику отдельных следственных действий, рекомендаций, образующих отдельные методики расследования преступлений, и тому подобное⁴³³.

Первостепенное значение для выявления лжи имеют методы криминалистической тактики. Базовыми категориями здесь являются: тактический прием, тактическая операция (комбинация), а также линия поведения, на характеристике которых следует остановиться подробнее.

Тактический прием — это наиболее рациональный, целесообразный способ действий, обеспечивающий оптимальные возможности достижения необходимого результата, например выявления лжи. Традиционно тактические приемы разрабатываются применительно к отдельным следственным действиям, порядок производства которых, установленный в нормах уголовно-процессуального права, различается. В случае с диагностикой лжи возможно вести рассуждение о тактических приемах, общих для всех видов «вербальных следственных действий», в которых происходит получение следователем речевой информации: для допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания. Значение имеют следующие группы тактических приемов⁴³⁴:

1. Информационные приемы. К этой группе приемов относится «*допущение легенды*»⁴³⁵. При появлении в показаниях признаков, указывающих на ложь, иногда нецелесообразно сразу же обращать на них внимание допрашиваемого, это

⁴³² Криминалистика. Полный курс : в 2 ч. : учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. М., 2020. Ч. 1. С. 27–28.

⁴³³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. С. 362–363.

⁴³⁴ Следует подчеркнуть весьма условный характер группировки тактических приемов, которая используется исключительно для удобства изложения. По справедливому замечанию О. П. Грибунова, «один и тот же прием может оказать воздействие как в силу эмоционального воздействия, так и выступить средством логического убеждения». См.: Грибунов О. П. Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля. С. 3–7.

⁴³⁵ Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 242–243.

может его насторожить и привести в дальнейшем к более внимательному изложению показаний⁴³⁶. Тактической противоположностью этого приема является «*пресечение лжи*», применяемое при наличии явных внешних противоречий, когда давать возможность допрашиваемому «развертывать» ложь нет необходимости в связи с тем, что следствие располагает достаточными доказательствами⁴³⁷. «*Детализация показаний*» состоит в максимально возможном уточнении и конкретизации показаний. Тактический прием «*повторность*», то есть постановка следователем вопросов для повторного воспроизведения допрашиваемым части или всех фактов⁴³⁸, также может привести к получению новых диагностических признаков лжи.

2. Адаптивные (приспосабливающие) приемы. Таким приемом является «*беседа*», сущность которой состоит в проведении разъяснительной работы с допрашиваемым, убеждении его дать правдивые показания. «*Замедленный темп*» заключается в непринятии следователем навязываемого ему допрашиваемым высокого темпа допроса, который мог бы позволить допрашиваемому «проскочить» определенные моменты. Напротив, «*форсированный темп*» применяется с целью не дать допрашиваемому обдумать ложь.

3. Приемы, направленные на эмоциональное воздействие. Данные приемы, как правило, основаны на знании слабых мест допрашиваемого (повышенной вспыльчивости, тщеславия, жадности). «*Внезапность*» предполагает неожиданную для лжеца постановку вопроса или предъявление доказательства, о котором он не знал, что разрушает вымышленную им фактическую картину. Помимо внезапного выделяется также «*опережающий*» вопрос, касающийся второстепенных обстоятельств и заданный таким образом, как будто следователю уже все известно и требуются лишь незначительные уточнения неких деталей. Следующий прием — «*разжигание конфликта*», то есть сообщение допрашиваемому в явной или неявной форме мнения других лиц о нем либо

⁴³⁶ Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 67.

⁴³⁷ Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. С. 52.

⁴³⁸ Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. Т. 2. С. 134.

показаний его соучастников, не соответствующих его ожиданиям⁴³⁹. Примером этого приема является ситуация, когда следователь умышленно затягивал время допроса одного из подозреваемых в расчете на мнительность второго, который только на основании продолжительности допроса своего подельника решил, что он им предан, и изменил свою линию поведения⁴⁴⁰. «Создание напряжения» обеспечивается путем напоминания о нравственной оценке совершенного преступления, последовательного предъявления доказательств и иными способами. Иногда тактические приемы данной группы целесообразно проводить в комбинации с приемом «выжидание», когда в допросе или между допросами делается перерыв, чтобы в психическом состоянии допрашиваемого произошли перемены. Весьма эффективны могут быть и приемы, связанные с воздействием на положительные качества допрашиваемого (к примеру, благородство, идейность, честь)⁴⁴¹.

4. Приемы, направленные на создание определенного представления. Образцом таких приемов является «демонстрация возможностей расследования», которая заключается в презентации независимых от показаний допрашиваемого способностей следователя получить истинную информацию по делу (проведение в дальнейшем следственных действий, назначение новых видов экспертиз)⁴⁴². Такую же цель преследует «косвенный допрос», когда следователь с целью выяснения важных обстоятельств задает второстепенные вопросы⁴⁴³, а главные вопросы задаются без всяких акцентов, в будничном, даже небрежном тоне, чтобы не подчеркивать их особого значения. При этом используются различные отвлекающие приемы, при помощи которых внимание допрашиваемого переключается с обстоятельств, подлежащих выяснению;

⁴³⁹ Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 224.

⁴⁴⁰ Описание данной ситуации в разных изложениях см.: Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 11–12 ; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. С. 202.

⁴⁴¹ См.: Грибунов О. П. Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля. С. 3–7.

⁴⁴² Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. С. 220.

⁴⁴³ Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. С. 66.

нарочито выделяются несущественные моменты, создается видимость того, что в них и заключен весь смысл допроса. В случае успеха следователь может косвенно или даже напрямую (например, в случае проговорки) получить необходимую информацию.

Существуют и иные приемы диагностики лжи. Весьма эффективен может быть такой специфический прием, как *«смена допрашивающего»*. Поскольку переходу к даче правдивых показаний зачастую препятствуют уязвленное самолюбие или чувство стыда перед следователем, которому допрашиваемый неоднократно говорил «нет», а затем вынужден сказать «да», необходимо сгладить их настолько, насколько это возможно, иногда даже заменив допрашивающего⁴⁴⁴.

Наибольшую познавательную ценность тактические приемы приобретают, когда применяются не изолированно, а в качестве элемента комплексной деятельности следователя, направленной на выявление лжи. Сочетание тактических приемов в рамках следственного действия, направленных на решение одной задачи, именуется тактико-криминалистической комбинацией. Использование же для решения некой задачи криминалистического познания широкого спектра процессуальных и непроцессуальных (в том числе оперативно-розыскных, организационно-технических) средств именуется криминалистической операцией⁴⁴⁵.

Важное место в диагностике лжи занимает тактическая операция *«комбинация (серия) очных ставок»*. Речь идет о сериях очных ставок, целенаправленно производимых между лицом, чьи показания диагностируются, и другим лицом, уличающим его во лжи (это делается неоднократно, в разное время и по поводу различных частей показаний), либо с несколькими лицами, когда

⁴⁴⁴ Пискарев Б. А. Правильно избранная тактика допроса подозреваемого определила успешность его результатов // Следственная практика (СССР). 1970. Вып. 86. С. 26–41.

⁴⁴⁵ О соотношении и значении данных понятий см.: Комаров И. М. Криминалистические операции досудебного производства. М., 2013. С. 185–207; Комаров И. М., Лакомская М. Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций : монография. М., 2021.

очные ставки проводятся по поводу какого-либо одного обстоятельства, эпизода либо по поводу различных элементов одного эпизода и по различным эпизодам.

Наконец, заключительное понятие криминалистической тактики, о котором пойдет речь — линия поведения. Она определяется как эмоционально-коммуникативная сторона следственной и иной деятельности, ее эмоционально-психическая направленность состоит в выстраивании наиболее эффективных взаимоотношений с участниками уголовного судопроизводства⁴⁴⁶. Линия поведения может иметь пассивный (следователь ожидает действий участника уголовного судопроизводства) или активный (следователь действует сам, не дожидаясь действий иных лиц) характер. Следователь может выступать с позиций должностного лица, напрямую высказывающего подозрение, изобличающего, уличающего участника процесса во лжи (тактика изобличения). Иная линия — позиционирование следователя как непредвзятого исследователя, заинтересованного объективно установить все обстоятельства дела.

Такова в общем виде иерархия криминалистических методов выявления лжи. Для более полной характеристики объема рассматриваемого явления нужно обратиться еще к некоторым вариантам его деления.

По процессуально-правовой форме. В зависимости от процессуальной формы можно выделить непроцессуальные (оперативно-розыскные) и процессуальные (следственные и судебные) методы выявления лжи.

Непроцессуальные методы диагностики лжи применяются субъектами оперативно-розыскной деятельности в рамках доследственной проверки или расследования по уголовному делу.

Процессуальные методы диагностики лжи применяются в ходе предварительного расследования при производстве следственных действий. Иногда для получения ориентирующей информации для участия в следственных действиях рекомендуется приглашать специалиста в области психофизиологии,

⁴⁴⁶ *Центров Е. Е.* Тактическая линия поведения // Материалы всероссийской научно-практической конференции (18 сентября 2015 г.). Краснодар, 2016. С. 232–239.

что может способствовать преодолению информационной неопределенности и получению в условиях дефицита времени тактического преимущества⁴⁴⁷.

Кроме того, субъекты криминалистического познания имеют возможность для выявления лжи участников расследования привлекать сведущих в этой области лиц путем назначения соответствующего исследования (в форме судебной экспертизы либо оперативно-розыскного мероприятия). На сегодняшний день основным видом исследования, которое решает данную задачу, является психофизиологическое исследование с применением полиграфа⁴⁴⁸. Развивающимися направлениями являются «ситуационно-информационная экспертиза»⁴⁴⁹, а также «психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий)». Причем последнюю, как показал опрос следователей, 29 % респондентов назначали один и более раз⁴⁵⁰, что говорит о весьма существенном распространении данного вида исследований.

По степени обязательности. Криминалистическое познание осуществляется в условиях познавательной неопределенности, дефицита времени и тактического риска⁴⁵¹, что часто предопределяет необходимость совершения ее субъектом творческого выбора того, какие методы применять в той или иной ситуации. Вместе с тем многие из разработанных в криминалистической тактике приемов в силу своей рациональности, целесообразности и оптимальности по отношению к типовым ситуациям приобретают не рекомендательный, а обязательный характер (тактические правила, тактические предписания, тактические установления). В качестве примера можно привести следующее правило: на первом допросе обязательно задавать подозреваемому вопрос о

⁴⁴⁷ См.: Криминалистическая тактика : учебник / под общ. ред. А. С. Сорочкина. М., 2013. С. 377.

⁴⁴⁸ Другим названием этого же явления выступает «криминалистическое исследование с применением полиграфа следов памяти человека (КИПП)». См.: *Холодный Ю. И., Подшибякин А. С.* Использование полиграфа для получения криминалистически значимой информации. С. 325–326.

⁴⁴⁹ См.: *Семенов В. В., Иванов Д. Л., Иванов Л. Н.* Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности.

⁴⁵⁰ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 23).

⁴⁵¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 182.

возможном алиби и, если о наличии такового сообщается, детализировать показания с фиксацией в протоколе допроса того, что известно, и того, что не известно лицу в рамках этого алиби. Невыполнение этого правила чревато тем, что подозреваемый получит время на проработку лжи, в том числе с привлечением лжесвидетелей⁴⁵². На этой основе криминалистические методы выявления лжи могут быть подразделены на обязательные и необязательные в конкретных ситуациях расследования.

Органолептические и инструментальные методы. Практическое значение имеет и разделение методов диагностики лжи на органолептические, то есть осуществляемые при помощи только органов чувств, и инструментальные, когда органические возможности восприятия информации усиливаются при помощи определенных приборов.

Данными основаниями не исчерпываются возможности для классификации криминалистических методов выявления лжи. Можно выделять непосредственные и опосредованные, формализованные и неформализованные, однородные и комплексные, эмпирические и рациональные, традиционные и новые методы и так далее, однако даже приведенное описание позволяет более полно рассмотреть это направление криминалистического познания.

§ 4. Особенности криминалистических методов выявления лжи по видимым признакам

Изучение видимых признаков поведения является одним из основных направлений выявления лжи в криминалистической практике. Поскольку при

⁴⁵² Признание того, что некоторые положения криминалистической тактики могут иметь не рекомендательный, а обязательный характер, представляет собой изменение научной парадигмы, поскольку в соответствии с ранее распространенными взглядами обязательными для следователя были только положения, прямо закрепленные в законе. См.: *Центров Е. Е.* Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Известия Тульского университета. Экономические и юридические науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 137–144 ; *Он же.* О парадигме следственной тактики и ее основных понятиях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 1. С. 76–98 ; *Крюкова Е. С.* Закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой, и особенности использования сведений о них в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 139–154.

Пример иного подхода см.: *Поташник Д. П.* Криминалистическая тактика. М., 1998. С. 25–27.

коммуникации происходит процесс движения чрезмерного для осмысления количества информации, требуется выделить наиболее информативные явления⁴⁵³, структурировав изложение материала. Диагностические признаки, доступные для восприятия без специального оборудования, могут содержаться в вербальной информации, а также в невербальных сигналах и в некоторых доступных наблюдению проявлениях физиологических реакций организма. Кроме того, отдельного обсуждения заслуживают возможности опосредованной органолептической диагностики.

Вербальные признаки лжи. Вербальным называется общение, осуществляемое при помощи языковых средств. Проявляемые в нем признаки, значимые для диагностики лжи, включают в себя внешние и внутренние противоречия, а также некоторые особенности содержания передаваемой информации.

Внешнее противоречие — прямое или косвенное несоответствие сообщенных сведений известным фактам: собранным доказательствам, общеизвестной информации, законам физики, возможностям человеческого восприятия и так далее.

Варианты внешних противоречий, встречающихся в следственно-судебной практике многообразны. Противоречие возможностям человеческого восприятия имеет место, если, описывая обстоятельства, произошедшие ночью в отсутствие каких-либо источников освещения, кто-то утверждает, что ясно запомнил цвет одежды преступника (устройство человеческого глаза не позволяет различать цвета в темноте). Можно привести и другие примеры из практики. По делу об убийстве внешнее противоречие имеет место в случае отрицания обвиняемым своего пребывания на месте преступления, установленного свидетельскими показаниями и иными доказательствами⁴⁵⁴; по делу об изнасиловании – в случае утверждения об отсутствии полового акта с потерпевшей, опровергнутого

⁴⁵³ *Корма В. Д.* Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы. С. 119.

⁴⁵⁴ По материалам уголовного дела № 36067-30, возбужденного в прокуратуре Московской области в 1965 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

экспертным путем⁴⁵⁵; по делу о нарушении правил дорожного движения – в случае объяснения водителем причин аварии, совершенной путем наезда на препятствие, попыткой избежать столкновения с другим автомобилем, который выполнял агрессивный маневр, в то время как установлено, что никакие иные транспортные средства не принимали участия в происшествии⁴⁵⁶. В эту же категорию может быть отнесено неверное утверждение обвиняемого о соответствии своего поступка нормативному порядку⁴⁵⁷.

Установив внешнее противоречие, верификатор должен выяснить, может ли оно быть объяснено иными (помимо лжи) причинами: ошибочностью информации, которой противоречит диагностируемое сообщение, или добросовестным заблуждением адресанта. Для этого, с одной стороны, необходимо тщательно проверять источники информации, признаваемой истинной⁴⁵⁸, а с другой — выяснять обстановку восприятия и запоминания событий человеком⁴⁵⁹, его состояние в этот момент (эмоции, утомленность), а также выявлять его потребности, мотивы, интересы, которые могли бы стать причиной лжи.

Если переданная информация неистинна, а адресант добросовестно заблуждаться не может, то следует вывод о том, что диагностируемое сообщение — это ложь⁴⁶⁰. И напротив, если выяснилось, что в формировании сообщения большую роль играли факторы, способствующие произвольным

⁴⁵⁵ По материалам уголовного дела № 04143, возбужденного в прокуратуре Октябрьского района г. Красноярск в 1984 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁵⁶ По материалам уголовного дела № 13059344, возбужденного в Управлении внутренних дел г. Красноярск в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁵⁷ Там же. С. 105.

⁴⁵⁸ *Рашинов А. Р., Гаврилова Н. И.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях. С. 47–48.

⁴⁵⁹ *Суворова Л. А.* Идеальные следы в криминалистике. С. 97.

⁴⁶⁰ Заслуживает при этом внимания и позиция Л. Е. Владимирова о том, что «довод, основанный на невозможности или невероятности, должен считаться сам по себе недостаточным для опровержения свидетельского показания», что обосновывается неполнотой человеческих знаний об объективной действительности. См.: *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. С. 376–377.

ошибкам, и при этом мотивы лжи для данного лица неочевидны, то оснований для указанного вывода нет⁴⁶¹.

Внешние противоречия являются наиболее надежными признаками неискренности⁴⁶², к их поиску по большому счету и сводится криминалистическая диагностика лжи на практике. Согласно результатам опроса большинство следователей основными методами распознавания лжи называют сопоставление сообщения со сведениями из иных источников (35 % респондентов), а также его проверку (31 %) ⁴⁶³.

Проверка достоверности информации в криминалистическом познании может быть представлена как тактическая операция, включающая следующие элементы: изучение информации, подлежащей проверке, с выделением ее компонентов как частей предмета познания; осуществление многофакторного анализа мысленной модели сложившейся поисково-познавательной ситуации с точки зрения ее информационного содержания, условий деятельности, возможностей, которыми располагает лицо, осуществляющее проверку, и других параметров; определение, какая и из каких источников должна быть собрана в ходе проверки информация; определение круга и характера задач, подлежащих решению в ходе проверки, и последовательности их решения в рамках построенных версий; создание кадровых, технических, организационных и иных предпосылок, необходимых для успеха намеченной операции; определение того, какие действия и в какой последовательности целесообразно произвести; распределение функций между участниками операции; определение места и момента ее начала; реализация программы тактической операции; анализ и оценка полученных результатов, построение модели сложившейся ситуации, принятие решения о завершении либо о продолжении операции⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 312.

⁴⁶² Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 241.

⁴⁶³ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 10).

⁴⁶⁴ Кручинина Н. В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе. М., 2003. С. 72–73.

Проведенным анализом следственной и судебной практики подтверждается особая роль в проверке достоверности полученных показаний и выявлении внешних противоречий следственного осмотра. Осмотр связанного с расследуемым событием места (помещения, участка местности) позволяет на практике в конкретных ситуациях оценить соответствие реальности знания допрошенным лицом обстановки, ее деталей и специфических элементов. Отличие осмотра места происшествия от проверки показаний на месте в том, что оно проводится в отсутствие лица, чьи показания проверяются. Между тем тактические возможности следственного осмотра в диагностике лжи еще не получили достаточного освещения в криминалистической литературе и требуют дальнейшей разработки.

По понятным причинам использование внешних противоречий в процессе расследования не всегда возможно. Распространены ситуации, когда следователю вовсе не известны факты или лжецу удается не входить в противоречие с тем, что известно⁴⁶⁵, а также когда невозможно достоверно установить, имеются ли причины для добросовестного заблуждения. Кроме того, задача выявления лжи может иметь срочный характер, тогда как проверка информации иногда требует значительных временных затрат, что предопределяет необходимость использования в криминалистическом познании и иных, пусть и менее точных, диагностических признаков.

К таковым относятся прежде всего *внутренние противоречия*, которые могут быть присущи как говорящему правду, так и лжецу. Характерны для лжи «негативные обстоятельства»: знание о фактах, незнание которых следует из предыдущих утверждений (в частности, виновная осведомленность), либо, напротив, незнание обстоятельств, знание которых обязательно при условии истинности других высказываний.

Особое значение имеют такие сигналы при оценке признания в совершении преступления. Чтобы отличить подлинное признание от ложного самоговора,

⁴⁶⁵ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 130–131.

необходимо, во-первых, принять во внимание, содержатся ли в показаниях признающегося факты, о которых ему не сообщалось следователем и иными лицами. Нужно выяснить, являются ли признательные показания независимыми от предъявленных лицу доказательств и процессуальных документов либо же они производны от них (например, показания признающегося повторяют постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Во-вторых, показательно то, сообщил ли признающийся детали расследуемого события, которые, безусловно, должны быть известны действительному виновнику. В-третьих, необходимо учесть, сообщил ли признающийся обстоятельства, ранее следствию не известные, и были ли они впоследствии подтверждены или опровергнуты соответствующими доказательствами. Наконец, значение имеет то, есть ли доказательства, исключающие возможность получения сознающимся соответствующих сведений не в связи с совершением преступления, а из иных источников (от реального участника событий, из средств массовой информации)⁴⁶⁶. Важен и период, прошедший с момента возбуждения уголовного дела до момента признания⁴⁶⁷, особенности следственной ситуации, характеристика личности признающегося и иные факторы.

Выявлению внутренних противоречий и иных вспомогательных диагностических признаков, о которых речь идет далее, способствует применение верификатором *психологического реагента* — некоего объекта, восприятие которого диагностируемым лицом может привести к проявлению реакции, соответствующей либо противоречащей ранее сказанному⁴⁶⁸. В этой связи большое значение имеет такое следственное действие, как проверка показаний на месте, которая создает возможности для выявления подлинной, а не лишь декларируемой осведомленности допрашиваемого, а также получения от него

⁴⁶⁶ Центров Е. Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самоговора и оговора. С. 39.

⁴⁶⁷ Смолин М. С. Явка с повинной — раскаяние или...? // Следствием установлено. 2018. № 4 (8). С. 20–21.

⁴⁶⁸ Психологические реагенты могут быть классифицированы: 1) по источнику происхождения: гомологические, предметные, документальные, иные; 2) по физической природе: зрительные, слуховые, вкусовые, иные; 3) по форме представления: вербальные, буквенно-знаковые, цифровые, графические, магнитные записи, иные; 4) по характеру структуры: натуральные, комплексированные, кодированные, иные. См.: Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса : учебно-практическое пособие. М., 2001. С. 288.

новых сведений. Место преступления является наиболее сильным психологическим реагентом, вызывающим у причастных лиц многочисленные ассоциации и порождаемые ими диагностические признаки. Проверка показаний на месте основана на том, что ранее допрошенное лицо должно указать конкретное место, где его показания будут проверяться. В ходе проверки проверяемое лицо воспроизводит обстановку и обстоятельства исследуемого события, демонстрирует свои действия и действия иных лиц, указывает на следы, предметы, документы, связанные с этим событием, дает повторные и дополнительные пояснения⁴⁶⁹. К примеру, в деле об убийстве, совершенном в горах на удалении от населенных пунктов, точное указание сознающегося на место преступления при соответствии воспроизведенной им обстановки данным следственного осмотра и заключению судебно-медицинской экспертизы может являться весомым признаком правдивости признания⁴⁷⁰.

Как показывает практика, применение проверки показаний на месте осуществляется не во всех необходимых случаях⁴⁷¹. Вместе с тем при увеличении ее применения нужно учитывать, что она является обоюдоострым правового характера инструментом, который далеко не всегда используется на следствии для проверки возможного оговора или самоговора. Нередко после получения различными методами от допрашиваемого признания или показаний, изобличающих другое лицо, недобросовестный следователь фальсифицирует доказательства под видом показа допрошенным конкретного места совершения преступления, а на самом деле происходит «натаскивание», ознакомление такого лица с конкретной обстановкой места события, по поводу которого были получены показания. Для пресечения подобного искусственного раздувания доказательственной базы данное следственное действие обязательно должно сопровождаться видеозаписью, проводимой по определенным правилам (в частности, оператор не должен снимать навстречу движению). Снизить риск

⁴⁶⁹ *Центров Е. Е.* Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования. С. 185.

⁴⁷⁰ *Васильев А. Н., Степичев С. С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959. С. 7.

⁴⁷¹ См.: приложение 2 «Результаты изучения следственной и судебной практики» (вопрос 15).

фальсификации может усиление прокурорского надзора за процедурой получения признательных показаний и проведения их проверки на месте⁴⁷², а также обязательное участие в ней защитника (адвоката) допрошенного лица и понятых⁴⁷³.

Признаком лжи может быть такое внутреннее противоречие, как изменение показаний⁴⁷⁴, что связано с необходимостью для лжеца корректировать ранее сообщенные сведения, с изменением установки на противодействие следствию, забывчивостью или сложностью измышленной конструкции. Сообщение одним и тем же человеком разных версий одного и того же события имеет большое диагностическое значение, независимо от того, делается это в процессуальной форме либо за рамками уголовного судопроизводства (в беседах со знакомыми)⁴⁷⁵. Причем противоречие часто не имеет явного характера, а касается незначительных деталей рассказа, тщательная проверка которых может привести к опровержению главного содержания показаний.

Рассмотрим пример. В уголовном деле о хищении директором денежных средств предприятия путем трудоустройства «мертвых душ» был допрошен один из фиктивных сотрудников, который не выполнял трудовой функции, но на имя которого начислялась заработная плата. На первоначальном допросе он пояснил, что не знал о том, что числится в качестве работника, о таком предприятии вовсе не слышал. Однако на втором допросе, который проводился спустя длительное время, на вопрос, бывал ли он когда-либо на предприятии, он ответил, что однажды приезжал туда еще до возбуждения уголовного дела. Это противоречие, подмеченное следователем, легло в основу версии о причастности данного лица к

⁴⁷² Помимо этого, Е. Е. Центров обоснованно предлагает внедрить в закон механизм судебного контроля за получением на предварительном следствии признательных показаний. См.: *Центров Е. Е.* Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования. С. 187.

⁴⁷³ Согласно действующей редакции ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ понятые могут по усмотрению следователя не принимать участия в проверке показаний на месте при условии применения технических средств фиксации, что, как представляется, создает риски «режиссуры» этого следственного действия. Более верным видится закрепление обязательного участия понятых *наряду* с применением видеофиксации хода и результатов проверки показаний на месте.

⁴⁷⁴ Согласно исследованию А. Р. Ратинова и Ю. П. Адамова более 70 % лжесвидетелей хотя бы раз меняли показания см.: *Ратинов А. Р., Адамов Ю. П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). С. 33.

⁴⁷⁵ *Лифанова М. В.* Выявление и разоблачение ложных показаний. С. 42.

совершенному преступлению. В ходе проверки выяснилось, что «работник» не только добровольно предоставил свою трудовую книжку и иные документы для оформления фиктивного трудоустройства, но и воспользовался тем, что предприятием с его фиктивной заработной платы уплачивался налог на доходы, обратившись в налоговые органы за налоговым вычетом. Для получения в бухгалтерии документов и был необходим тот визит, о котором допрашиваемый неосторожно упомянул. Собранные доказательства выступили основанием для привлечения данного лица к ответственности в качестве пособника, а также легли в основу нового уголовного дела о мошенничестве по факту незаконного получения вычета.

Как показывают результаты анализа следственной практики, полное или частичное изменение показаний характерно для большинства обвиняемых в изученных уголовных делах. Однако не каждое изменение в сообщаемых сведениях является признаком лжи, человеческому общению присуща определенная вариативность, когда одни и те же обстоятельства спустя некоторое время описываются по-другому⁴⁷⁶. Это означает, что указывать на ложь может и полное совпадение, заученность показаний, данных в ходе первоначального и повторного допроса, следование одним и тем же речевым конструкциям в разной коммуникативной обстановке. В целях выявления данных признаков необходимо обеспечивать максимально подробную фиксацию показаний (желательно видео- или аудиозапись) для возможности их последующего сопоставления с другими материалами дела⁴⁷⁷.

Специфическим видом внутренних противоречий являются логические ошибки. Они состоят в том, что, излагая свою аргументацию в виде цепи суждений, человек делает неверные выводы. Впрочем, это может быть

⁴⁷⁶ Примером этого может служить феномен реминисценции, состоящий в том, что непосредственно после некоего эмоционального события субъект не может в деталях его вспомнить и описать. Способность к детальному воспроизведению может вернуться лишь спустя несколько дней. См.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. С. 493–494.

⁴⁷⁷ Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. С. 412, 422.

следствием как неудачной попытки лжеца совместить вымысел с действительно имевшими место обстоятельствами, так и естественных помех, добросовестного заблуждения.

Помимо внешних и внутренних противоречий диагностика лжи может основываться на анализе собственных вербальных характеристик⁴⁷⁸ диагностируемого сообщения, то есть свойств его содержания, по наличию или отсутствию которых можно с некоторой степенью вероятности судить о том, правда это или ложь. Следует разобрать основные из них.

Конкретность содержания. Конкретность высказывания может проявляться в контекстуальных вставках (прослеживаются связи с другими событиями), описаниях взаимодействия, воспроизведении разговоров и так далее.

Как правило, картина, сконструированная лжецом, включает в себя меньшее количество подробностей по сравнению с реальными воспоминаниями человека, говорящего правду. Лжецы зачастую не рискуют или не имеют возможности включить в свой рассказ детали, опасаясь, что их проверка поможет верификатору выявить ложь. Как показывает практика, это делает признак неконкретности одним из наиболее распространенных признаков лжи⁴⁷⁹.

Когнитивная сложность измышляемой лжи вынуждает ссылаться на забывчивость, неспособность воспроизвести полные анкетные данные якобы участвовавших в событии лиц (например, указывается только имя без фамилии и отчества)⁴⁸⁰, назвать количество похищенных предметов⁴⁸¹ или их индивидуальные приметы⁴⁸², описать, каким именно образом был нанесен потерпевшему удар ножом⁴⁸³ или какие точно действия, повлекшие столкновение,

⁴⁷⁸ Термин О. Фрая.

⁴⁷⁹ См. приложение 2 «Результаты изучения уголовных дел и приговоров» (вопрос 7).

⁴⁸⁰ По материалам уголовного дела № 16014715, возбужденного в Кировском РУВД Красноярского края в 2006 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁸¹ По материалам уголовного дела № 13052176, возбужденного в УВД Железнодорожного района г. Красноярска в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁸² По материалам уголовного дела № 13050046, возбужденного в Железнодорожном РУВД Красноярского края в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁸³ По материалам уголовного дела № 14014831, возбужденного в прокуратуре Кировского района г. Красноярска в 2004 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

якобы совершали пешеходы, на которых был совершен наезд транспортного средства⁴⁸⁴, и так далее. Именно поэтому показания всегда должны быть детализированы при помощи соответствующих тактических приемов⁴⁸⁵.

Впрочем, возможна и противоположная ситуация, когда избыток подробностей указывает на ложь, если при нормальных условиях человек просто не обратил бы на некие частные обстоятельства особого внимания или к моменту допроса с большой вероятностью забыл бы о них⁴⁸⁶.

Правдоподобность. Неправдоподобным называется сообщение, которое не соответствует нормативным представлениям, характеризуется наличием в нем необъяснимых явлений, противоречием описываемых поведенческих актов событиям, совпадением сообщений нескольких лиц⁴⁸⁷. Явно неправдоподобный характер, к примеру, будет иметь объяснение о случайном непосредственно перед задержанием полицией нахождении подозреваемым на улице свертка, в котором оказалось значительного количество наркотического вещества⁴⁸⁸, или о том, что потерпевшая, которой были нанесены многочисленные тяжкие ранения, самостоятельно вошла в помещение, где находился обвиняемый в убийстве, после чего упала и скончалась⁴⁸⁹.

Оценка правдоподобности должна производиться с учетом компетентности адресанта в обсуждаемом вопросе: если ложные показания ограничены его знаниями и опытом, то искренние могут выходить за рамки его понимания и

⁴⁸⁴ По материалам уголовного дела № 13059454, возбужденного в УВД г. Красноярск в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁸⁵ *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 295.

⁴⁸⁶ Интересно отметить, что обыденная диагностика неискренности сообщения начинается именно с оценки его конкретности (устанавливается наличие в сообщении каких-либо деталей), после чего происходит поиск фактов, опровергающих или подтверждающих сказанное, и лишь затем следует окончательная оценка. См.: *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. С. 82.

⁴⁸⁷ *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. С. 297.

⁴⁸⁸ По материалам уголовного дела № 20152, возбужденного Сибирским УВД на транспорте в 2004 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴⁸⁹ По материалам приговора Фрунзенского районного суда г. Ярославля по делу № 1-12/2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

включать в себя факты, которые человек воспринял, но не может объяснить или объясняет неверно⁴⁹⁰.

Проговорки (непроизвольные сообщения правды⁴⁹¹). Проговорка — это правдивая информация (от одного слова до целых тирад), в сокрытии которой заинтересован лжец, попавшая в сообщение вследствие непонимания им значения сообщаемых сведений либо в результате незаторможенности реакции на поставленный вопрос (неосторожное, непроизвольно вырвавшееся замечание или заявление)⁴⁹². От проговорки следует отличать оговорку — случайную фактическую ошибку. Проговорки и оговорки необходимо принимать во внимание, но не всегда сразу целесообразно указывать на них, поскольку диагностируемое лицо станет лучше следить за своей речью⁴⁹³.

Систематичность и структурированность. Указывать на ложь может искусственность формально-логической структуры сообщения (нарочитая структура показаний)⁴⁹⁴. Логично заключить, что признаком искренности является индивидуальность и неповторимость описываемого события, а ложь тяготеет к схематичности⁴⁹⁵. Однако ложь, спровоцировав стресс, также может привести и к нарушениям структуры изложения⁴⁹⁶.

Уход от темы. Этот признак имеет место, когда адресант пытается уклониться от прямого ответа на вопрос либо упускает из вида определенные события, в то время как на других обстоятельствах он останавливается подробно⁴⁹⁷. Разновидностью ухода от темы является подмена вопроса, когда сообщаются сведения, не являющиеся ответом на поставленный вопрос⁴⁹⁸.

⁴⁹⁰ *Енгалычев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 125.

⁴⁹¹ *Экман П.* Психология лжи. С. 40.

⁴⁹² *Рапинов А. Р.* Судебная психология для следователей. С. 248–249.

⁴⁹³ *Порубов А. Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. С. 47.

⁴⁹⁴ *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 1992. С. 108.

⁴⁹⁵ *Рапинов Р. А., Гаврилова Н. И.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях. С. 48.

⁴⁹⁶ *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. С. 148.

⁴⁹⁷ *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. С. 204.

⁴⁹⁸ *Мешков В. М.* Криминалистическая тактика : монография. М., 2019. С. 61–63.

Противоположным явлением, которое также может указывать на ложь, является сообщение информации явно в большем объеме, чем требуется⁴⁹⁹.

Помимо приведенных существуют и иные признаки, которые еще более сложны и неоднозначны в оценке. В диагностируемом сообщении можно выделить *негативные высказывания*, которые указывают на нерасположенность адресанта к объекту, индивиду или мнению (отрицания, уничижительные высказывания)⁵⁰⁰, а также *самореференции*, то есть использование слов, относящихся к самому адресанту («я», «меня», «мое»). Существует разница между тем, чтобы говорить от своего имени и от имени стороннего наблюдателя (например, представителя социальной функции — врача, государственного служащего, руководителя организации)⁵⁰¹. Некоторые исследователи лжи полагают, что в результате чувств вины или страха, сопровождающих ложь, уменьшается количество используемых в речи самореференций⁵⁰². Как уже отмечалось, усложнение лжи по сравнению с искренностью может вести к увеличению *длительности реакции* — времени, необходимого для ответа на вопрос. Время на продумывание ответа может увеличиваться лжецом за счет переспрашивания вопроса, его уточнения и тому подобных приемов. На стремление ввести собеседника в заблуждение может указывать *тенденциозность* — исключительно односторонняя оценка неких обстоятельств (например, только позитивное описание своих поступков), а также отсутствие критического отношения к собственным словам и сомнений в правильности только одной трактовки события⁵⁰³, попытки убедить реципиента поверить в сказанное без проверки, а также клятвы и тому подобное. Однако все данные характеристики сообщения могут быть обусловлены личными особенностями адресанта или стремлением убедить собеседника в той версии, в истинность

⁴⁹⁹ Эжман П. Психология лжи. С. 42.

⁵⁰⁰ Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 23.

⁵⁰¹ Корма В. Д. Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы. С. 116.

⁵⁰² Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 132.

⁵⁰³ Власов А. И. Психолого-акмеологические технологии выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. С. 55–57.

которой говорящий верит. Диагностическое значение имеют и *повторы*. Как гласит восточная пословица, «ты сказал — я поверил, ты повторил — я засомневался, ты стал настаивать, и я понял, что ты лжешь». Необходимо, однако, учитывать, что в условиях уголовного расследования повторы одних и тех же сведений могут быть обусловлены обстановкой и могут быть весьма уместны.

Помимо описанных собственных вербальных характеристик речи можно выделить также отрепетированность речи, употребление нехарактерных речевых оборотов и лексики, появление нерелевантных ответов (то есть выдача незапрашиваемой и не относящейся к делу информации), изменения в количестве используемых слов-паразитов и других психолингвистических характеристиках⁵⁰⁴. Роль данных вспомогательных параметров в диагностике лжи зачастую преувеличивается. Иногда безапелляционно утверждается, к примеру, что лжецы склонны к обобщениям, дают менее прямые ответы и прочее⁵⁰⁵. Однако такие суждения излишне оптимистичны, поскольку не существует типично лживого и типично правдивого поведения.

Диагностическое значение имеет не статическое выражение какой-либо собственной вербальной характеристики, а ее динамические изменения в процессе сообщения информации. Анализ вышеперечисленных элементов в контексте личностных особенностей диагностируемого лица и уже накопленного опыта коммуникации с ним позволяет верификатору при изменении того или иного параметра (например, внезапно возникшей многословности или, напротив, молчаливости) выделять узловые моменты в диагностируемом сообщении, выдвигать диагностические гипотезы и проводить их проверку на эмпирическом и аналитическом уровнях. При оценке этих признаков необходимо помнить о многозначности поведения человека и делать выводы с осторожностью. Собственные вербальные характеристики, как и внутренние противоречия, носят

⁵⁰⁴ См., например: *Холодный Ю. И.* Перспективные направления в диагностике следов памяти человека // Доклады участников круглого стола «Использование новых видов криминалистически значимой информации в правоприменительной деятельности». М., 2012. С. 5.

⁵⁰⁵ *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. С. 142–144.

ориентирующий характер и могут выступать лишь отправной точкой для дальнейшей работы, не являясь основанием для правовых решений.

Невербальные признаки лжи. В криминалистической литературе иногда утверждается, что в процессе общения невербальным путем, то есть при помощи неречевых средств⁵⁰⁶, передается до 5/6 всей сообщаемой информации, тогда как на вербальную информацию приходится лишь 1/6⁵⁰⁷. В основу этого утверждения положено получившее широкую известность правило «7 % — 38 % — 55 %» (7 % — это удельный вес слов и фраз, 38 % — тона, интонации и других характеристик голоса, 55 % — позы, движений и мимики), выведенное А. Меграбяном. Однако данное правило является результатом исследований значимости отдельных каналов передачи информации только в сообщениях, касающихся чувств и отношений между людьми, и, по словам автора исследований, представляет собой «первое приближение» в этом частном вопросе. Распространение его на любые ситуации общения некорректно⁵⁰⁸. Тем не менее невербальное поведение человека является весьма важным источником информации, и его исследование представляет криминалистический интерес.

Хотя вербальная и невербальная коммуникация тесно связаны, возникновение диагностических признаков в этих информационных полях имеет отчасти разную природу. В то время как вербальные симптомы лжи в большинстве обусловлены усложнением когнитивных процессов, невербальные диагностические признаки, а также физиологические реакции связаны преимущественно с эмоциями, сопутствующими лжи.

Эмоциональные переживания сопровождаются висцеральными процессами и «выразительными характеристиками», такими как экспрессия лица (мимика), голос, жесты, позы и так далее, обнаружение которых является основой для

⁵⁰⁶ О понятии невербальной коммуникации см.: *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорельца В. М.* Межличностное общение : учебник для вузов. СПб., 2003. С. 68–69.

⁵⁰⁷ См., например: *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 22–23.

⁵⁰⁸ См.: *Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения : практикум по психодиагностике. СПб., 2001. С. 138–142 ; *Mehrabian A.* «Silent Messages» — A Wealth of Information About Nonverbal Communication (Body Language) // URL: kaaj.com/psych/smorder.html (дата обращения: 27.01.2021).

диагностики лжи по невербальным признакам. Можно заметить, что в сравнении с диагностикой по вербальным характеристикам такой подход имеет как преимущества (эмоции хуже поддаются контролю, чем слова, поскольку имеют соматическую природу⁵⁰⁹), так и недостатки (не всякая ложь связана с эмоциями). Кроме того, один только факт наличия переживаний, который может быть установлен на основе невербальной информации, не свидетельствует о лжи, так как может быть спровоцирован самой обстановкой уголовного процесса и многими другими обстоятельствами.

Поэтому задачей диагностики лжи по невербальным признакам является не поиск универсального симптома лжи, а анализ проявляющихся в поведении эмоций исходя из контекста сложившейся ситуации. Этому способствует то, что эмоции имеют различные паттерны выразительных характеристик, то есть возможно установление не только факта присутствия переживаний, но также их природы (радость, печаль, отвращение, гнев, удивление, страх, презрение).

Как уже отмечалось, эмоции, сопровождающие ложь, могут происходить из воспоминаний либо вызываться самим фактом лжи. Если к первой группе могут относиться любые, то ко второй — вполне определенные: чувство вины и страх разоблачения в процессе сообщения ложной информации, гнев, стыд и растерянность в случае неудачной попытки лжи, радость и презрение к оппоненту в случае успеха.

Чувства адресанта имеют особенно важное диагностическое значение, когда они идут вразрез со словами (такая ситуация именуется отсутствием конгруэнтности⁵¹⁰), а также в случаях, когда видны попытки человека скрыть или замаскировать их. Асимметрия, дисгармония невербального поведения, рассогласованность отдельных вербальных и невербальных компонентов акта

⁵⁰⁹ Центров Е. Е. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая). С. 28.

⁵¹⁰ Конгруэнтность (от англ. *congruence*) — такое динамическое состояние, в котором человек наиболее свободен и аутентичен в качестве самого себя, не испытывает потребности в использовании психологических защит, в том, чтобы предьявлять фасад, прятать себя, например, за маской или ролью «эксперта». См.: Большой психологический словарь.

передачи информации указывают на наигранность и неискренность эмоций⁵¹¹ — обстоятельств, которые могут сопровождать ложь.

Диагностическое значение может иметь и недостаток эмоций там, где их наличие вытекает из характера сообщенной вербальной информации (эмоциональная бледность сообщения)⁵¹², либо избыток там, где их быть не должно (чрезмерная эмоциональная насыщенность сообщения). Выявление эмоциональных процессов осуществляется посредством наблюдения за отдельными элементами невербальной коммуникации⁵¹³.

Мимика является самым главным каналом передачи информации об эмоциях⁵¹⁴. По выражению Г. Гросса, «наблюдать за выражением лица допрашиваемого, когда он слушает, — вот кардинальное правило, исполнение которого скорее приведет к цели, чем иногда длинные допросы»⁵¹⁵.

Существуют тысячи выражений лица, и все они отличаются друг от друга. Есть выражения, соответствующие знакам речи, которые выполняют функцию ударения, акцента или пунктуации (вопросительное или удивленное выражение лица). Существует мимика, не нуждающаяся в словесном пояснении: подмигивание, презрительное прищуривание глаз, скептическая гримаса, «отвисшая челюсть». Есть и не несущие смысла мимические манипуляции: покусывание губ, надувание щек. Существуют и просто эмоциональные выражения лица, как искренние, так и притворные⁵¹⁶.

Особенностью мимики является то, что она, как и слова, может служить инструментом введения в заблуждение («показные» эмоции)⁵¹⁷. Но если слова в общем случае поддаются контролю со стороны лжеца, то мимика не до конца подвластна его сознанию: при попытках скрыть эмоции, они все равно

⁵¹¹ *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. С. 26.

⁵¹² *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. С. 203.

⁵¹³ *Бороздина Г. В.* Психология делового общения. М., 2006. С. 12.

⁵¹⁴ Значительная доля всей информации об эмоциях передается именно с помощью мимики. См.: *Данилова Н. Н.* Психофизиология. С. 179–181.

⁵¹⁵ *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С. 145.

⁵¹⁶ *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 31.

⁵¹⁷ *Экман П.* Психология лжи. С. 57–58.

непроизвольно в виде микровыражений на доли секунды проявляются на лице. Непроизвольное выражение лица — результат биологического механизма эволюции, а значит, мимические выражения универсальны, одинаковы для всех людей независимо от их индивидуальных различий⁵¹⁸.

Анализ мимики является одним из наиболее разработанных направлений психодиагностики по невербальным признакам, позволяющим при наличии специальной подготовки различать, какие конкретно эмоции испытывает адресант, насколько они сильны, а также о наложении эмоций⁵¹⁹.

Жесты также являются важным информационным каналом, исследование которого способно привести к подозрениям о лжи. Выделяют три типа жестов: иллюстрирующие, эмблемные и манипуляторские⁵²⁰.

Иллюстрирующие жесты сопровождают речь: подчеркивают отдельные слова и выражения, изображают описываемые события. Главным источником таких жестов являются руки, хотя в некоторых ситуациях иллюстрационную функцию способны выполнять и другие части тела. Диагностическими признаками, касающимися этого типа жестов, могут выступать, во-первых, общее изменение их количества, а во-вторых, проявления неконгруэнтности (несоответствия жестов словам).

Эмблемами именуется жесты, имеющие самостоятельное значение и не нуждающиеся в дополнительном вербальном пояснении (кивок головой, большой палец вверх). Использование эмблем в большинстве случаев контролируется сознанием и используется для введения в заблуждение реципиента наряду с речью. Как и слова, эмблемы могут быть связаны с «проговорками», то есть существуют эмблемы, неосознанно выдающие скрываемую информацию.

⁵¹⁸ Интересно, что человек имеет некоторые общие мимические выражения и с другими видами высших приматов. См.: *Экман П.* Психология лжи. С. 58–50.

⁵¹⁹ При этом распознаванию эмоций по микровыражениям на лице можно научиться при помощи специальных программ-тренажеров, которые могут быть весьма полезны и для практических работников следствия.

⁵²⁰ *Экман П.* Психология лжи. С. 46.

Признаками ненамеренности эмблемы является ее фрагментарный характер и выполнение ее в непривычной позиции⁵²¹.

Использование иллюстраций и эмблем, вкладывание в них конкретного смысла является приобретенным (а не врожденным, как мимика) навыком человека, поэтому при их толковании необходимо значительное внимание уделить социальной и культурной среде формирования личности.

Жестами-манипуляциями называются взаимодействия различных частей тела (поправление прически), а также использование различных предметов (шариковой ручки, зажигалки). Манипуляции являются ненадежным диагностическим полем, поскольку и сокращение, и увеличение их числа может сопровождать прямо противоположные состояния человека (например, и дискомфорт, и расслабленность)⁵²².

Кроме указанных типов можно выделить жесты произвольные и непроизвольные, характерные для конкретного лица и случайные, что также может иметь значение для выявления лжи.

Голос включает такие признаки, как особенности произношения, тембр и высота, громкость, темп и ритм, интонация, паузы, покашливание и так далее⁵²³. Изменение в указанных параметрах может свидетельствовать о появлении эмоций: более громкая и быстрая речь отмечается при гневе и страхе, а более тихая и медленная — при печали⁵²⁴.

Признаками неискренности могут быть длительные паузы, которые возникают вследствие неподготовленности лжи либо по причине эмоционального напряжения говорящего (в то же время паузы могут быть вызваны и припоминанием событий, усталостью и другими факторами).

⁵²¹ Там же. С. 48.

⁵²² Там же. С. 52.

⁵²³ Иногда данные признаки голоса подразделяются на паралингвистические и экстралингвистические (количественно-голосовые и качественно-голосовые) компоненты невербального общения.

⁵²⁴ *Порубов А. Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. С. 49.

Поза имеет диагностическое значение во временной и пространственно-дистанционной системах организации коммуникативного процесса (пластика, прикосновения)⁵²⁵.

В ходе общения поза выполняет две функции: расчленяет поток речи на единицы и регулирует межличностные отношения с собеседником⁵²⁶. Она не является достаточно надежным диагностическим признаком, поскольку во многом предопределяется обстановкой⁵²⁷. Однако изменения позы, ее синхронизация или рассинхронизация с содержанием разговора, а также динамика ее изменений (например, отклонение от собеседника) может иметь значение и служить основанием для более подробного анализа сопровождающей эти изменения информации.

Взгляд характеризуется такими признаками, как направление, частота зрительного контакта, частота моргания, опускание век, прикрывание глаз и так далее. Изменения данных признаков могут указывать на особую значимость происходящих при этом событий.

Физиологические реакции, как и невербальная информация, свидетельствуют о переживании эмоций. К физиологическим реакциям, доступным при органолептической диагностике, относятся: покраснение лица, увеличение потоотделения, отдышка, глотательные движения, тремор⁵²⁸. Однако данные реакции не могут быть объективно измерены без применения специальной аппаратуры и в ее отсутствие имеют сравнительно небольшое познавательное значение.

Невербальные признаки и физиологические реакции, подобно собственным вербальным характеристикам, должны быть рассмотрены не с точки зрения их статических параметров, а с точки зрения их динамики: важно не то, насколько часто человек смотрит своему собеседнику в глаза, а то, что в определенный

⁵²⁵ Иногда эти компоненты именуются проксемическими (от англ. *proximity* — близость).

⁵²⁶ *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 26.

⁵²⁷ *Экман П.* Психология лжи. С. 53.

⁵²⁸ *Князев В., Варламов Г.* Полиграф и его практическое применение. М., 2012. С. 168.

момент разговора он перестает это делать или, наоборот, начинает⁵²⁹. Основанное на распознавании невербальных сигналов установление того или иного эмоционального состояния само по себе не влечет вывода о лжи и нуждается в объяснении его происхождения с учетом обстоятельств дела, личных качеств человека, его предшествующего поведения, а также иных факторов.

Опосредованные методы выявления лжи. Весьма своеобразна органолептическая диагностика лжи, осуществляемая опосредованно — по отображениям акта коммуникации. Подобные исследования связаны с более детальным изучением диагностических признаков и использованием формализованных методик.

В настоящее время имеется большое количество разнообразных методик диагностики показаний по видеозаписи⁵³⁰. Одной из них является «Оценка валидности утверждений»⁵³¹, которая имеет под собой значительный эмпирический материал, а результаты ее применения даже приобрели статус судебных доказательств в некоторых странах. Данная методика основана на анализе утверждений, сделанных в ходе структурированного интервью. Она включает 19 основных критериев, относящихся к общим вербальным характеристикам сообщения, его специфическим деталям, необычным элементам содержания, мотивационным аспектам и фрагментам, отражающим специфику преступления⁵³²: 1) логическая структура (то есть разные детали в показаниях независимо друг от друга описывают один и тот же ход событий); 2) неструктурированная продукция (ложные показания могут иметь

⁵²⁹ Леонтьев А. А. Психология общения : учебное пособие. М., 2008. С. 199–210.

⁵³⁰ К примеру, «Психолингвистический анализ по методике В. П. Белянина», «Модель выявления скрываемой информации Б. Л. Филонова», «Методика диагностики скрываемой информации и получения признания виновного в отсутствие доказательств А. Г. Гельманова и С. А. Гонтаря» и многие другие. См.: Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации ... С. 33–34.

⁵³¹ От англ. *Statement Validity Assessment*. Иной встречающийся перевод — «Анализ качества высказываний». См.: Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я., Васкэ Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафунов Ф. С., Шишков С. Н., Шипнин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 66–67.

⁵³² См. также: Образцов В. А., Кручинина Н. В. Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации : научно-методическое пособие. М., 2002.

искусственную структуру); 3) количество деталей; 4) включенность в контекст; 5) описание взаимодействия; 6) воспроизведение разговора; 7) неожиданное осложнение в ходе происшествия (указание на то, что в описываемое событие «вклинивались» какие-либо неожиданные элементы: поломка автомобиля, срабатывание сигнализации); 8) необычные детали; 9) излишние детали; 10) точно сообщенные детали, малопонятные адресанту; 11) сопутствующие внешние (побочные) ассоциации; 12) сообщения о своем психическом состоянии; 13) атрибуция (приписывание) психического состояния преступника; 14) спонтанные поправки; 15) допускаемая возможность «пробелов в памяти»; 16) сомнения в значимости своего свидетельствования; 17) осуждения себя самого; 18) оправдание преступника; 19) иные детали, характерные для преступления конкретной категории.

Каждый из данных критериев описывается и оценивается по шкале от 0 до 2 в зависимости от выраженности. Наблюдаются некоторые различия в окончательной сумме баллов у говорящих правду и лжецов. Однако, несмотря на формализованный характер методики, оценка сообщения носит качественный, а не количественный характер: до сих пор неясен конкретный вклад каждого отдельного критерия в итоговый результат⁵³³.

Интерес для диагностики лжи представляют и методики исследования письменных сообщений (например, собственноручно написанных фигурантом дела либо показаний, переведенных в текстовый формат). Одна из них — «Методика мониторинга реальности», основана на выделении 8 критериев, с использованием которых можно попытаться отличить реальные воспоминания от ложных: 1) ясность; 2) информация от органов чувств; 3) пространственная информация; 4) временная информация; 5) аффект; 6) возможность реконструкции события на основании рассказа; 7) реализм; 8) когнитивные

⁵³³ *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации ... С. 121.

операции. По замыслу авторов методики первые семь показателей характерны для правдивых сообщений, а восьмое — для ложных⁵³⁴.

Другие методики оценки правдивости письменных текстов могут использовать критерии, относящиеся не только к содержанию и структуре диагностируемого сообщения, но и к его лингвистическим характеристикам (к примеру, число определенных частей речи в тексте).

Хотя результаты применения подобных методик не должны иметь доказательственного значения, опосредованное выявление лжи является весьма актуальным, поскольку избыточность диагностической информации, получаемой следователем, делает невозможными ее оперативную обработку и анализ прямо в ходе коммуникации. С учетом этого использование видеofиксации процессуальных действий в настоящее время является объективной необходимостью в том числе для последующего изучения поведения диагностируемого лица специалистами. Весьма перспективным представляется объединение в рамках подобных исследований познавательных возможностей сразу нескольких методик, которые бы рассматривали и содержание сообщения, и невербальные признаки, и физиологические реакции. Необходимо также и продолжение поисков наилучших критериев оценки диагностируемого сообщения, поскольку произвольный или недостаточно обоснованный их выбор может способствовать утрате диагностической информации или ее неверной интерпретации.

§ 5. Особенности криминалистических методов выявления лжи по невидимым признакам

Инструментальная диагностика лжи основывается на анализе сопровождающих ложь физиологических изменений организма адресанта, а также некоторых иных проявлений его поведения, недоступных для наблюдения

⁵³⁴ См.: Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технологии. С. 159–163.

«невооруженными» органами чувств человека и измеряемых при помощи специального оборудования. Главным методическим принципом этого вида диагностики лжи является увязывание объективно регистрируемых при помощи технических средств физиологических реакций организма с процессами, протекающими в психике⁵³⁵.

Классическим инструментом, применяемым в диагностической деятельности, является полиграф⁵³⁶, который используется не только в сфере уголовного судопроизводства, но и за ее пределами (например, в кадровой работе: при найме на лиц на вакантные должности, а также при проведении служебных проверок). Полиграф представляет собой прибор для непрерывной объективной регистрации ряда физиологических показателей, как то: грудное и диафрагмальное дыхание, кожно-гальваническая реакция (электрическая активность кожи), фотоплетизмограмма, двигательная активность, частота сердечных сокращений, кровяное давление и некоторых других⁵³⁷. Изменения данных параметров во времени, а также продолжительность реакции указывают на возникновение у обследуемого лица эмоций. Однако, в отличие от органолептической диагностики по невербальным признакам (в частности, по мимике), они способны обозначить сам факт возникновения и протекания эмоции, а также ее силу, но не указать ее природу⁵³⁸.

В основе исследования на полиграфе лежит та же логика, что и в упомянутом методе ассоциативных реакций, основанная на том, что внешний стимул (вопрос, слово, звук, свет, предмет, изображение предмета), несущий субъективно значимую для человека информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологические реакции, превышающие реакции на предъявляемые в тех же условиях однородные стимулы, не связанные с

⁵³⁵ *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе). С. 35–36.

⁵³⁶ Полиграф — от греч. *πολύ* (много) и *γράφω* (писать). Иногда данный прибор также называется детектор лжи (лай-детектор), однако это название некорректно, так как ложь он не выявляет.

Существуют и иные приборы с аналогичным принципом действия, однако они в настоящее время менее распространены (например, анализатор стресса по голосу).

⁵³⁷ Различные модификации устройства регистрируют различные группы показателей, подробнее об этом см.: *Маркитанов А. А.* Полиграфы России // *Российский полиграф*. 2009. Вып. 4. С. 52–64.

⁵³⁸ *Эжман П.* Психология лжи. С. 95–100.

указанным событием и не являющиеся ситуационно значимыми⁵³⁹. В специальной литературе данная взаимосвязь иногда именуется «психофизиологический феномен»⁵⁴⁰.

На сегодняшний день в науке образовался сложный клубок представлений, объясняющих различные аспекты исследования на полиграфе. К числу дискуссионных моментов относится и определение предмета исследования. Одни авторы полагают, что таковым являются следы памяти обследуемого⁵⁴¹, а другие, напротив, убеждены в том, что им выступают психофизиологические состояния организма, выявленные в ходе тестирования на полиграфе⁵⁴². Однако анализ взаимосвязи памяти и психофизиологических состояний человека при обследовании на полиграфе позволяет прийти к выводу, что данные точки зрения не исключают друг друга. Эта взаимосвязь может быть графически изображена следующим образом (рисунок 3).

Восприятие расследуемого события вызывает у человека эмоции, которые порождают особое психофизиологическое состояние (стрелки 1–3). Само событие, а также испытываемые в процессе его восприятия эмоции и сопровождающие их психофизиологические состояния, далее сохраняются в памяти человека, образуя в ней прочный комплекс (стрелки 4, 5).

Причем если переживания, связанные с восприятием события, были достаточно глубокими (что имеет место, когда событие было субъективно значимым), то они могут оставить неизгладимый психический след. Предъявление в ходе обследования на полиграфе стимула, прямо или косвенно связанного с расследуемым событием, автоматически активирует указанный

⁵³⁹ *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе). С. 404.

⁵⁴⁰ Не существует общепризнанного научного объяснения данного феномена, однако имеется большое количество теорий и подходов, которые стремятся его объяснить: теория угрозы наказания, конфликта, теория активации и многие другие. См.: *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе). С. 401–405 ; *Алексеев Л. Г.* Психофизиология детекции лжи: методология. С. 8–26.

⁵⁴¹ См., например: *Холодный Ю. И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // *Вестник криминалистики.* 2005. Вып. 1 (25). С. 29.

⁵⁴² См., например: *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 290.

комплекс в памяти человека, воссоздавая его элементы⁵⁴³. Это влечет переживание человеком тех же эмоций и психофизиологических состояний, что и при восприятии самого расследуемого события⁵⁴⁴ (стрелки 6–9).

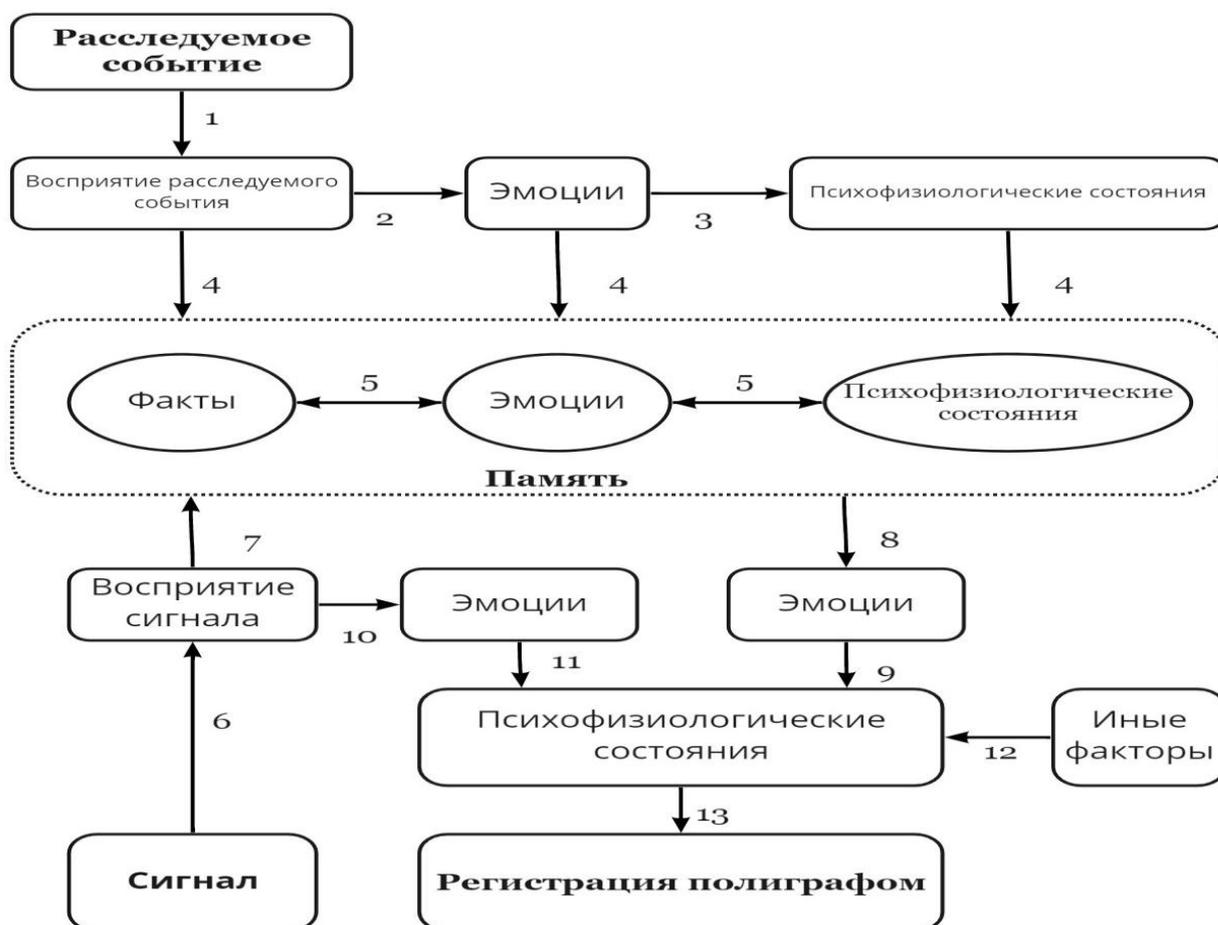

Рис. 3. Взаимосвязь памяти и психофизиологического состояния⁵⁴⁵

Следовательно, изменения в психофизиологических реакциях, фиксируемые во время тестирования на полиграфе, могут быть связаны с функционированием

⁵⁴³ Лурия А. Р. Диагностика следов аффекта. С. 230–247.

⁵⁴⁴ Как отмечает С. П. Бочарова, «переживаемые человеком эмоциональные состояния вызывают глубокую активацию корковых и подкорковых структур мозга, регулирующих через периферическую нервную систему различные соматические процессы: сердечно-сосудистые реакции, терморегуляцию и др. Поэтому восстановление в памяти образов событий прошлого вызывает и соответствующие переживания, связанные с этими событиями в прошлом, и одновременно — в более или менее активной форме — соответствующие соматические изменения; покраснения или побледнение лица, тремор рук и другие». См.: Бочарова С. П. Психология и память. Теория и практика для обучения и работы. Харьков, 2007. С. 53–54.

⁵⁴⁵ Схема подготовлена с использованием материала лекций Е. Е. Центрова.

памяти (в том числе эмоциональной)⁵⁴⁶, а данные, полученные в результате, свидетельствовать об осведомленности диагностируемого лица о событии⁵⁴⁷. Исходя из этого, задачей исследования на полиграфе в криминалистической практике является выявление психофизиологических реакций, указывающих на то, что диагностируемое лицо располагает информацией о деталях события⁵⁴⁸. Вопросами, вынесенными на исследование, могут быть, например: «Опознает ли диагностируемое лицо по фотографии мужчину, в отношении которого было совершено преступление?», «Знает ли диагностируемое лицо цвет обуви потерпевшего, которая была на нем в момент события?», «Знает ли диагностируемое лицо, что похищенные ценности были спрятаны в [определенном месте]?». При этом необходимо учитывать, что осведомленность об интересующем следствии событии может возникнуть у обследуемого лица не только ввиду причастности к нему, но и из иных источников (из общения с участниками или очевидцами, из открытых источников информации).

Кроме того, восприятие обследуемым стимула может порождать эмоции и психофизиологические состояния, не только связанные с его осведомленностью о расследуемом событии, но и связанные со значимостью самого стимула (стрелки 10, 11). Например, в случае необоснованного подозрения во лжи сам вопрос, ответ обследуемого на который ранее не удовлетворил следователя, может являться субъективно значимым (обследуемый осознает, что его подозревают во лжи на этот вопрос). Кроме того, психофизиологические состояния, отражающие сложнейшую динамику живого организма, могут быть детерминированы самыми

⁵⁴⁶ *Центров Е. Е.* О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая). С. 27–29.

⁵⁴⁷ См.: *Комиссарова Я. В.* Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 270 ; *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии. С. 118–119.

⁵⁴⁸ См., например: Методические рекомендации по проведению в АНО «ЦНКЭС» психофизиологического исследования с применением полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы научного использования в борьбе с преступностью : материалы международного научно-практического форума / под ред. В. Н. Хрусталева, Л. Н. Иванова. Саратов, 2006. С. 85–100.

разными случайными факторами, а не только предъявленным стимулом (стрелка 12)⁵⁴⁹.

Следовательно, оценка психофизиологических состояний, регистрируемых полиграфом, должна носить комплексный характер и учитывать не только данные об изменениях физиологических параметров при предъявлении стимулов, но и общий контекст ситуации тестирования, предшествующие события и другие факторы⁵⁵⁰. Ключевым вопросом в этом свете становится методика исследования, которая должна позволять отграничить психофизиологические реакции, связанные с функционированием памяти, от реакций, связанных с подозрением во лжи и иными обстоятельствами. Надежность и научная обоснованность методик выступают основанием для вывода о возможности применения полиграфа в криминалистическом познании.

На сегодняшний день используются две принципиально отличные методики: тест контрольных вопросов и тест на знания⁵⁵¹, которые получили наибольшее распространение и легли в основу иных методик. В общих чертах методика контрольных вопросов заключается в том, что диагностируемому лицу задаются не только вопросы, относящиеся к расследуемому событию (так называемые «релевантные вопросы», например: «Брали ли Вы эти деньги?»), но также нейтральные («Сегодня среда?») и собственно контрольные вопросы, то есть вопросы, не связанные с событием, но имеющие субъективное значение для диагностируемого лица («Вы когда-нибудь обманывали тех, кто Вам доверял?», «Вы когда-нибудь брали чужие вещи без разрешения?»). Контрольные вопросы должны иметь большие пространственные и временные рамки, а также быть

⁵⁴⁹ См., например: *Пеленицын А. Б., Сошников А. П.* Современные технологии применения полиграфа. М., 2015. С. 49–50.

⁵⁵⁰ Именно поэтому распространенное в литературе название «детектор лжи» не соответствует сути данного прибора, который регистрирует не ложь (что невозможно), а реакции на предъявляемые стимулы.

⁵⁵¹ Данные тесты имеют большое количество вариаций и различных наименований. К примеру, тест контрольных вопросов может называться тестом оценки значимости версий, «прямым методом», а тест на знания — тестом ситуационно значимых стимулов, «непрямым методом» и тому подобное. См.: *Холодный Ю. И.* Некоторые прикладные аспекты производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Вестник криминалистики.* 2014. № 2 (50). С. 27–36; *Он же.* Методические средства судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Юридическая психология.* 2014. № 2. С. 28–33; *Семенов В. В., Иванов Л. Н.* Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. М., 2008. С. 39–41; *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии. С. 102–109.

такими, чтобы на них невозможно было ответить искренне⁵⁵². Их цель — привести диагностируемое лицо в замешательство и вызвать эмоциональное возбуждение⁵⁵³. На аналитической стадии исследования сравниваются реакции, возникшие в ответ на релевантные и контрольные вопросы. По замыслу этой методики предполагается, что у непричастного к расследуемому событию величина реакции на контрольные вопросы окажется выше, чем на релевантные⁵⁵⁴.

Тест на знания применяется для проверки гипотезы о том, что диагностируемое лицо являлось участником или свидетелем какого-либо события. Данный тест состоит в последовательной постановке ряда однотипных вопросов, касающихся этого события, причем фактическое их наполнение меняется: «У потерпевшего из кошелька пропало 100 рублей?», «У потерпевшего из кошелька пропало 150 рублей?», «У потерпевшего из кошелька пропало 200 рублей?», — и так далее, причем обязательно должен присутствовать вопрос с истинной посылкой. Если у диагностируемого лица наиболее выраженная реакция возникает на вопросы с истинными послылками, делается вывод о его осведомленности об обсуждаемом событии⁵⁵⁵. Применение этой методики возможно только в случае, если следствие располагает достоверными данными относительно деталей события, что имеет место далеко не всегда.

И тест на знания, и тест контрольных вопросов подвергаются серьезной критике в литературе⁵⁵⁶. Тест на знания склонен к ложноотрицательным выводам, что связано со сложностями в подборе деталей расследуемого события, которые включаются в вопросы. Тест контрольных вопросов, напротив, предрасположен к ложноположительным обвинениям во лжи⁵⁵⁷. Причиной этого может являться

⁵⁵² Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н. Полиграф в практике расследования преступлений : методические рекомендации. М., 2008. С. 30.

⁵⁵³ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 224.

⁵⁵⁴ Там же. С. 226.

⁵⁵⁵ Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н. Полиграф в практике расследования преступлений. С. 32.

⁵⁵⁶ См., например: Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 240.

⁵⁵⁷ См.: Vrij A. Detecting Lies and deceit: pitfalls and opportunities. P. 340–342 ; Tavel M. E. The ‘Lie Detector’ Test Revisited: A Great Example of Junk Science // Skeptical Inquirer. 2016. Vol. 40, № 4. URL:

методический пробел. Положенная в основу данного теста посылка о том, что диагностируемое лицо, непричастное к расследуемому событию, будет сильнее реагировать на контрольные вопросы, чем на релевантные, вызывает сомнения. Ведь именно релевантные вопросы в силу их большей конкретности, а также того, что, как известно диагностируемому лицу, изложенная им версия расследуемого события была поставлена под сомнение следователем, должны рассматриваться как более субъективно значимые стимулы и для причастного к расследуемому событию лица, и для непричастного. Предлагаемые же в литературе методики убеждения диагностируемого лица в процессе предтестовой беседы в том, что именно контрольные вопросы имеют большее значение (например, по делу о краже якобы требуется выяснить, является ли человек порядочным в принципе и совершал ли он когда-либо кражи⁵⁵⁸), недостаточно обоснованны. Кроме того, даже если представить, что будет разработана некая методика убеждения в том, что ответы на контрольные вопросы важнее, чем на релевантные, то исполнение этой методики в каждом конкретном случае зависит от профессионализма оператора полиграфа⁵⁵⁹. Принимая во внимание опасность, которую таят ложноположительные выводы (то есть ошибочные суждения о том, что человек, говорящий правду, лжет) применение теста контрольных вопросов в криминалистическом познании выглядит крайне рискованным⁵⁶⁰.

С учетом сказанного понимание разницы в надежности выводов между двумя методиками имеет принципиальное значение для оценки выводов исследования на полиграфе. Однако, судя по результатам опроса, следователи недостаточно информированы на этот счет. Так, на вопрос «Какие методики исследования на полиграфе являются надежными?», вопреки изложенным

skepticalinquirer.org/2016/03/the-lie-detector-test-revisited-a-great-example-of-junk-science/ (дата обращения: 27.01.2021).

⁵⁵⁸ Эжман П. Психология лжи. С. 196–197.

⁵⁵⁹ Здесь уместно сослаться на мнение Ю. И. Холодного о том, что результативность исследования на полиграфе при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений на 90 % зависит от профессионализма полиграфолога и лишь на 10 % от используемого прибора. См.: *Холодный Ю. И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты) : монография. М., 2000. С. 121.

⁵⁶⁰ Сказанное относится не только к тестированию на полиграфе, но и к иным методикам, в основе которых сравнение реакций обследуемого на проверочные, контрольные и нейтральные стимулы.

данным, тест контрольных вопросов выбрали в два раза больше респондентов, чем тест на знания (16 % против 8 %), при этом 31 % респондентов вовсе не смогли ответить на вопрос (выбрали вариант «затрудняюсь ответить»), а 43 % указали, что обе методики оцениваются ими как в равной степени надежные⁵⁶¹. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости повышения знаний следователей относительно научных основ тестирования на полиграфе.

Учитывая дискуссионный характер методик обследования на полиграфе, обсуждения заслуживает вопрос его допустимости в качестве криминалистического метода. Широкое распространение в России данный прибор получил лишь после распада СССР, в 90-х гг. прошлого столетия. Этому способствовало то, что исследование на полиграфе не ущемляет прав обследуемого лица, являясь безвредным и сугубо добровольным, поскольку необходимость кооперации с экспертом предполагается самой методикой тестирования⁵⁶². Вместе с тем внедрение полиграфа в уголовное судопроизводство сопровождалось поиском подходящей процессуальной ниши, в ходе которого были испробованы такие варианты, как применение полиграфа при допросе с участием специалиста⁵⁶³, вывод в сферу оперативно-розыскной деятельности, придание экспертного статуса⁵⁶⁴.

После принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором вопрос использования полиграфа урегулирован не был, все громче зазвучали аргументы об отнесении исследования на полиграфе к судебной экспертизе, что означает придание выводам данного исследования статуса доказательств по уголовному делу. Во всех подразделениях криминалистики региональных следственных

⁵⁶¹ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 20).

⁵⁶² *Холодный Ю. И., Подшибякин А. С.* Использование полиграфа для получения криминалистически значимой информации. С. 330–331.

⁵⁶³ Представляется, что корректное применение полиграфа в ходе следственных действий невозможно. Методики тестирования основаны на применении наводящих вопросов, требующих ответов только «да» или «нет», что прямо запрещено уголовно-процессуальным законом.

⁵⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Комиссарова Я. В., Мягих Н. И., Пеленицын А. Б.* Полиграф в России и США: проблемы применения. М., 2012.

управлений Следственного комитета РФ была введена должность инспектора, уполномоченного на проведение такого исследования⁵⁶⁵.

Параллельно с этим начала формироваться нормативно-правовая база, устанавливающая экспертный статус исследования на полиграфе⁵⁶⁶. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа была включена в ведомственные перечни родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в органах государственной безопасности и органах внутренних дел, а также в соответствующие ведомственные перечни экспертных специальностей⁵⁶⁷. Это позволило вывести опрос на полиграфе из непроцессуальной сферы в процессуальную, а также накопить значительный опыт соответствующих исследований в рамках уголовного и иных видов судопроизводства. В результате применение полиграфа на сегодняшний день стало обыденностью. Согласно результатам проведенного анкетирования большинство (64 %) следователей используют возможности полиграфа при расследовании преступлений⁵⁶⁸. Одновременно аналогичные амбиции приобретения экспертного статуса начинают проявлять и иные направления инструментального выявления лжи, связанные с оценкой поведения человека по видеозаписям.

Однако, несмотря на широкую распространенность, судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа не получила унифицированного методического обеспечения. Каждая из разработанных

⁵⁶⁵ Коробов В. В. О некоторых вопросах психофизиологических исследований в российском уголовном процессе // Вестник Следственного комитета Российской Федерации. 2012. № 2 (16). С. 69.

⁵⁶⁶ Подробнее о регулировании применения полиграфа см.: Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / под ред. С. В. Зуева. М., 2018. С. 176–207.

⁵⁶⁷ См.: Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства внутренних дел РФ от 29.06.2005 № 511; Перечень экспертных специальностей, по которым в Министерстве внутренних дел Российской Федерации проводятся аттестация на право самостоятельного производства судебных экспертиз и пересмотр уровня квалификации экспертов, являющийся приложением № 1 к Положению об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их квалификации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденному приказом Министерства внутренних дел РФ от 09.01.2013 № 2; Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства экспертиз в качестве государственных судебных экспертов в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности, утвержденные приказом Федеральной службы безопасности РФ от 23.06.2011 № 277.

⁵⁶⁸ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопрос 18).

типовых методик исследования подвергалась критике в научном сообществе и не обрела обязательного статуса⁵⁶⁹, то есть в настоящее время превалирует роль личных качеств эксперта. Не было завершено и формальное закрепление процессуального статуса полиграфа. В частности, в нормативные правовые акты, регулирующие проведение судебных экспертиз в экспертных учреждениях органов юстиции, не было включено указание на возможность применения полиграфа⁵⁷⁰, а в 2017 г. исследование психофизиологии человека и вовсе было исключено из описания предмета психологической экспертизы в ведомственном классификаторе⁵⁷¹.

Наибольшее сопротивление процессуальному статусу исследований на полиграфе оказал Верховный Суд РФ. В пункте 5.2.1 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г. (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 3 апреля 2013 г.) со ссылкой на определение от 04.10.2012 № 34-О12-12 было прямо указано, что согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами, поскольку заключения психофизиологических экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключению экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам.

⁵⁶⁹ О дискуссии, связанной с методикой экспертного исследования, см., например, две точки зрения: *Комиссарова Я. В.* Научно-методические основы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 325–330; *Холодный Ю. И.* Необходимость апробации межведомственной методики судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Там же. С. 689–694.

⁵⁷⁰ См.: Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный приказом Министерства юстиции РФ от 27.12.2012 № 237.

⁵⁷¹ См.: приказ Министерства юстиции РФ от 19.09.2017 № 169 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

Осторожный подход неоднократно поддерживался в последующем⁵⁷² и в итоге получил воплощение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», которым в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» добавлено следующее положение: «Перед экспертом не могут быть поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученные в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со ст. 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу».

Сколько бы мы ни говорили, что полиграф является прибором, распознающим не ложь, а лишь психофизиологическое состояние обследуемого лица, тем не менее выносимые на исследование вопросы преследуют цель подтвердить или поставить под сомнение некие сообщенные факты, выявить скрываемую осведомленность допрошенного об обстоятельствах расследуемого события, то есть в конечном счете направлены на установление достоверности показаний. Ту же цель преследуют и психофизиологические исследования показаний по видеозаписям.

В литературе предпринимаются попытки разграничить «юридическую достоверность», находящуюся в ведении лица, ведущего производство по делу, и

⁵⁷² Например, в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 29.01.2014 № 66-АПУ13-85СП указывается, что психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей.

«психологическую достоверность»⁵⁷³, оценка которой может быть дана экспертом-психологом. Однако на сегодняшний день оценить достоверность показаний только исследованием поведения и реакций человека невозможно, независимо от того, понимаем мы достоверность показаний как их объективную истинность или же как субъективную искренность говорящего. Для такой оценки необходимо изучить все материалы дела и собранные доказательства, относящиеся к предмету диагностируемого сообщения, а иногда — предварительно выдвинуть и проверить следственным путем версии, следующие из сомнений в правдивости показаний. Немаловажно и то, что расщепление достоверности на юридическую и психологическую вызывает весьма веские формальные возражения⁵⁷⁴.

С учетом слабой связи выводов подобных психофизиологических исследования с главным фактом предмета доказывания⁵⁷⁵, а также недостаточной надежности имеющихся методик⁵⁷⁶ необходимо признать обоснованной позицию высшей судебной инстанции в том смысле, что результаты таких исследований не должны составлять элемент доказательственной базы и выступать основанием для принятия правовых решений, ограничивающих права человека.

Направления применения специальных знаний, вызывающие даже среди их сторонников дискуссии относительно задач, предмета и методов, вопросов, подлежащих разрешению, должны сначала пройти независимую апробацию, наработать эмпирическую базу, подтверждающую достоверность получаемых выводов тех или иных методик в тех или иных ситуациях расследования. Остается открытым и вопрос о целесообразности обретения данными исследованиями, имеющими сугубо ориентирующее значение,

⁵⁷³ См., например: *Ситковская О. Д.* Психология свидетельских показаний : научно-методическое пособие. М., 2007.

⁵⁷⁴ Об этом см.: *Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я., Васкэ Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафунов Ф. С., Шишков С. Н., Шипнин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н.* Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы».

⁵⁷⁵ Об этом говорилось в § 1 настоящей главы.

⁵⁷⁶ См., например: *Китаев Н.* Психофизиологическая экспертиза — «незаконнорожденное дитя» ОРД // Законность. 2007. № 3 (869). С. 37–40.

доказательственного статуса, что несет риски злоупотреблений и искусственного раздувания доказательственной базы в пользу одной из версий.

Опасности, которые несет чрезмерное доверие к результатам исследований на полиграфе, можно проиллюстрировать примером. В правоохранительные органы обратился гражданин с заявлением о том, что бывшие бизнес-партнеры пытались его убить, организовав поджог дома в ночное время (пожар удалось потушить своими силами). После возбуждения уголовного дела с повинной добровольно явился исполнитель этого поджога, который указал, что его нанял один из подозреваемых. В ходе следствия были назначены судебные психофизиологические исследования с применением полиграфа, которые подтвердили, что у обоих лиц «выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что обследуемый располагает информацией о деталях», отраженных в его показаниях, в том числе о причастности к организации преступления конкретных лиц. На этом основании подозреваемым было предъявлено обвинение в покушении на убийство и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако в ходе дальнейшего расследования никаких иных подтверждений причастности обвиняемых к поджогу не обнаружилось, при этом было выяснено, что несколько лет назад между ними и потерпевшим произошел конфликт ввиду наличия у последнего имущественных притязаний, которые он не мог подтвердить документально. В результате уголовное преследование данных граждан было прекращено.

Тем не менее в судебной практике можно найти много примеров, когда нижестоящие инстанции кладут заключения экспертов-полиграфологов в обоснование приговоров⁵⁷⁷. Согласно результатам проведенного анкетирования лишь 1 % следователей указали на недопустимость использования полиграфа в уголовном процессе, 43 % считают возможным использовать его в ходе экспертного исследования, 18 % — в ходе оперативно-розыскных мероприятий,

⁵⁷⁷ Например, апелляционным определением Московского городского суда от 16.11.2015 по делу № 10-15693/15 ходатайство защиты об исключении заключения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа судом отклонено, поскольку «данное заключение проверялось в ходе судебного следствия путем допроса эксперта, проводившего данное исследование».

14 % — в ходе следственных действий, а 24 % — в любой из данных процессуальных форм. При этом 14 % респондентов убеждены, что выводы эксперта-полиграфолога должны иметь доказательственное значение⁵⁷⁸. Такая практика вызывает опасения еще и по тем основаниям, что в отсутствие надлежащей системы подготовки и лицензирования специалистов-полиграфологов⁵⁷⁹ недостаточная квалифицированность и низкий морально-этический статус многих из них стали известны далеко за пределами юриспруденции⁵⁸⁰.

Сказанное позволяет прийти к выводу об отсутствии достаточно веских оснований для придания выводам исследований на полиграфе статуса доказательств. Однако это несколько не умаляет познавательной роли данных исследований и не отрицает того, что в динамике расследования они могут играть ключевую роль, позволяя вовремя распознать ложные показания (включая ложные доносы, оговоры и самооговоры⁵⁸¹), определить направления поисковой работы, собрать необходимую доказательственную базу. В этом смысле, несмотря на жесткую позицию Верховного Суда РФ, нет оснований для отказа от использования подобных исследований в иных формах (например, в ходе оперативно-розыскного мероприятия).

Разрабатываются всё новые технологии диагностики лжи. Весьма перспективным видится исследование возможностей внедрения в следственную практику прибора, который бы бесконтактным способом регистрировал психофизиологические реакции, а также внешние проявления эмоций (мимика, жесты) участников процесса в ходе следственных и иных процессуальных действий. Концепция создания одной из возможных версий данного технического

⁵⁷⁸ См.: приложение 1 «Результаты анкетирования следователей» (вопросы 19, 21).

⁵⁷⁹ О ситуации с подготовкой полиграфологов см.: *Холодный Ю. И.* Криминалистические исследования с применением полиграфа в форме экспертизы: от теории к практике // Сборник материалов учебно-методических сборов специалистов-полиграфологов правоохранительных органов (6–10 декабря 2010 г.). М., 2010. С. 171–172; *Он же.* Применение полиграфа в России: необходимо наводить порядок // Материалы Международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов правоохранительных органов «Инструментальная детекция лжи — 15 лет на страже закона: итоги пройденного и перспективы развития». Казань, 2009. С. 24–27.

⁵⁸⁰ См., например: *Психофизиология* : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 369.

⁵⁸¹ См.: *Полстовалов О. В., Шагмуратова З. А.* Применение полиграфа в качестве элемента криминалистической тактики избличения // *Российский следователь.* 2016. № 2. С. 19–23.

устройства разработана в рамках подготовки настоящей работы⁵⁸². Применение подобных технологий могло бы реализовать познавательный потенциал полиграфа, избежав некоторых из присущих ему недостатков (необходимость получать согласие на обследование, невозможность использования фактора внезапности, ресурсоемкая процедура). Причем использование такого прибора может осуществляться для решения оперативных задач непосредственно в ходе следственного действия и выступать базой для последующего более детального исследования записи впоследствии. Кроме того, его широкое распространение существенно усложнит применение к подследственным насилия и иных незаконных мер (пытки, психологического насилия), выступив дополнительной гарантией прав человека, а равно затруднит отказ недобросовестных участников процесса от данных на предварительном следствии показаний по мотиву якобы имевшего место неправомерного давления сотрудников правоохранительных органов. Актуальность этого направления разработок особенно велика в контексте недостаточного использования на современном этапе средств объективной фиксации хода вербальных следственных действий (аудио- и видеозапись), выявленного при изучении материалов уголовных дел⁵⁸³.

Развивающимся направлением инструментальной диагностики лжи является регистрация показателей мозговой активности. Для этого используются электроэнцефалографические и магнитноэнцефалографические методы, основанные на регистрации колебаний электрических потенциалов мозга с поверхности черепа⁵⁸⁴. Несмотря на то что данные технологии весьма перспективны, основанные на них методики все еще не прошли апробацию, не способны должным образом анализировать когнитивные процессы человека⁵⁸⁵ и потому на сегодняшний день не могут использоваться в качестве источников криминалистически значимой информации.

⁵⁸² См.: приложение 3 «Концепция создания технической системы для дистанционного определения динамики изменений психофизиологического состояния лица в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий».

⁵⁸³ См.: приложение 2 «Результаты изучения уголовных дел и приговоров» (вопросы 3, 16).

⁵⁸⁴ Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. С. 28–36.

⁵⁸⁵ *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе). С. 37.

В завершение необходимо подчеркнуть, что инструментальная диагностика лжи сходна по своей внутренней логике с органолептической диагностикой. Отличия имеют место лишь на эмпирической стадии, когда происходит сбор диагностических признаков, в то время как аналитическая стадия диагностирования в обоих случаях представляет собой комплексный анализ симптомов, построение и проверку диагностических версий в целях решения разнообразных познавательных задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для криминалистики диагностика лжи является одной из вечно актуальных тем, что связано с необходимостью принятия на предварительном следствии правовых и тактических решений в условиях дефицита информации и времени, а также конфликта между заинтересованными сторонами. Проведенное диссертационное исследование рассматриваемой темы позволяет сформулировать ряд выводов.

Научное осмысление динамики криминалистического познания опирается на систему понятий, характеризующих высказывания участников расследования, что влечет необходимость различения двух видов сущностей. Во-первых, сведений, соответствующих действительности и не соответствующих ей, что следует из основной задачи расследования — установления истины о произошедшем событии. Во-вторых, сообщений, преследующих цель введения реципиента в заблуждения и не преследующих такой цели. Разделение этих ситуаций необходимо, поскольку оно предопределяет тактическую ситуацию и арсенал приемов, подлежащих применению.

В этом свете ложь может быть определена как передача человеком информации, осознаваемой им как неистинной (неполной, искаженной), в целях введения другого человека в заблуждение, независимо от объективного соответствия или несоответствия передаваемой информации действительности, причем ложь имеет волевой и осознанный характер, а также фактологическое содержание.

В структуре криминалистического познания ложь может теоретически рассматриваться в качестве объекта, способа и результата этой деятельности. Совокупность этих типов составляет криминалистически релевантную ложь. Как объект познания ложь играет двойную роль, оказываясь в статусе элемента исследуемого события или его образа. Соответственно, криминалистическое познание лжи может преследовать задачи доказывания обстоятельств ее

совершения (в первом случае), а также ее выявления, преодоления и предупреждение (во втором случае).

Ложь в качестве способа криминалистического познания, преследующая правомерные цели, также может быть разделена на два вида. Во-первых, выделяется «диагностическая ложь», которая используется для проверки некой версии следователя, например о причастности проверяемого лица к преступному событию или о его информированности о неких обстоятельствах. Во-вторых, ложь может совершаться следователем в целях стимулирования сотрудничества и нейтрализации противодействия расследованию («побудительная ложь»).

Хотя результат или способ расследования может быть направлен на введение в заблуждение субъектов правоприменения, уполномоченных проверять принятое следователем итоговое решение, подобная ложь не относится к понятию криминалистического познания, поскольку следователь отступает от идеала установления истины и преследует противоправные цели, используя свои властные полномочия в качестве инструмента их достижения. Вместе с тем противозаконные действия следователя также представляют интерес для криминалистической науки.

Необходимым условием формирования тактико-психологической характеристики является классификация лжи. Наиболее значимыми основаниями деления выступают следующие: по соответствию передаваемой информации действительности (ложь с сообщением неистинной информации и ложь с сообщением истинной информации), по способу преобразования информации (умолчание и искажение), по числу субъектов лжи (межличностная, групповая, массовая), а также по процессуальному положению лжеца, по личности лжеца, по направленности относительно существа уголовного производства, по мотиву, по использованным средствам общения и по некоторым другим. Вместе с тем некоторые из распространенных в литературе делений лжи (полная и частичная ложь; криминальная и антикриминальная ложь) содержат определенные методологические неточности, что не позволяет отнести их к теоретически обоснованным классификациям.

Причины возникновения лжи в криминалистическом познании могут рассматриваться в различных измерениях: а) с позиций социально-психологической природы лжи и б) с точки зрения конкретно-индивидуальных мотивов лжеца.

Рассмотрение лжи в первом аспекте позволяет охарактеризовать ее как формируемую в процессе социализации систему взаимодействий психофизиологических компонентов его организма, функционирующую по определенным закономерностям, имеющим индивидуальный характер. Следствием этого вывода является то, что у лжи нет универсальных признаков, общих для всех людей.

Исследование непосредственных причин лжи в ходе криминалистического познания показывает, что она может быть обусловлена множеством независимых объективных и субъективных факторов. Ключевыми из них являются мотивы человека, изучение которых возможно только опосредованно путем изучения личности, предшествующего поведения человека, взаимоотношений с другими лицами, а также иными методами. В основе криминалистически релевантной лжи могут лежать стремления защитить себя или иных лиц, извлечь выгоду для себя или иных лиц, причинить ущерб кому-либо и иные.

Отличия в формировании лжи и правды лежат в интеллектуальной и эмоциональной сферах. В интеллектуальной сфере специфика лжи сводится к тому, что задействуются творческое воображение и другие психические ресурсы, не используемые при сообщении правды. Отличия в эмоциональной сфере заключаются в том, что лжец может переживать не только эмоции, вызванные припоминанием, но и эмоции, вызванные самим фактом лжи. При этом процессы, сопровождающие акты передачи информации, имеют широкие и непрогнозируемые межиндивидуальные различия, поэтому нет и не может быть общего для всех людей проявления поведения, свидетельствующего о ложности или об искренности сообщения.

Криминалистическое выявление лжи — это познавательная деятельность следователя в целях выяснения того, является ли некое сообщение ложью.

Теоретическими основами данной деятельности являются частное учение о криминалистической диагностике, иные положения общей теории криминалистики (учение о версии, учение о личности участников расследования и так далее), отдельные положения криминалистической техники и криминалистической тактики, а также данные иных наук, прежде всего относящихся к психологическому циклу. Объектами, вовлеченными в диагностический процесс, являются: диагностируемый объект (акт передачи информации), диагностические признаки (проявления свойств лжи или искренности в вербальном, невербальном и физиологическом информационных полях), а также диагностирующие объекты (теоретические сведения о лжи, образцы поведения человека, сведения об обсуждаемом предмете и тому подобное).

Криминалистический метод выявления лжи может быть определен как совокупность приемов и операций деятельности верификатора, совершаемой для решения диагностической задачи. К методам выявления лжи предъявляются требования законности, этичности, научной обоснованности, избирательности и познавательной ценности.

Применительно к требованиям законности и этичности возникает ряд острых вопросов. Спорной является возможность применения следователем лжи как метода воздействия на участников уголовного дела. С учетом результатов настоящего исследования обоснованной представляется недопустимость применения следователем искажения при ограниченной допустимости умолчания о неких фактах, обладающего избирательным воздействием.

Проблемный характер применительно к теме диагностики лжи имеет и требование научной обоснованности — подтвержденности используемых методов результатами научного познания, что связано с необходимостью для криминалистики заимствовать данные иных наук. Беспокойство вызывает распространение необоснованных суждений о лжи и ее признаках, а также рекомендаций применять антинаучные методы (например, экстрасенсорику).

В иерархии методов криминалистики особое значение для выявления лжи имеют общенаучные методы наблюдения и эксперимента, специальные методы наук психологического цикла, а также криминалистической тактики. Познавательная ценность наблюдения при выявлении лжи достигается за счет таких его качеств, как преднамеренность, планомерность, целенаправленность, активность и систематичность. Метод эксперимента выступает основой для психологического воздействия верификатора на диагностируемое лицо. Принципами данного воздействия являются индивидуальный подход, установление психологического контакта, рефлексивное управление, рациональное использование информации.

Выявление лжи по видимым признакам (органолептическая диагностика лжи) основано на наблюдении верификатора за признаками поведения адресанта без применения специальной аппаратуры. Сложности данной деятельности состоят в отсутствии однозначных признаков лжи, а также в том, что на современном этапе развития науки трудно определить строгую систематичность отбора исследуемых признаков в огромном массиве информации, передаваемой при общении, которую можно условно разделить на три диагностических поля: вербальная информация, невербальная информация и наблюдаемые физиологические реакции.

К вербальным признакам лжи относятся внешние и внутренние противоречия, а также особенности содержания диагностируемого сообщения. Невербальные признаки поведения и проявления висцеральных процессов могут свидетельствовать о переживании определенных эмоций или о противоречии между чувствами и словами, что в определенных случаях обладает диагностической ценностью.

Инструментальная диагностика лжи заключается в регистрации физиологических реакций диагностируемого лица в ответ на предъявляемые стимулы и формулировании на основе этого выводов о наличии либо об отсутствии определенных следов в памяти последнего. Проблематичность этих исследований связана с «тестом контрольных вопросов», который имеет

склонность к ошибочному обвинению диагностируемого лица во лжи. Вместе с тем инструментальные исследования с применением полиграфа, проводимые по методике выявления «виновной осведомленности», могут быть эффективно использованы при решении отдельных задач криминалистического познания в неочевидных ситуациях на первоначальном этапе расследования.

Итак, криминалистика все еще не имеет возможностей для получения достоверной информации о том, лжет человек или говорит правду, на основе исследования его поведения. Диагностика лжи, неразрывно связанная с проверкой информации, выполняет вспомогательную, ориентирующую (но не доказательственную) функцию, что не умаляет ее высокого познавательного значения и ценности для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Не претендуя на всесторонность, полноту и бесспорность изложенных положений, автор выражает надежду, что они будут способствовать научным поискам и изучению лжи в криминалистике. Перспективными направлениями исследований видятся в том числе:

— углубление тактико-психологической характеристики лжи и теоретического осмысления криминалистических методов ее выявления, в том числе проведение комплексных научных исследований;

— разработка с позиций криминалистики, уголовно-процессуального права и следственной этики нормативной регламентации использования лжи следователем (границы дозволенного, последствия нарушений);

— исследование возможностей обучения практических работников навыкам выявления лжи на основании наблюдения за вербальными и невербальными признаками поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 30.12.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в редакции от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Проект федерального закона № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утвержден Председателем Следственного комитета Российской Федерации 11 апреля 2011 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

10. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19.09.2017 № 169 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

11. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

12. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 09.01.2013 № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» (вместе с Положением об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, Положением о Центральной экспертно-

квалификационной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

13. Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

14. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010, протокол № 1) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Судебная практика, материалы уголовных дел

21. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 г. (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 3 апреля 2013 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2014 № 66-АПУ13-85СП // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

23. Апелляционное определение Московского областного суда от 10.11.2015 по делу № 22-7446/15 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

24. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.11.2015 по делу № 10-15693/15 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

25. Приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля по делу № 1-12/2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

26. Материалы уголовного дела № 04143, возбужденного в прокуратуре Октябрьского района г. Красноярск в 1984 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

27. Материалы уголовного дела № 13059344, возбужденного в Управлении внутренних дел г. Красноярск в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

28. Материалы уголовного дела № 13052176, возбужденного в УВД Железнодорожного района г. Красноярск в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

29. Материалы уголовного дела № 13050046, возбужденного в Железнодорожном РУВД Красноярского края в 2003 г. // Архив

Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

30. Материалы уголовного дела № 13059454, возбужденного в УВД г. Красноярск в 2003 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

31. Материалы уголовного дела № 14014831, возбужденного в прокуратуре Кировского района г. Красноярск в 2004 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

32. Материалы уголовного дела № 16014715, возбужденного в Кировском РУВД Красноярского края в 2006 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

33. Материалы уголовного дела № 36067-30, возбужденного в прокуратуре Московской области в 1965 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

34. Материалы уголовного дела № 9051987, возбужденного в Железнодорожном РУВД Красноярского края в 2002 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

35. Материалы уголовного дела № 20152, возбужденного Сибирским УВД на транспорте в 2004 г. // Архив Криминалистического центра Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Монографии, учебники, пособия

36. *Алексеев Л. Г.* Психофизиология детекции лжи: методология. — М. : Мастерская прикладной психофизиологии, 2011. — 108 с.

37. *Анохин П. К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. — М. : Наука, 1980. — 195 с.

38. *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики. — М. : ЛексЭст, 2001. — 100 с.

39. *Ахмедшин Р. Л.* Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н. Т. Ведерников. — Томск : Издательский дом ТГУ, 2015. — 294 с.
40. *Баев О. Я.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний : научно-практическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 248 с.
41. *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. — Воронеж : Издательство ВГУ, 1992. — 208 с.
42. *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. — М. : Экзамен, 2003. — 432 с.
43. *Баев О. Я., Комаров И. М.* Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики : научно-практическое издание. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 264 с.
44. *Бахин В. П.* Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 гг.). — Киев, 2002. — 268 с.
45. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М. : Норма, 2001. — 240 с.
46. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1 : Общая теория криминалистики. — М. : Юристъ, 1997. — 408 с.
47. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории. — М. : Юристъ, 1997. — 464 с.
48. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М. : Юристъ, 1997. — 480 с.
49. *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. — М. : ВШ МВД СССР, 1970. — 130 с.
50. *Бертовский Л. В.* Допрос: тактика и технологии. — М. : Экзамен, 2015. — 303 с.
51. *Блинова И. В., Козулева А. А.* Психодиагностика лжи в показаниях допрашиваемых лиц : методические рекомендации для следователей. — Иркутск : Издательство Иркутского института прокурорских работников ГП РФ, 2004. — 54 с.

52. *Богинский В. Е.* Рефлексивное управление при допросе : учебное пособие. — Харьков : Харьковский юридический институт, 1983. — 40 с.
53. *Бороздина Г. В.* Психология делового общения. — М. : Инфра-М, 2006. — 224 с.
54. *Бочарова С. П.* Психология и память. Теория и практика для обучения и работы. — Харьков : Гуманитарный центр, 2007. — 379 с.
55. *Брызгалина Е. В.* Концепции современного естествознания. — М. : Проспект, 2013. — 496 с.
56. *Валгина Н. С.* Теория текста. — М. : Логос, 2003. — 173 с.
57. *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М. : ЛексЭст, 2002. — 76 с.
58. *Васильев А. Н., Стетичев С. С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. — М. : Госюриздат, 1959. — 48 с.
59. *Васильев В. Л.* Юридическая психология : учебник для вузов. — СПб. : Питер, 2009. — 583 с.
60. *Великородный П. Г.* Идентификационные исследования способа совершения преступлений в целях поиска преступника : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 144 с.
61. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. — М. : Наука, 1989. — 262 с.
62. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. — Тула : Автограф, 2000. — 464 с.
63. *Гальперин П. Я., Кобильницкая С. Л.* Экспериментальное формирование внимания. — М. : Издательство Московского университета, 1974. — 102 с.
64. *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвоката в уголовном процессе. — М. : Автор, 2010. — 361 с.
65. *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. — М. : ЛексЭст, 2002. — 335 с.
66. *Горбунова М. Ю.* Социальная психология. — М. : Владос-Пресс, 2006. — 223 с.

67. *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. — М. : Алгоритм, 2002. — 288 с.
68. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — М. : ЛексЭст, 2002. — 1088 с.
69. *Гусева Е., Мостовюк М., Кулик А.* Записки профайлера. На основе практического опыта. — М. : Издательские решения, 2015. — 150 с.
70. *Данилова Н. Н.* Психофизиология : учебник для вузов. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 368 с.
71. *Доспулов Г. Г.* Психология допроса на предварительном следствии. — М. : Юридическая литература, 1976. — 112 с.
72. *Дубровский Д. И.* Обман. Философско-психологический анализ. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. — 336 с.
73. *Дюпра Ж.* Ложь : пер. с фр. — Саратов, 1905. — 114 с.
74. *Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). — М. : Юрлитинформ, 2016. — 328 с.
75. *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. — М. : Норма, 2005. — 640 с.
76. *Зайцева И. А.* Процессуальные и тактические особенности допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 232 с.
77. *Закатов А. А.* Ложь и борьба с нею. — Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1984. — 192 с.
78. *Закатов А. А.* Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних : учебное пособие. — Волгоград : Высшая следственная школа, 1979. — 96 с.
79. *Закатов А. А.* Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. — Волгоград : Высшая следственная школа, 1976. — 71 с.

80. *Зерин С. Н.* Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших. — М., 2013. — 96 с.
81. *Знаков В. В.* Психология понимания правды. — СПб.: Алетейя, 1999. — 281 с.
82. *Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы. — М.: Институт психологии РАН, 2005. — 448 с.
83. *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса: учебно-практическое пособие. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 320 с.
84. *Зыков В. В.* Системный анализ: учебное пособие. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. — 384 с.
85. *Игнатьев М. Е., Комаров И. М.* Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений: монография. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 328 с.
86. *Ильченко С. Н.* Шоу-цивилизация: конец реальности?: монография. — СПб.: ИВЭСЭП, 2014. — 198 с.
87. *Ищенко Е. П.* Полиграф Полиграфович. — М.: РГ-Пресс, 2020. — 200 с.
88. *Ищенко Е. П., Егоров Н. Н.* Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2014. — 699 с.
89. *Калашник Я. М.* Судебная психиатрия. — М.: Госюриздат, 1961. — 383 с.
90. *Карпенко О. А., Лавров В. П.* Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 144 с.
91. *Кертэс И.* Тактика и психологические основы допроса. — М.: Юридическая литература, 1965. — 165 с.
92. *Кикнадзе Д. А.* Потребности. Поведение. Воспитание. — М.: Мысль, 1968. — 148 с.
93. *Князев В., Варламов Г.* Полиграф и его практическое применение. — М.: Принт-Центр, 2012. — 860 с.

94. *Колдин В. Я.* Криминалистический анализ : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 528 с.
95. *Колдин В. Я.* Судебная идентификация. — М. : ЛексЭст, 2002. — 528 с.
96. *Колдин В. Я., Полевой Н. С.* Информационные процессы и структуры в криминалистике. — М. : Издательство Московского университета, 1965. — 134 с.
97. *Комаров И. М.* Криминалистические операции досудебного производства. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 400 с.
98. *Комаров И. М., Лакомская М. Ю.* Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций : монография. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 144 с.
99. *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2016. — 192 с.
100. *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 368 с.
101. *Комиссарова Я. В., Мягих Н. И., Пеленицын А. Б.* Полиграф в России и США: проблемы применения. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 222 с.
102. *Коновалова В. Е.* Психология в расследовании преступлений. — Харьков : Издательство при Харьковском университете, 1978. — 143 с.
103. *Корма В. Д.* Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 200 с.
104. *Корма В. Д.* Тактико-криминалистические особенности использования оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений : учебное пособие. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 192 с.
105. *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 416 с.
106. *Корнфорт М.* Диалектический материализм. — М. : Издательство иностранной литературы, 1956. — 498 с.
107. *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практическое пособие. — М. : Норма-Инфра-М, 1998. — 288 с.

108. *Корухов Ю. Г.* Трасологическая диагностика : методическое пособие для экспертов. — М. : ВНИИСЭ, 1983. — 46 с.

109. *Крестовников О. А.* Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики / под общ. ред. В. Я. Колдина. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 272 с.

110. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития : кол. монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2016. — 208 с.

111. Криминалистика : учебник для магистратуры / под общ. ред. И. В. Александрова. — М. : Юрайт, 2014. — 336 с.

112. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. — М. : Юристъ, 2005. — 781 с.

113. Криминалистика : учебник : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Экзамен, 2014. — 511 с.

114. Криминалистика : учебник : в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Экзамен, 2014. — 559 с.

115. Криминалистика. Полный курс : в 2 ч. : учебник для бакалавриата и специалитета. Ч. 1 / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. — 6-е изд. перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 449 с.

116. Криминалистика: информационные технологии доказывания : учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. — М. : Зерцало-М, 2007. — 752 с.

117. Криминалистическая тактика : учебник / под общ. ред. А. С. Сорочкина. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 728 с.

118. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений : монография / А. Ю. Головин, О. П. Грибунов, А. А. Бибииков. — Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. — 164 с.

119. *Кручинина Н. В.* Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе. — М., 2003. — 296 с.

120. *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). — М. : ТК Велби, Проспект, 2007. — 176 с.
121. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение : учебник для вузов. — СПб. : Питер, 2003. — 544 с.
122. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
123. *Лаврухин С. В., Комягина Ю. С.* Основы криминалистической методологии : учебное пособие. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 336 с.
124. *Ларин А. М.* Криминалистика и паракриминалистика : научно-практическое и учебное пособие. — М. : Бек, 1996. — 192 с.
125. *Леонтьев А. А.* Психология общения : учебное пособие. — М. : Смысл; Академия, 2008. — 368 с.
126. *Лефевр В. А., Смолян Г. Л.* Алгебра конфликта. — М. : Знание, 1968. — 50 с.
127. Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / под науч. ред. Б. С. Волкова. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1972. — 188 с.
128. *Лоер В.* Криминалистика : учебник // URL: <https://be5.biz/pravo/k015/29.html#1> (дата обращения: 10.08.2021).
129. Ложь в праве / О. Липманн, Л. Адам. — Харьков : Юрид. из-во Украины, 1929. — 48 с.
130. *Маклаков А. Г.* Общая психология. — СПб. : Питер, 2001. — 592 с.
131. *Махтаев М. Ш., Яблоков Н. П.* Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 288 с.
132. *Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения : практикум по психодиагностике. — СПб. : Речь, 2001. — 253 с.
133. *Мелибурда Е.* Я — Ты — Мы. Психологические возможности улучшения общения. — М. : Прогресс, 1986. — 256 с.

134. Методика выявления психологических признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) : научно-практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. — М. : ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2017. — 130 с.

135. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. — М. : Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2018. — 192 с.

136. Методические рекомендации по проведению в АНО «ЦНКЭС» психофизиологического исследования с применением полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы научного использования в борьбе с преступностью : материалы международного научно-практического форума / под ред. В. Н. Хрусталева, Л. Н. Иванова. — Саратов : СЮИ МВД России, 2006. — С. 85–100.

137. *Мешков В. М.* Криминалистическая тактика : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 208 с.

138. *Минто В.* Индуктивная и дедуктивная логика. — М. : КомКнига, 2010. — 250 с.

139. *Монтень М.* Опыты. Полное издание в одном томе : пер. с фр. — М. : Альфа-Книга, 2009. — 1149 с.

140. *Москвин Е. О.* Тактический прием. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 88 с.

141. *Николов Л.* Структуры человеческой деятельности. — М. : Прогресс, 1984. — 176 с.

142. Обоснование правового решения. Фактологический анализ : учебно-практическое пособие / В. Я. Колдин, А. В. Колдин, О. А. Крестовников. — М., 2014. — 512 с.

143. *Образцов В. А.* Криминалистика: избранные труды : сборник научных трудов. — М. : Проспект, 2017. — 368 с.

144. *Образцов В. А.* Криминалистика: парные категории. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 296 с.

145. *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 240 с.

146. *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л.* Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 408 с.

147. *Образцов В. А., Богомолова С. Н.* Криминалистическая психология. — М. : Закон и право, 2002. — 448 с.

148. *Образцов В. А., Кручинина Н. В.* Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации : научно-методическое пособие. — М. : Книжная находка, 2002. — 160 с.

149. *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе) : академический курс. — Ярославль : Ньюанс, 2004. — 464 с.

150. *Пеленицын А. Б., Сошников А. П.* Современные технологии применения полиграфа. — М. : Издательство АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015. — 224 с.

151. *Пиз А.* Язык телодвижений. — СПб. : Издательский дом Гутенберг, 1997. — 250 с.

152. *Поповичев С. В.* Легко солгать тяжело. Инструментальная детекция лжи: от идеологии к технологии. — М. : Эпос, 2011. — 399 с.

153. *Порубов А. Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / под ред. И. И. Басецкого. — Минск : Амалфея, 2002. — 176 с.

154. *Порубов Н. И.* Тактика допроса на предварительном следствии. — Минск. : Бек, 1998. — 208 с.
155. *Поташник Д. П.* Криминалистическая тактика : учебное пособие. — М. : Зерцало, 1998. — 64 с.
156. Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. — М. : Наука, 1974. — 272 с.
157. Психологическая диагностика : учебное пособие / под ред. М. К. Акимовой. — М. : Питер, 2005. — 304 с.
158. Психофизиология : учебник / под ред. Ю. И. Александрова. — СПб. : Питер, 2014. — 464 с.
159. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 248 с.
160. *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
161. *Ратинов А. Р., Адамов Ю. П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). — М., 1976. — 135 с.
162. *Ратинов А. Р., Скотникова Т. А.* Самооговор. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний. — М., 1973. — 142 с.
163. *Романов В. В.* Юридическая психология : учебник. — М. : Юрайт, 2012. — 533 с.
164. *Романов В. В.* Юридическая психология : учебник. — М. : Юристь, 2000. — 488 с.
165. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — СПб. : Питер, 2002. — 720 с.
166. *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. — М. : Юридическая литература, 1982. — 152 с.
167. *Семенов В. В., Иванов Д. Л., Иванов Л. Н.* Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности : учебно-методическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 208 с.

168. Семенов В. В., Иванов Л. Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 184 с.
169. Ситковская О. Д. Психология свидетельских показаний : научно-методическое пособие. — М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. — 80 с.
170. Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. — М. : Высшая школа, 1972. — 95 с.
171. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. — М. : Юрист, 1999. — 501 с.
172. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. — Краснодар, 2017. — 332 с.
173. Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека в раскрытии и расследовании преступлений. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 248 с.
174. Соловьев А. Б. Использование полученных доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России (уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы) : монография. — М., Юрлитинформ, 2019. — 144 с.
175. Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. — М., 1986. — 119 с.
176. Солсо Р. Когнитивная психология. — 6-е изд. — СПб. : Питер, 2011. — 589 с.
177. Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н. Полиграф в практике расследования преступлений : методические рекомендации. — М. : Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики, 2008. — 186 с.
178. Судебная психиатрия : учебник для вузов / Н. М. Жариков, В. П. Котов, Г. В. Морозов, Д. Ф. Хритинин. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 560 с.
179. Сунь-цзы. Искусство войны. — М. : Яуза : Эксмо, 2018. — 304 с.

180. *Тарасов А. Н.* Современные формы корпоративного мошенничества : практическое пособие. — М. : Юрайт, 2015. — 320 с.
181. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М. : Юридическая литература, 1973. — 736 с.
182. Философия и методология познания : учебник для магистров и аспирантов / под общ. и науч. ред. В. Л. Обухова, Ю. Н. Солонина, В. П. Сальникова и В. В. Васильковой. — СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. — 560 с.
183. *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. — 284 с.
184. *Харрис С.* Ложь. Почему говорить правду всегда лучше. — М. : Альпина Паблишер, 2015. — 143 с.
185. *Холодный Ю. И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты) : монография. — М. : Мир безопасности, 2000. — 160 с.
186. *Цветков В. Л., Караяни А. Г., Хрусталева Т. А., Красношастова Н. Н., Статный В. М., Эриашвили Н. Д.* Профайлинг в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / под ред. В. Л. Цветкова. — М. : Юнити-Дана, 2014. — 256 с.
187. *Центров Е. Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. — М. : Издательство Московского университета, 1988. — 160 с.
188. *Центров Е. Е.* Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 264 с.
189. Частный детектив: правовое положение и методы работы / отв. ред. В. Е. Гущев. — Н. Новгород : Нижегородская высшая школа МВД Российской Федерации, 1993. — 164 с.
190. *Челпанов В. Г.* Учебник логики. — М. : Научная библиотека, 2010. — 128 с.
191. *Шейнов В. П.* Ложь и приемы защиты от нее. — СПб. : Питер, 2017. — 119 с.

192. *Шейнов В. П.* Скрытое управление человеком (психология манипулирования). — Минск : АСТ, 2001. — 431 с.

193. *Шнейкерт Г.* Тайна преступника и пути ее раскрытия (к учению о судебных доказательствах). — М. : Право и жизнь, 1925. — 64 с.

194. *Щербатых Ю. В.* Искусство обмана : популярная энциклопедия. — М. : Эксмо, 2005. — 720 с.

195. *Эйсман А. А.* Логика доказывания. — М. : Юрид. лит., 1971. — 112 с.

196. *Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. — СПб. : Питер, 2010. — 460 с.

197. *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 445 с.

198. *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник. — М. : Юрайт, 2013. — 280 с.

199. *Якимов И. Н., Михеев П. П.* Искусство допроса : практическое пособие для допрашивающих. — М. : Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1928. — 64 с.

200. *Якушин С. Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. — Казань : Издательство Казанского университета, 1983. — 105 с.

201. *Ekman P.* Telling lies. — New York ; London : W. W. Norton & Company, Inc., 1997. — 416 p.

202. *Gross H.* Criminal psychology: a manual for judges, practitioners and students. — Boston : Little, Brown, and Company, 1918.

203. The Polygraph and Lie Detection / National Research Council of the National Academies. — Washington, D.C. : The National academic press, 2003. — 426 p.

204. *Vrij A.* Detecting Lies and deceit: pitfalls and opportunities. — Second edition. — England : John Wiley & Sons Ltd, 2008. — 488 p.

Диссертации и авторефераты

205. *Андреев А. С.* Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Ростов н/Д, 2001. — 195 с.

206. *Брайцева Е. А.* Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — М., 2002. — 24 с.

207. *Быховский И. Е.* Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08, 12.00.09. — М., 1975.

208. *Власов А. И.* Психолого-акмеологические технологии выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06. — М., 2010. — 255 с.

209. *Грибунов О. П.* Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. — Ростов н/Д, 2016. — 543 с.

210. *Дубровин С. В.* Основы криминалистической диагностики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. — М., 2005. — 309 с.

211. *Карнаухова О. Г.* Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — СПб., 2015. — 225 с.

212. *Карпенко О. А.* Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — М., 2018. — 214 с.

213. *Коновалова В. Е.* Теоретические проблемы следственной тактики (познавательная функция логики и психологии в следственной тактике) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1966. — 30 с.

214. *Красников М. А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. — М., 2006. — 208 с.

215. *Крюкова Е. С.* Закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой, и особенности использования сведений о них в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — М., 2020. — 250 с.

216. *Лифанова М. В.* Выявление и разоблачение ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Уфа, 1997. — 254 с.
217. *Лушечкина М. А.* Криминалистическое изучение личности в тактике расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — М., 2002. — 217 с.
218. *Любимова Н. Г.* Реконструкция «имплицитных теорий» личности о лжи и обмане : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. — Хабаровск, 2003. — 199 с.
219. *Малютин М. П.* Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Краснодар, 2001. — 194 с.
220. *Мартыненко Р. Г.* Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Краснодар, 2004. — 194 с.
221. *Москвин Е. О.* Тактико-психологические приемы следователя (основы формирования и воздействия) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Воронеж, 2003. — 238 с.
222. *Никитина Е. В.* Взаимосвязь образа ситуации лжи с поведением личности (на примере представителей социономического типа профессий) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. — Казань, 2009. — 163 с.
223. *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. — Уфа, 2009. — 642 с.
224. *Полстовалов О. В.* Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Уфа, 2000. — 300 с.
225. *Полтавцева Л. И.* Интеграция достижений психологии в криминалистику : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. — Волгоград, 2003. — 381 с.
226. *Рзаев Т. Ю.* Современные проблемы теории практики допроса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — М., 2002. — 28 с.
227. *Семенова И. В.* Тактические и психологические основы получения от потерпевших правдивых показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Краснодар, 2009. — 30 с.

228. *Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. — М., 1998. — 114 с.
229. *Смирчинская В. В.* Педагогические условия коррекции детской лжи : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. — М., 1993. — 168 с.
230. *Соколова О. А.* Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. — М., 2018. — 650 с.
231. *Суворова Л. А.* Идеальные следы в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Воронеж, 2005. — 245 с.
232. *Сулейманова С. А.* Тактико-криминалистические средства, используемые в работе с несовершеннолетними при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — М., 2017. — 29 с.
233. *Тарасов К. Е.* Общая методология процесса диагностики как специфического вида познания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 1969. — 34 с.
234. *Тотиков Т. М.* Выявление и расследование незаконных методов ведения следствия (дознания) в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Саратов, 2008. — 233 с.
235. *Ушаков О. М.* Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Владивосток, 2004. — 189 с.
236. *Филимонова И. В.* Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Барнаул, 2007. — 254 с.
237. *Чегодаева С. С.* Криминалистическое исследование улик поведения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — М., 2000. — 159 с.
238. *Шепелева С. В.* Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — СПб., 2001. — 205 с.
239. *Шмидт А. А.* Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1973. — 218 с.

Статьи и другие публикации

240. *Абрамовский А. А.* Профайлинг: понятие и основные направления его развития в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 4. — С. 48–56.
241. *Алымов Д. В., Еськова Н. В.* Криминалистическое изучение личности как элемент системы частных научных теорий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». — 2019. — № 2 (31). — С. 81–91.
242. *Архипова А. Н., Китаев Н. Н.* Историческая казуистика судебно-следственных ошибок по делам об убийствах «без трупа» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». — 2010. — Т. 23 (62). — № 1. — С. 299–303.
243. *Архипова А. Н., Китаев Н. Н.* О попытках внедрения приемов магии в современную криминалистику // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». — 2010. — Т. 23 (62). — № 2. — С. 227–234.
244. *Белкин Р. С.* Общая теория криминалистики в условиях НТР // Советское государство и право. — 1977. — № 5. — С. 98–106.
245. *Беляева Е. Р.* Мотивы и цели совершения фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности как элементы криминалистической характеристики данного преступления // Полицейская и следственная деятельность. — 2016. — № 2. — С. 13–21.
246. *Бертовский Л. В.* Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2020. — Т. 24. — № 4. — С. 1100–1121.
247. *Болтнев В. Н., Лавров Ю. И.* О «психологических хитростях» в следственной тактике // Следственная практика. — 1966. — № 71. — С. 86–69.
248. *Гаврилова Н. И.* Внушение как фактор, деформирующий свидетельские показания // Труды Высшей школы МВД СССР. — М. : НИиРИО МВД СССР, 1974. — Вып. 36. — С. 38–44.

249. *Головкин Д. Б., Зыбин Д. Г.* «Фейк» как правовое понятие // Вестник Воронежского института ФСИИ России. — 2018. — № 4. — С. 132–138.

250. *Грибунов О. П.* Организация обучения сотрудников органов внутренних дел методике профайлинга // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы девятнадцатой всероссийской научно-методической конференции. — Иркутск : Издательство Восточно-Сибирского института МВД России, 2014. — С. 41–43.

251. *Грибунов О. П.* Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля // Российский следователь. — 2016. — № 5. — С. 3–7.

252. *Грибунов О. П., Долматова М. О.* Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 1. — С. 56–65.

253. *Енгальчев В. Ф.* Дистанционная психодиагностика личности: история, методы, предмет // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике : материалы международной научно-практической конференции. — М. : РАГС, 2001. — С. 99–101.

254. Житель Ногинска заказал убийство пасынка в счет погашения несуществующего долга // URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/04/01/zhitel-noginska-zakazal-ubiystvo-pasynka-v-schet-pogasheniya-nesushhestvuyushhego-dolga.html> (дата обращения: 26.04.2021).

255. *Журавлев Ю. Г.* Ложь и сопутствующие категории как объект исследования криминалистики // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. — Оренбург, 2011. — Вып. 13. — С. 189–206.

256. *Знаков В. В.* Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15. — № 6. — С. 252–253.

257. *Знаков В. В.* Категория правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. — 1994. — № 2. — С. 55–64.

258. *Знаков В. В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. — 1993. — № 2. — С. 9–16.

259. *Исайчев Е. С., Исайчев С. А.* Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. — 2016. — № 4 (88). — С. 202–214.

260. *Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 15. — С. 70–77.

261. *Карпенко О. А.* Криминалистический профайлинг: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 4. — С. 176–183.

262. *Китаев Н.* Психофизиологическая экспертиза — «незаконнорожденное дитя» ОРД // Законность. — 2007. — № 3 (869). — С. 37–40.

263. *Китаев Н. Н.* «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел // В защиту науки. — 2008. — Бюллетень № 4. — С. 102–143.

264. *Китаев Н. Н.* Гипноз в криминалистике // Законность. — 2004. — № 6. — С. 55–56.

265. *Китаев Н. Н.* Несостоятельность помощи экстрасенсов в оперативно-розыскной деятельности (правда и вымысел о «вещунье» Кларе из Карелии) // Оперативник (сыщик). — 2006. — № 3 (8). — С. 29–31.

266. *Китаев Н. Н.* Экстрасенсы и шаманы в расследовании преступлений // В защиту науки. — 2009. — Бюллетень № 5. — С. 52–70.

267. *Китаева В. Н., Китаев Н. Н.* Применение гипноза при поисках трупа человека: проблемные вопросы // Закон и право. — 2018. — № 12. — С. 125–127.

268. *Козулева А. А.* Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 3 (46). — С. 67–73.

269. *Колесникова Н. С.* Понятие и виды криминалистической информации // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 2. — С. 212–215.

270. *Комаров И. М.* Новые трактовки понятия «следственное действие»: вопросы и пути их решения // Процессуальные действия вербального характера : сборник статей по материалам всероссийского круглого стола / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. — СПб., 2017. — С. 8–16.

271. *Комиссарова Я. В.* Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2012. — № 3 (4). — С. 251–275.

272. *Комиссарова Я. В.* Научно-методические основы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вопросы экспертной практики. — 2019. — № S1. — С. 325–330.

273. *Коробов В. В.* О некоторых вопросах психофизиологических исследований в российском уголовном процессе // Вестник Следственного комитета Российской Федерации. — 2012. — № 2 (16). — С. 68–71.

274. *Красуский В. Т.* О некоторых психологических приемах расследования // Следственная практика. — М., 1964. — Вып. 65. — С. 98–105.

275. *Крюкова Е. С., Центров Е. Е.* Научные основы теоретических представлений об изучаемых криминалистикой закономерностях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2019. — № 2. — С. 38–60.

276. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // Метод : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. — М. : ИНИОН РАН, 2014. — Вып. 4. — С. 429–450.

277. *Линде Н. Д.* О теории отражения // Психология в вузе. — 2005. — № 1. — С. 119–129.

278. *Лурия А. Р.* Диагностика следов аффекта // Психология эмоций : Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М. : Издательство Московского университета, 1984. — С. 228–235.

279. *Лурия А. Р.* Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. — 1927. — № 2 (26). — С. 84–100.

280. *Лушечкина М. А.* Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Московского университета. — 1982. — № 3. — С. 75–82.

281. *Лушечкина М. А.* Современные проблемы применения тактических приемов, требующих профессиональной коммуникативной компетенции следователя // Актуальные проблемы криминалистической тактики : сборник материалов круглого стола (Москва, 24 мая 2019 г.). — М., 2019. — С. 80–85.

282. *Маркитанов А. А.* Полиграфы России // Российский полиграф. — 2009. — Вып. 4. — С. 52–64.

283. *Новиков С. А.* О возможности поощрения правдивых показаний свидетелей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2006. — № 1 (264). — С. 180–182.

284. *Пиков И. Е.* Использование знаний в области психологии при выявлении ложных показаний на предварительном следствии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 99. — С. 223–226.

285. *Пискарев Б. А.* Правильно избранная тактика допроса подозреваемого определила успешность его результатов // Следственная практика (СССР). — 1970. — Вып. 86. — С. 26–41.

286. *Подвойский К. В.* Возможности использования криминалистикой цифровых технологий для диагностики лжи // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием 5 апреля 2019 г. — М. : РГ-Пресс, 2019. — С. 167–172.

287. *Подвойский К. В.* Диагностика лжи в системе криминалистики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью : материалы I Международной заочной научно-практической конференции. — М., 2019. — С. 121–127.

288. *Подвойский К. В.* К вопросу о научной обоснованности криминалистических рекомендаций по выявлению лжи // Сборник тезисов

докладов круглого стола «Тенденции развития криминалистики глазами молодых ученых». — М., 2018. — С. 99–105.

289. *Подвойский К. В.* Криминалистическая диагностика лжи по вербальным признакам // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 125–131.

290. *Подвойский К. В.* Криминалистическая классификация лжи // Законодательство. — 2019. — № 7. — С. 56–62.

291. *Подвойский К. В.* Криминалистическое исследование происхождения лжи // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 3. — С. 133–143.

292. *Подвойский К. В.* Ложь в структуре криминалистического познания (статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2021. — № 3. — С. 120–128.

293. *Подвойский К. В.* Ложь в структуре криминалистического познания (статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2020. — № 6. — С. 87–94.

294. *Подвойский К. В.* Ложь следователя: познавательный потенциал и допустимость // Вклад Валентина Яковлевича Колдина в отечественную криминалистику : сборник материалов по результатам работы Международного научно-практического форума — круглого стола, посвященного памяти профессора кафедры криминалистики Колдина Валентина Яковлевича. — М. : Юрлитинформ, 2021. — С. 164–170.

295. *Подвойский К. В.* Некоторые вопросы тактики преодоления лжи // Сборник тезисов докладов II круглого стола «Тенденции развития криминалистики глазами молодых ученых». — М., 2019. — С. 91–96.

296. *Подвойский К. В.* Понятие лжи в криминалистике // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 4. — С. 447–454.

297. *Полстовалов О. В., Шагимуратова З. А.* Применение полиграфа в качестве элемента криминалистической тактики изобличения // Российский следователь. — 2016. — № 2. — С. 19–23.

298. *Ратинов А. Р.* О допустимости и правомерности некоторых тактических приемов // Следственная практика. — 1965. — № 65. — С. 106–115.

299. *Ратинов А. Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. — М., 1970. — С. 185–197.
300. *Ратинов А. Р.* Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд // Юридическая психология: сборник научных трудов. — М.: Издательство НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1998. — С. 95–105.
301. *Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1982. — Вып. 37. — С. 44–57.
302. *Румянцева И. В., Холопов П. А.* Криминалистическая диагностика: понятие и возможности применения на современном этапе // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 1 (6). — С. 279–285.
303. *Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я., Васкэ Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафунов Ф. С., Шишков С. Н., Шипнин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н.* Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 3 (43). — С. 64–73.
304. *Смолин М. С.* Явка с повинной — раскаяние или?.. // Следствием установлено. — 2018. — № 4 (8). — С. 20–25.
305. *Снетков В. А.* Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. — 1972. — № 23. — С. 103–106.
306. *Украинцев Б. С., Платонов Г. В.* Проблемы отражения в свете современной науки // Ленинская теория отражения и современная наука: материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. 7–9 апреля 1965 г. — М.: Наука, 1966.
307. *Фелинская Н., Станишевская Н.* Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. — 1971. — № 7. — С. 5–7.
308. *Фойгель Е. И., Козулева А. А.* Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 2 (8). — С. 223–233.

309. *Хайдуков Н. П.* Понятие воздействия, его правомерность и допустимость в деятельности следователя // Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. — Саратов, 1973. — С. 134–141.

310. *Холодный Ю. И.* Криминалистические исследования с применением полиграфа в форме экспертизы: от теории к практике // Сборник материалов учебно-методических сборов специалистов-полиграфологов правоохранительных органов (6–10 декабря 2010 г.). — М., 2010. — С. 171–172.

311. *Холодный Ю. И.* Методические средства судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. — 2014. — № 2. — С. 28–33.

312. *Холодный Ю. И.* Некоторые прикладные аспекты производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Вестник криминалистики. — 2014. — № 2 (50). — С. 27–36.

313. *Холодный Ю. И.* Необходимость апробации межведомственной методики судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Вопросы судебной практики. — 2019. — № S1. — С. 689–694.

314. *Холодный Ю. И.* Перспективные направления в диагностике следов памяти человека // Доклады участников круглого стола «Использование новых видов криминалистически значимой информации в правоприменительной деятельности». — М., 2012.

315. *Холодный Ю. И.* Применение полиграфа в России: необходимо наводить порядок // Материалы Международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов правоохранительных органов «Инструментальная детекция лжи — 15 лет на страже закона: итоги пройденного и перспективы развития». — Казань, 2009. — С. 24–27.

316. *Холодный Ю. И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. — 2005. — Вып. 1 (25). — С. 25–33.

317. *Холодный Ю. И., Тарапанова Е. А.* Информационно психологическая безопасность, лженаука и критическое мышление // Социально-политические науки. — Вып. № 5. — 2018. — С. 89–93.

318. *Центров Е. Е.* Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Ученые-юристы МГУ о современном праве. — М., 2005. — С. 443–462.

319. *Центров Е. Е.* О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая) // Вестник криминалистики. — 2012. — № 2 (42). — С. 22–30.

320. *Центров Е. Е.* О парадигме следственной тактики и ее основных понятиях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 1. — С. 76–98.

321. *Центров Е. Е.* О признании обвиняемым своей вины // Научные труды. Российская академия юридических наук. — М., 2020. — С. 321–327.

322. *Центров Е. Е.* О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Законность. — 2013. — № 10. — С. 50–55.

323. *Центров Е. Е.* Об ошибочности концепции «феноменологии внимания» и особенностях механизма исследования на полиграфе (статья вторая) // Вестник криминалистики. — 2012. — № 3 (43). — С. 9–19.

324. *Центров Е. Е.* Организация рабочего места следователя // Организация работы следователей. — Вып. 3. — М., 1970. — С. 31–46.

325. *Центров Е. Е.* Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самооговора и оговора // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2020. — № 1. — С. 21–42.

326. *Центров Е. Е.* Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Известия Тульского университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — Т. 2. — № 3. — С. 137–144.

327. *Центров Е. Е.* Признание обвиняемым своей вины при отграничении его от вопросов и действий наводящего характера // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2020. — № 2. — С. 33–44.

328. *Центров Е. Е.* Системно-деятельностный подход и основные элементы криминалистики // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики. — М. : МАКС Пресс, 2010. — Т. 1. — С. 275–281.

329. *Центров Е. Е.* Тактико-криминалистические аспекты ситуационного подхода // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. — Калининград : Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, 2012. — С. 143–148.

330. *Центров Е. Е.* Тактическая линия поведения // Материалы всероссийской научно-практической конференции (18 сентября 2015 г.). — Краснодар : КубГАУ, 2016. — С. 232–239.

331. *Центров Е. Е.* Тактические особенности допроса при участии защитника // Законность. — 2004. — № 6. — С. 24–28.

332. *Центров Е. Е., Подвойский К. В.* Криминалистическая диагностика лжи: теоретические основы // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 4. — С. 59–68.

333. *Чебуренков А. А.* Проблемы совершенствования отдельных критериев допустимости применения тактических средств при расследовании преступлений // Российский следователь. — 2013. — № 18. — С. 5–7.

334. *Чуканова Е. С.* О характеристике обмана как способа принуждения к даче показаний // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Кадников. — М. : Юриспруденция, 2020. — С. 218–224.

335. *Debey E., Houwer J. D., Vershuere B.* Lying relies on truth // Cognition. — 2014. — № 3 (132). — P. 324–334.

336. *Masip J. Garrido E., Herrero C.* Defining deception // Anales de Psicología. — 2004. — № 20 (1). — P. 147–171.

337. *Mehrabian A.* «Silent Messages» — A Wealth of Information About Nonverbal Communication (Body Language) // URL: kaaj.com/psych/smorder.html (дата обращения: 27.01.2021).

338. *Simakov A. I., Kalenov B. V., Pelenitsyn A. B., Pronkin N. N.* Truth — lies — ambiguity, semantic traffic to the polygraph [*Симаков А. И., Каленов Б. В., Пеленицын А. Б., Пронькин Н. Н.* Правда — ложь — неясность как семантический светофор для полиграфа] // *International Journal of Professional Science.* — 2020. — № 7. — P. 11–28.

339. *Tavel M. E.* The ‘Lie Detector’ Test Revisited: A Great Example of Junk Science // *Skeptical Inquirer.* — 2016. — Vol. 40, № 4. — URL: skepticalinquirer.org/2016/03/the-lie-detector-test-revisited-a-great-example-of-junk-science/ (дата обращения: 27.01.2021).

340. *Vendemia J. M. C., Buzan R. F., Simon-Dack S. L.* Reaction time of motor responses in two-stimulus paradigms involving deception and congruity with varying levels of difficulty // *Behavioural Neurology.* — 2005. — № 16. P. 25–36.

Словари и справочники

341. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М. : АСТ, АСТ-Москва ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. — 868 с.

342. Большой Российский энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2009. — 1887 с.

343. *Даль В. И.* Иллюстрированный толковый словарь русского языка. — М. : Эксмо, 2006. — 896 с.

344. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. — М. : Эксмо, 2006. — 669 с.

345. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М. : ООО «ИТИ Технологии», 2007.

346. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова // URL: ushakovdictionary.ru (дата обращения: 12.01.2021).

347. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова // URL: ozhegov.com (дата обращения: 12.01.2021).
348. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. — М. : АСТ, Астрель, 2003. — 1582 с.
349. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Ушакова. — М. : Terra, 1996. — 824 с.
350. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Республика, 2001. — 719 с.
351. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
352. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона // URL: vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 18.01.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Результаты анкетирования следователей

В ходе исследования проведен опрос следователей в соответствии с заранее разработанной анкетой по теме диссертации, в котором приняли участие 259 следователей Следственного комитета РФ и Министерства внутренних дел РФ из разных регионов страны, в том числе из Волгоградской области, Воронежской области, Омской области, Приморского края, Республики Башкортостан, Самарской области, Свердловской области, Челябинской области, Архангельской области, Воронежской области, Новгородской области, Новосибирской области, Томской области.

Ниже представлены обобщенные результаты анкетирования.

Вопрос и варианты ответов	Кол-во ответов в % ⁵⁸⁶
1. Каков Ваш стаж работы в следственных органах?	
Менее 1 года	7
От 1 года до 3 лет	15
От 3 лет до 5 лет	15
От 5 лет до 7 лет	10
Свыше 7 лет	53
2. Какое из определений лжи Вы считаете более подходящим для криминалистики с практической точки зрения?	
Ложь – любое высказывание, не соответствующее действительности, которое может возникнуть как в результате намеренного обмана, так и в результате добросовестного заблуждения	27
Ложь – только намеренное искажение действительности в целях введения следователя в заблуждение	73
3. Как часто Вы сталкиваетесь с ложью участников уголовного процесса?	
Часто, неоднократно в каждом деле	34
Не менее одного раза по каждому уголовному делу	40
Один раз в два-три уголовных дела	18
Крайне редко	8
4. Какие участники уголовного процесса наиболее часто лгут следователю?	

⁵⁸⁶ Проценты округлены до целого числа.

Подозреваемые и обвиняемые	78
Потерпевшие	8
Свидетели	12
Иные лица	2
5. Часто ли, по вашему мнению, адвокат принимает участие в формировании ложных показаний своего доверителя?	
Да	60
Нет	25
Затрудняюсь ответить	15
6. Какие наиболее распространенные мотивы лжи подозреваемых и обвиняемых?	
Страх перед уголовным наказанием, оглаской	28
Стыд перед близкими и знакомыми	6
Желание смягчить ответственность (исключить отягчающие признаки: повторность, группой лиц и пр.), в том числе избежать большой суммы иска	32
Желание скрыть соучастников преступления, страх мести	11
Желание продолжить заниматься преступной деятельностью; опасение, что признание вины повредит близким и родным	3
Желание сохранить нажитое преступным путем	7
Отрицательное отношение к органам правосудия	4
Уверенность в неспособности следствия доказать вину	8
Недоверие к лицу, ведущему расследование, личная неприязнь к нему или желание получить от него какие-либо выгоды процессуального характера (изменение меры пресечения, получение свиданий и прочее)	1
Иное	0
7. Какие наиболее распространенные мотивы лжи потерпевших и свидетелей?	
Страх мести со стороны преступника	16
Обещание вознаграждения со стороны заинтересованных лиц либо наличие служебной, экономической или иной зависимости от них	16
Чувства дружбы, любви, жалости или сочувствия к виновному	15
Извращенное понимание товарищеского долга, круговая порука, религиозные или национальные чувства	7
Стыд перед оглаской, страх быть заподозренным в совершении преступления в результате неблагоприятного толкования следователем фактов	7
Жажда последующего шантажа лица, виновного в совершении преступления, или самосуда над ним	3
Боязнь коррупции, неверие в возможности правоохранительных органов раскрыть преступление, возместить материальный ущерб, обеспечить личную безопасность	4

Недоверие к конкретному следователю либо отрицательное отношение к правоохранительным органам или нежелание участвовать в уголовном процессе	4
Юридическая ошибка, неверная оценка своих действий как преступных и желание скрыть их	4
Желание скрыть собственное поведения, например, когда раскрытие истины изобличает их в совершении преступлений или неблагоприятных поступков	15
Желание преувеличить причиненный ущерб из чувства мести, либо занижить его из дружеских, родственных чувств	9
Иное	0
8. С какими способами лжи Вы чаще сталкиваетесь?	
Умолчание (сокрытие) фактов полностью или частично	53
Дополнение описываемого события вымышленными фактами	12
Замена действительно произошедшего события вымышленным	19
Сообщение правды под видом лжи	7
Уход от ответа	9
9. Как часто Вам удается распознать ложь участников уголовного процесса?	
Всегда	32
Допускаю, что иногда меня можно ввести в заблуждение	62
Мне бывает сложно понять, лжет человек или говорит правду	3
Редко	3
10. Каким образом Вы распознаете ложь участников уголовного процесса?	
Путем сопоставления сообщенного со сведениями, полученными из других источников	35
Путем проверки сказанного (проведение следственных действий)	31
Наблюдая за особенностями вербального и невербального поведения допрашиваемого	15
Анализируя содержание сказанного с точки зрения внутренней противоречивости, правдоподобности, последовательности, логичности, наличие подробностей, оговорок и проговорок и т.д.	19
Иное	0
11. Имеет ли ложь однозначные невербальные признаки (мимика, жесты)?	
Имеет, общие для всех людей	17
Имеет, но у разных людей признаки лжи могут различаться	78
Не имеет	5
12. Как ложь проявляется в невербальном поведении?	
Отсутствие зрительного контакта	26
Избыточный зрительный контакт	4
Чрезмерная улыбчивость и смех	8
Изменение мимики лица	13

Прикосновение к носу, волосам и другие жесты-самоадапторы	15
Жесты-иллюстраторы	3
Бесцельные движения рук, ног и корпуса	10
Глотательные движения	5
Движения головы (кивки, мотание головой и т.д.)	5
Изменение позы	10
Ничего из перечисленного	1
13. Имеет ли ложь однозначные вокальные признаки?	
Имеет, общие для всех людей	11
Имеет, но у разных людей признаки лжи могут различаться	73
Не имеет	16
14. Как ложь проявляется в голосе и речи человека?	
Запинки в речи	20
Слова-паразиты и междометия («э-э-э», «м-м-м», «хм» и т.д.)	17
Повышение тона голоса	7
Понижение тона голоса	5
Повышение скорости речи	6
Понижение скорости речи	4
Длительная задержка перед ответом	19
Неестественное отсутствие задержки перед ответом	9
Продолжительные или частые паузы	10
Ничего из перечисленного	3
15. Наблюдаете ли Вы за невербальным поведением допрашиваемого?	
Да	93
Нет	7
16. Какие эмоции чаще всего испытывает лжец?	
Страх быть пойманным на лжи	80
Стыд	8
Эмоциональный подъем, восторг	6
Другое	6
17. Имеет ли ложь однозначные физиологические признаки?	
Имеет, общие для всех людей	15
Имеет, но у разных людей признаки лжи могут различаться	76
Не имеет	9
18. Используете ли Вы полиграф в своей работе?	
Да	64
Нет	36

19. В какой процессуальной форме допустимо использовать полиграф?	
В ходе следственных действий (допрос, очная ставка и так далее)	14
В ходе экспертного исследования	43
В ходе оперативно-розыскных мероприятий (например, опрос)	18
Все вышеперечисленное	24
Использование полиграфа недопустимо	1
20. Какие методики исследования на полиграфе являются надежными?	
Тест контрольных вопросов	16
Тест на виновную осведомленность	8
Обе данные методики	43
Ни одна из данных методик	2
Затрудняюсь ответить	31
21. Какое значение имеет заключение эксперта-полиграфолога?	
Доказательственное (для обоснования совершения преступления конкретным лицом)	14
Ориентирующее (для выдвижения и проверки версий)	86
22. Какие следственные действия Вы производите для выявления лжи?	
Повторный допрос	22
Очная ставка	30
Проверка показаний на месте	21
Назначение судебной экспертизы	11
Контроль и запись телефонных переговоров	10
Обыск или выемка	6
Иное	0
23. Назначали ли вы когда-либо судебную психологическую экспертизу по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям)?	
Да, более 1 раза	19
Да, 1 раз	10
Нет	71
24. Какие тактические приемы Вы чаще всего используете для выявления лжи?	
Детализация показаний	17
Повторность (постановка вопросов для повторного выяснения обстоятельств в том числе в другом хронологическом или логическом порядке)	21
Косвенный допрос	3
Неожиданный вопрос	11
Эмоциональное воздействие («создание напряжения»)	5
Ускорение темпа допроса	2

Замедление темпа допроса	0
Допущение легенды	3
Демонстрация доказательств	18
Повторное разъяснение уголовной ответственности за дачу ложных показаний	6
Разъяснение положений законодательства о том, что дача правдивых показаний может выступить как обстоятельство, смягчающее наказание	4
Предложение пройти полиграф	10
Иные	0
25. Допустимо ли для следователя вводить в заблуждение допрашиваемого?	
Да, в любом случае	7
Да, но только при помощи «следственных хитростей» без сообщения ложной информации, например путем умолчания о фактах	59
Да, но только при условии, что воздействие следователя на допрашиваемого является избирательным	5
Нет	29
26. Каким критериям должен отвечать тактический прием выявления лжи?	
Законность	38
Этичность	20
Научная обоснованность	3
Избирательность	10
Эффективность	29
Иные	0
27. Допустимо ли применять нетрадиционные методы (не имеющие научного обоснования)?	
Безусловно да	10
Да, но только для получения ориентирующей информации	41
Нет	49
28. Какие нетрадиционные методы криминалистики Вы применяете в работе?	
Гипноз	4
Биоритмика	3
Обращение к экстрасенсам	5
Дерматоглифика	1
Иные	2
Не применяю	85
29. Что вам известно о применении нетрадиционных методов криминалистики?	
Регулярно слышу от коллег о применении таких методов	4
Несколько раз слышал о применении таких методов	42
Не слышал о применении таких методов	54

Результаты изучения уголовных дел и приговоров

В ходе исследования изучено 117 преступных событий насильственной, корыстно-насильственной и корыстной направленности, нашедших отражение в материалах уголовных дел (65 шт.) и приговоров (52 шт.). Изученная следственно-судебная практика относится к разным периодам времени с 1960-х годов по наши дни, а также к разным регионам страны, в том числе к г. Москве и Московской области, Красноярскому краю, Волгоградской области, Брянской области, Республике Крым, Республике Коми, Ростовской области, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Томской области, Приморскому краю, Костромской области, Ивановской области, Псковской области, Хабаровскому краю, Вологодской области, Рязанской области.

Подборка дел, вошедших в исследование, обусловлена проблематикой настоящей работы, а также доступностью материалов с учетом того, что большинство документов уголовного судопроизводства традиционно имеет конфиденциальный характер даже по делам, разбирательство по которым завершено. Основными источниками проанализированных эмпирических данных выступили архив Криминалистического центра Юридического Факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, собственный практический опыт соискателя, база данных Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Задачей изучения уголовных дел являлось накопление и анализ эмпирической информации, значимой для построения тактико-психологической характеристики лжи и совершенствования криминалистических методов ее выявления. Изучение преступных эпизодов строилось в соответствии с вопросами заранее разработанной анкеты по теме диссертации, включающей 18 пунктов, содержание которых в процессе работы несколько корректировалось с учетом накапливаемых данных и промежуточных итогов.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

В ходе анализа выявлена проблема недостаточного отражения в материалах уголовного дела, в том числе в протоколах допросов, очных ставок, проверок показаний на месте, предъявления для опознания и иных следственных действий, информации, имеющей криминалистическое тактико-психологическое и диагностическое значение. Еще меньше подобных сведений содержится в процессуальных документах: обвинительных заключениях и приговорах, в которых содержание показаний, как правило, излагается с изъятиями и лишь в части, соответствующей предмету доказывания.

Коренной причиной данной проблемы видится распространенный в следственной практике способ протоколирования следственного действия, который состоит в изложении

показаний от первого лица без отражения вопросов следователя вообще (изложение в форме свободного рассказа) либо с отражением только части вопросов (смешанная форма). Данные особенности имеют устойчивый характер и присущи абсолютному большинству исследованных материалов, независимо от года производства по делу (то есть ситуация радикально не изменилась за последние 70 лет).

Подобная форма фиксации плохо соответствует реальному ходу следственного действия, отражая лишь его итоги через призму восприятия происходящего автором протокола (чаще всего следователем). В реальности же общение между допрашивающим и допрашиваемым всегда имеет характер диалога, не содержащего чрезмерно длительные тирады говорящего, насыщенного многочисленными вопросами и репликами, имеющими диагностическое значение (вербальные признаки лжи и искренности). Однако в исследованных протоколах показания искажаются, притом что вопросы следователя опускаются (например, вместо *«Вопрос следователя: Какого цвета на Александре была футболка? – Ответ свидетеля: Не помню»* в протокол вносится фраза *«Цвет футболки, которая была на Александре, не помню»*), либо излагаются в крайне усеченном составе.

В результате по протоколу следственного действия и иным материалам уголовного дела часто не представляется возможным воспроизвести реальный ход следственного действия, увидеть примененные следователем тактические приемы, а также вербальные и невербальные признаки поведения допрашиваемого, значимые для выявления лжи, понять, задавались ли следователем наводящие вопросы (совершались ли им действия наводящего характера) и использовалась ли следователем ложная информация в тактических целях (диагностическая либо побудительная ложь). В частности, по результатам изученной выборки дел были выявлены лишь единичные случаи использования следователями недостоверной информации в тактических целях, что не соответствует результатам проведенного опроса следователей.

К тому же анализ приговоров показал, что подобный способ фиксации показаний в случае последующего отказа от них участника процесса по мотивам неправомерного давления или обмана со стороны должностных лиц (следователей, оперативных сотрудников) способствует применению судами сугубо формальных рассуждений при оценке возникших противоречий. Такие факторы как собственноручное подписание протокола допроса без замечаний, участие в следственном действии адвоката или понятых, не принесение жалоб на порядок проведения следственных действий непосредственно после их окончания и тому подобное – в отсутствие реальной возможности исследовать в процессе судебного разбирательства ход следственного действия часто определяют доверие суда к протоколу, составленному на предварительном расследовании, что может рассматриваться в качестве проблемы.

Представляется, что проблема скудной насыщенности материалов дела информацией тактико-психологического характера может быть разрешена посредством введения обязательной видеозаписи процессуальных действий (либо иной их объективной фиксации), что позволило бы не только сделать следственное и судебное познание более достоверным, но и создало неоценимый с точки зрения криминалистической науки источник для изучения тактико-психологических особенностей коммуникации в ходе вербальных следственных действий.

Нужно подчеркнуть, что проведенное исследование показало недостаточное использование возможностей объективной фиксации даже на современном этапе, когда технически это уже не должно вызывать никаких трудностей ввиду огромного распространения средств аудио- и видеозаписи.

В отношении выявленных по результатам исследования материалов уголовных дел и приговоров закономерностей и тенденций, можно отметить высокую распространенность лжи обвиняемых и иных лиц. Полное отсутствие противоречий между показаниями и иными материалами дела является редким исключением, в то время как обратная ситуация – правилом.

Наиболее часто по материалам уголовного дела выявляется ложь, совершаемая посредством искажения. Меньшая распространенность умолчаний и завуалированной лжи может быть отчасти объяснена и вышеописанными особенностями письменной формы фиксации показаний в протоколе допроса. Среди наиболее распространенных признаков лжи выделяются неконкретность и неправдоподобность показаний, а также их изменения в ходе последовательных допросов, в то время как внутренние противоречия в рамках одного допроса и иные возможные диагностические признаки были зафиксированы существенно реже.

В изученной выборке дел для проверки диагностируемого сообщения обвиняемого наиболее часто проводились допросы свидетелей и потерпевших, очные ставки и назначение разного рода судебных экспертиз. В то же время недостаточно активно использовались возможности следственного осмотра, случаи проведения которого для проверки показаний были достаточно редки.

Также обращает на себя внимание разница между числом случаев, когда признающий вину обвиняемый сообщал подробности, не известные следствию, либо указывал на совершение преступления иным лицом, и значительно меньшим числом проведенных проверок показаний на месте, что может быть индикатором недостаточного использования этого следственного действия в криминалистической практике. Данный факт может отражать и тенденцию к чрезмерному доверию признаниям, а также к непринятию следователями мер к полному исключению версии о ложном самооговоре.

Ниже представлены обобщенные результаты анкетирования изученных следственных эпизодов.

Вопрос и варианты ответов	Кол-во ответов в %⁵⁸⁷
1. Общая информация	
1.1. Номер уголовного дела	-
1.2. Годы производства	-
1.3. Следственный орган / суд	-
1.4. Состав преступления	-
1.5. Количество обвиняемых⁵⁸⁸	-
1.6. Преступное событие изучено:	
А) По полному уголовному делу	53
Б) По приговору / обвинительному заключению	47
2. Каким способом фиксировались показания в протоколе допроса (возможно несколько ответов)⁵⁸⁹?	
А) Свободный рассказ	58
Б) Смешанная форма	42
3. Велась ли в ходе допроса видеозапись / аудиозапись?	
А) Да	10
Б) Нет, в том числе нет данных	90
4. Задавались ли следователем наводящие вопросы?	
А) Да	5
Б) Нет, в том числе нет данных	95
5. Давал ли подозреваемый / обвиняемый ложные показания?	
А) Да	76
Б) Нет, в том числе нет данных	24
6. В какой форме подозреваемым / обвиняемым были даны ложные показания (возможно несколько ответов)?	
А) Умолчание	20
Б) Искажение	78
В) Иная форма (завуалированная ложь)	2
7. Какие вербальные диагностические признаки присутствовали в ложных показаниях обвиняемого (возможно несколько ответов)?	

⁵⁸⁷ Проценты округлены до целого числа.

⁵⁸⁸ Если обвиняемых несколько, ответы на вопросы 5-14 даются применительно к одному из них.

⁵⁸⁹ Данный пункт заполнялся только по результатам изучения полных материалов дел, поскольку приговоры, как правило, не содержат данной информации.

А) Внутренние противоречия	8
Б) Неправдоподобность	37
В) Неконкретность	41
Г) Недостаточно данных	12
Д) Иные	2
8. Признал ли обвиняемый вину по итогам рассмотрения дела?	
А) Да, полностью	32
Б) Да, частично	30
В) Нет	38
9. Сообщал ли отрицающий (полностью или частично) вину альтернативную версию событий?	
А) Да	85
Б) Нет	15
10. Связана ли версия отрицающего вину подозреваемого / обвиняемого с ложным оговором иных лиц?	
А) Да	19
Б) Нет, нет в том числе нет данных	81
11. Менял ли подозреваемый / обвиняемый отношение к обвинению?	
А) Да, с отрицания (в том числе частичного) на признание вины (в том числе частичное)	12
Б) Да, с признания (в том числе частичного) на отрицание вины (в том числе частичное)	18
В) Нет	70
12. Имеются ли противоречия в последовательных допросах подозреваемого / обвиняемого?	
А) Да	45
Б) Нет	28
В) Нет данных (в том числе показания давались лишь однажды)	27
13. В какой момент возникали противоречия (возможно несколько ответов)?	
А) В ходе предварительного расследования	58
Б) После окончания предварительного расследования	42
14. Сообщал ли подозреваемый / обвиняемый в случае признания подробности, не известные следствию?	
А) Да	68
Б) Нет, в том числе нет данных	32
15. Какие действия предпринимались следователем для проверки показаний подозреваемого/обвиняемого (возможно несколько ответов)?	
А) Проверка показаний на месте	11
Б) Следственный осмотр	9
В) Использование психологического реагента (предъявление документов или вещественных доказательств)	2

Г) Допрос свидетеля / потерпевшего	33
Д) Очная ставка	13
Е) Назначение экспертизы	26
Ж) Иные	6
16. Проводилась ли в ходе проверки показаний на месте видеозапись?	
А) Да	60
Б) Нет, в том числе нет данных	40
17. Сообщал ли следователь участникам расследования сведения, не соответствующие действительности?	
А) Да (в том числе со слов участника процесса)	8
Б) Нет, в том числе нет данных	92
18. Оказывали ли противодействие расследованию участники помимо подозреваемого / обвиняемого (возможно несколько вариантов)?	
А) Да, свидетель	13
Б) Да, потерпевший	7
Г) Нет, в том числе нет данных	80

**Концепция
создания технической системы для дистанционного определения
динамики изменений психофизиологического состояния лица
в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий**

1. Общие сведения

1.1. Рабочее наименование системы — техническая система для дистанционного (бесконтактного) определения динамики изменений психофизиологического состояния лица в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий. Краткое наименование — ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния.

1.2. Назначение документа. В настоящем документе приводится общий набор требований к реализации ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния. Конкретные требования к воплощению данной системы и ее отдельных компонентов, соответствующие общей концепции, должны быть определены дополнительно.

2. Назначение системы

Выявление лжи в ходе производства по уголовному делу является важной тактической задачей. Источниками информации, значимыми при оценке конфликтности ситуации в ходе следственных и иных процессуальных действий, выступают физиологическая активность человека (дыхание, сердцебиение, потоотделение и т.д.) и исходящая от него невербальная информация (мимика, жесты, поза, движения и т.д.).

На основании анализа сведений о динамике изменения указанных параметров можно делать предположительные выводы о переживании определенных эмоций, наличие или отсутствие которых в ситуационном контексте может указывать на субъективную значимость для обследуемого конкретных стимулов (вопросов, предметов или их изображений), на определенные когнитивные процессы, а также на субъективное отношение обследуемого к происходящему и к собственным действиям.

Основным используемым в настоящее время в практике правоохранительных органов прибором для регистрации физиологических процессов человека является полиграф. Вместе с тем применение традиционного полиграфа в ходе расследования сопряжено с рядом недостатков и трудностей, среди которых можно выделить:

- необходимость получения предварительного согласия обследуемого лица на проведения тестирования;
- построение методик тестирования, которое не позволяет использовать при обследовании фактор внезапности (все вопросы заранее обсуждаются в процессе предтестовой беседы);
- ресурсоемкая процессуальная форма проведения обследования.

Вместе с тем существующие технологии (высококачественная видео- и аудиозапись, дистанционная фотоплетизмография, биорадиолокация) позволяют реализовать познавательный потенциал полиграфа, избежав данных недостатков при помощи регистрации

данных о динамике физиологических процессов, а также о невербальном поведении бесконтактным способом.

В свете сказанного основным назначением ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния является способствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в части повышения эффективности распознавания конфликтных ситуаций и выявления лжи в ходе следственных и иных процессуальных действий.

При этом использование данного устройства на практике возможно в двух основных формах: а) оперативного анализа данных о динамике психофизиологического состояния обследуемого лица непосредственно в ходе следственного или иного процессуального действия (в реальном времени); б) глубокого анализа данных о динамике психофизиологического состояния обследуемого лица по окончании следственного или иного процессуального действия.

3. Структура системы

ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния состоит из следующих подсистем:

- 1) устройств сбора информации о динамике отдельных физиологических процессов;
- 2) оборудования для видео- и аудиозаписи;
- 3) программного обеспечения, позволяющего производить первичный анализ полученных данных, а также их хранение и представление их в удобном для анализа виде.
- 4) соответствующего персонального компьютера, обеспечивающего хранение и воспроизведение полученных данных;
- 5) сопутствующих устройств (блоков питания, устройств связи и т.д.).

Конкретные используемые технические устройства и программное обеспечение выбираются и (или) разрабатываются на последующих этапах создания ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния с учетом конкретной материально-технической базы, на которой воплощается система.

4. Функции системы

ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния должна быть способна выполнять следующие функции.

№ п/п	Функция	Описание
1	Видео- и аудиозапись	Видеозапись должна непрерывно вестись одновременно несколькими видеокамерами высокого разрешения в отношении следующих элементов: — общая обстановка следственного или иного процессуального действия (ориентирующая съемка); — внешний вид и поза (двигательная активность) обследуемого (обзорная съемка); — отдельно крупным планом лицо (мимика и микроэкспрессии) обследуемого (узловая съемка); — отдельно крупным планом руки и ноги (двигательная

№ п/п	Функция	Описание
		активность, тремор) обследуемого (узловая съемка); — отдельно крупным планом глаза (реакции зрачка, направления взгляда) обследуемого (детальная съемка)
2	Бесконтактная (дистанционная) регистрация динамики изменений отдельных физиологических процессов	Регистрации подлежат следующие показатели физиологического состояния: — сердечно-сосудистая активность: может реализовываться как оптическим методом бесконтактной фотоплетизмографии, так и методом биорадиолокации; — температура тела: может реализовываться применением дистанционного тепловизора; — дыхание: может реализовываться методом биорадиолокации
3	Синхронное воспроизведение видеозаписи с разных видеокамер и динамики изменений физиологических процессов	Все данные, собираемые в ходе работы системы, должны автоматически в режиме реального времени пересылаться на персональный компьютер в соответствующее программное обеспечение сразу после начала работы ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния. Программное обеспечение системы должно позволять пользователю синхронно следить за видеозаписями с разных камер и показателями динамики физиологических процессов в графическом и (или) цифровом виде
4	Автоматическое выявление существенных изменений динамики показателей физиологического состояния	Программное обеспечение должно автоматически анализировать динамику регистрируемых физиологических процессов и при резком их изменении в режиме реального времени создавать соответствующие уведомления пользователю системы, а также делать соответствующие закладки в сохраняемой записи сеанса работы системы, при помощи которых пользователь будет иметь возможность обратиться к данному моменту записи при ее воспроизведении
5	Хранение данных о сеансе работы системы	В программном обеспечении должны быть реализованы функции записи и хранения данных, полученных со всех датчиков и видеокамер, входящих в состав ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния. Кроме того, система должна предоставлять защиту от внезапной потери данных при возникновении ошибок в работе системы
6	Воспроизведение записи сеанса работы системы	В программном обеспечении должны быть реализованы возможности воспроизведения и навигации по сохраненным записям сеансов работы ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния. Пользователь системы должен иметь возможность в любой момент обратиться к любому фрагменту записей в интересующей его последовательности, а также воспроизводить запись (ее фрагменты) в разных скоростных режимах (замедленно, ускоренно). Отдельно должна быть реализована функция оперативного обращения к тем фрагментам записи, на которых

№ п/п	Функция	Описание
		было зафиксировано резкое изменение регистрируемых показателей физиологических процессов
7	Защита данных	Все каналы передачи информации в системе должны подвергаться шифрованию и быть защищены от несанкционированного доступа

5. Требования к системе

Требования к математическому, техническому, метрологическому, организационному, методическому, программному и другим видам обеспечения системы; требования к режимам функционирования системы; требования к численности и квалификации персонала системы и режиму его работы; требования эргономике и технической эстетике; требования к эксплуатации, техническому обслуживанию, ремонту и хранению компонентов системы; требования к патентной чистоте, стандартизации и унификации; а также дополнительные требования определяются на основании отдельного документа (документов), разрабатываемого на последующих стадиях разработки ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния.

6. Состав работ по созданию системы

Работы по созданию ТС для бесконтактного определения психофизиологического состояния выполняются в ходе последовательных этапов: 1) разработка технического задания; 2) проектирование прототипа; 3) тестирование прототипа, его испытания, исправление ошибок; 4) проектирование рабочей модели технической системы; 5) создание рабочей документации; 6) ввод технической системы в действие.